

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Савчишина Ксения Евгеньевна

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В
КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ УСЛУГ

Специальность 5.2.1 – Экономическая теория

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Научный руководитель:

доктор экономических наук,
профессор РАН, член-корреспондент РАН

Широв Александр Александрович

Москва - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования сферы услуг в контексте экономического развития.....	13
1.1 Теории экономического роста как база исследования перспектив и ограничений развития экономики при расширении сферы услуг.....	13
1.2 Анализ теоретических концепций развития нематериального сектора и его влияния на общеэкономическую динамику.....	19
1.3 Расширение теоретической концепции значимости динамических и структурных изменений для долгосрочного роста экономики с точки зрения взаимозависимого развития материального и нематериального секторов экономики.....	36
Краткие выводы по главе.....	40
Глава 2. Теоретическое обоснование повышения эффективности экономического развития в рамках структурных изменений, связанных с развитием сферы услуг.....	43
2.1 Теоретические аспекты общемировых тенденций развития сферы услуг.....	43
2.2 Обоснование тенденций развития мировой сферы услуг в контексте повышения эффективности национальных экономик.....	50
2.3 Общие итоги трансформации структуры производства российского ВВП.....	56
Краткие выводы по главе.....	62
Глава 3. Особенности развития российской сферы услуг.....	65
3.1 Ценовой фактор трансформации структуры российской экономики.....	65
3.2 Распределение факторов производства и его теоретическое обоснование.....	72
3.3 Структура производства услуг в российской экономике.....	82
3.4 Структура промежуточного и конечного спроса на услуги в РФ.....	100
Краткие выводы по главе.....	108
Глава 4. Роль российской сферы услуг в формировании устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе.....	111
4.1 Теоретическое обоснование применимости прогнозно-аналитического инструментария межотраслевого моделирования.....	111
4.2 Ограничения экономического развития в инерционном сценарии.....	119

4.3 Перспективы интенсификации экономического развития при реализации мер экономической политики.....	127
Краткие выводы по главе.....	131
Заключение.....	134
Список литературы.....	137
Приложение.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Выход на траекторию устойчивого развития российской экономики остается той задачей, на решение которой направлены значительные усилия государства. Экономическая политика, приоритетом которой на протяжении ряда лет являлось обеспечение макроэкономической стабильности, создала базу для развития экономики, но не смогла обеспечить запуск полномасштабного цикла модернизации экономики. В целях повышения темпов и качества экономического развития президентом и правительством были инициированы реализация национальных проектов и расширение ряда уже существовавших государственных программ. Возникновение новых значимых внеэкономических факторов (пандемия, санкционный режим) потребовало принятия широкого набора государственных мер поддержки экономики, большая часть которых носила краткосрочный характер. Однако при сохранении низких темпов экономического роста бюджетная система в среднесрочной перспективе столкнется с существенными финансовыми ограничениями, которые могут стать препятствием для продолжения масштабной поддержки доходов населения, увеличения государственных инвестиций и расходов на расширение человеческого капитала.

В таких условиях на первый план выходят действия в области экономической политики, направленные на структурно-технологические изменения, которые необходимы для устранения ряда дисбалансов в системе производства и потребления, ценовых пропорциях, использовании факторов производства.

Во многих работах отечественных экономистов необходимость структурных изменений и соответствующей долгосрочной экономической политики обосновывается с помощью количественных оценок необходимых структурных сдвигов во всех сферах экономической деятельности. При этом неоднократно подчеркивалось, что экономическая политика по выстраиванию наиболее эффективной структуры экономики является необходимым элементом обеспечения устойчивого развития России в долгосрочной перспективе. В связи с

этим нужно отметить, что сложившаяся структура российской экономики делает развитие сферы услуг обязательной составляющей этого процесса.

В последние 25 лет порядка 60% ВВП России создается видами деятельности, оказывающими услуги. Тенденции изменения отраслевой структуры российского ВВП, с одной стороны, находятся в общемировом тренде роста значимости сферы услуг, с другой стороны, имеют характерную только для России специфику, связанную как со скоротечностью перехода от плановой к рыночной экономике, так и с сырьевой направленностью развития народного хозяйства в последние три десятилетия.

Значимость сферы услуг определяется не только ее долей в произведенном ВВП. С 1991 г. доля занятых в непроизводственной сфере увеличилась с 42% до 62%, доля основного капитала – с 50% до 70%. В результате, в непроизводственном секторе во многом формируются такие фундаментальные экономические характеристики, как производительность труда, эффективность основного капитала, динамика и распределение доходов населения. Кроме того, через межотраслевые связи динамика цен на услуги для производителей и их промежуточное потребление определяют как динамику цен на товары, так и, в конечном счете, отраслевое распределение национального дохода. Это распределение, в свою очередь, формирует финансовые возможности для дальнейшего развития всех отраслей национальной экономики.

Немаловажным также является факт того, что сфера услуг формирует значительную часть доходов российской бюджетной системы: доля налогов, уплачиваемых предприятиями этого сектора, в общей величине налоговых доходов консолидированного бюджета составляет 40% (без учета нефтегазовых доходов – 52%), в собственных доходах внебюджетных фондов – 67%¹. Таким образом, вопросы бюджетного финансирования функционирования нерыночного сектора сферы услуг для повышения качества человеческого капитала, запрос на который все четче проявляется на фоне роста напряженности в области демографии и

¹ Данные ФНС РФ за 2023 год (по форме 1-НОМ) [59].

занятости, напрямую связаны с развитием нематериального сектора не только как поставщика соответствующих услуг, но и одного из основных источников формирования всех видов доходов, в том числе бюджетных.

В этой связи, высокую актуальность имеют работы, направленные на полноценное изучение вклада структурных изменений, связанных с развитием сферы услуг, в формирование экономической динамики. Для выработки эффективных мер в области экономической политики требуется анализ не только непосредственно показателей сферы услуг, но и количественные оценки того, как будет развиваться материальный сектор производства в зависимости от сценариев развития нематериальной сферы.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросу развития сферы услуг в контексте общеэкономического развития посвящен широкий круг теоретических и прикладных работ. С ростом значимости нематериального сектора в производстве ВВП в середине XX века в экономической теории была разработана концепция развития мировой экономики, обосновавшая ее структурную трансформацию. Основные аспекты расширения сферы услуг и перехода к постиндустриальному экономическому укладу были описаны в работах К. Кларка и Д. Белла. При этом фундаментом для создания теории постиндустриализма стали классические работы по общей экономической теории и теории экономического роста, авторами которых были А. Смит, Ж.-Б. Сэй, А.К. Шторх, Ф. Кенэ, Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл, Ф. Бастиа, Ф. Рамсей, Р. Солоу, Дж. Робинсон, Х. Узава, Р. Лукас, К. Эрроу, П. Ромер и др.

Постиндустриальная теория связана с теориями человеческого капитала и «экономики знаний», в которых идея необходимости инвестиций в наукоемкие виды деятельности сферы услуг для повышения качества и количества факторов производства развивалась в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Дж. Минсера, И. Хигучи, Р. Лермана, Ф. Махлупа, Т. Стюарта, Дж. Хоутона, Д. Теесе, Б. Годин, А.Г. Аганбегяна, В.Л. Макарова, А.Е. Варшавского, И.Э. Фролова и др.

В дальнейшем широкая дискуссия о роли сферы услуг велась в работах У. Бомола, Дж. Кендрика, В. Фьюкса, Дж. Триплета, Б. Босуорта, Барт ван Арка, М.

О'Махони, М.П.Тиммера, К Лавлока, С.Л. Брю, К.Р. Макконэла, П. Самуэльсона, Ю. Барра, Дж. Ю. Стиглица, Е. Фама и др.

Одновременно в советской экономической науке в рамках теории непродуцственной сферы необходимость развития этой сферы обосновали В.Е. Козак, А.Я. Кронрод, Д.И. Правдин и др.

В позднесоветский и российский периоды трансформация сектора услуг в контексте общеэкономического развития анализировалась в работах Ю.В. Яременко, М.Н. Узякова, А.Р. Белоусова, О.В. Спасской, Н.Н. Михеевой, Г.И. Ханина, Д.А. Фомина, С. Губанова, В Наймушина, З. Грандберга, И.Г. Шакурова, В.С. Сулягина и др.

Основными вопросами, обсуждавшимися в рамках упомянутых работ, были:

- экономическое определение понятий «услуга» и «сфера услуг»,
- классификация видов деятельности, входящих в сферу услуг,
- отнесение затрат на услуги к процессу производства ВВП или их вывода только в категорию конечного потребления,
- формирование ограничений на развитие сектора в контексте низкой производительности труда относительно реальной сферы производства,
- роль сферы услуг в трансформации российской экономики при переходе к рыночной экономике и т.д.

Количественному анализу экономической динамики и структурных изменений экономики (в том числе с помощью инструментария межотраслевого баланса) были посвящены работы В. Леонтьева, К. Алмона, М.Н. Узякова, П.А. Суворова, А. И. Анчишкина, А.О. Баранова, А.А. Широа и др.

Тем не менее, наименее изученным остается вопрос структурных ограничений общеэкономического развития в контексте сложившейся структуры производства ВВП, использования факторов производства и отраслевой ценовой динамики. Значимость услуг высока не только в создании национального дохода, но и в формировании показателей реального сектора: эффективность использования факторов производства в нематериальном секторе определяет ценовую динамику на услуги, что в свою очередь, через межотраслевые связи оказывает влияние на

структуру затрат в материальном производстве. Таким образом, настоятельным представляется синтез 1) анализа расширения экономики за счет расширения сферы услуг и 2) изучения потенциальных ограничений для экономической динамики при изменении производительности факторов производства в нематериальном секторе.

Цели и задачи диссертационной работы

Цель диссертационной работы – развитие теоретической концепции значимости количественных и структурных изменений для долгосрочного экономического роста с учетом роли сферы услуг в развитии российской экономики в постсоветский период, в том числе через анализ ее взаимосвязи с реальным сектором и формирование требований к экономической политике по изменению структурных характеристик экономики в средне- и долгосрочной перспективе.

Задачи диссертационной работы определяются ее целью и состоят в следующем:

1. Анализ теоретических исследований, обосновывающих взаимосвязь между развитием сферы услуг и общеэкономическим развитием как обоснование для разработки авторского развития теоретической концепции значимости количественных и структурных изменений для долгосрочного экономического роста;
2. Исследование результатов трансформации российской экономики в постсоветский период и вклада в ее развитие сферы услуг;
3. Развитие межотраслевого прогнозного-аналитического инструментария для количественного анализа структурных характеристик сферы услуг;
4. Оценка результатов экономической политики в части трансформации сферы услуг в контексте повышения производительности труда, изменения ценовых пропорций и формирования бюджетных ресурсов;
5. Исследование роли нематериального сектора в повышении качества человеческого капитала как в вопросе предложения соответствующих услуг, так и в контексте формирования бюджетных доходов для финансирования нерыночных

услуг (социальное обеспечение, образование, здравоохранение, культура, частично – наука, туризм и рекреация);

6. Разработка рекомендаций для проведения структурной политики в сфере услуг, направленной на нивелирование дисбалансов производства, эффективного использования факторов производства и ценовой динамики для обеспечения устойчивого экономического роста.

Объект исследования – экономическая динамика в российской экономике в контексте развития сфер услуг в средне- и долгосрочной перспективе.

Предмет исследования – взаимосвязь между экономической динамикой и структурными характеристиками российской сферы услуг, оценка влияния сдвигов в структуре выпуска и факторов производства в сфере услуг на экономический рост.

Теоретико-методологической базой исследования являются научные работы зарубежных и отечественных авторов по проблемам развития сферы услуг в контексте общеэкономического развития, распределения национального дохода, повышения производительности труда, государственного и частного финансирования роста человеческого капитала через потребление соответствующих услуг, включая теорию постиндустриальной экономики. Построение прогнозно-аналитического инструментария проводилось на основе методов регрессионного анализа в рамках динамической межотраслевой модели с использованием ценовой модели и встроенных производственных функций. В диссертации были использованы результаты теоретических и прикладных исследований, проводимых в ИНП РАН.

Информационной базой исследования являются методические и статистические материалы Федеральной службы государственной статистики, Министерства финансов РФ и Федерального казначейства, расчетные межотраслевые балансы, разработанные в ИНП РАН, а также данные Всемирного банка, Бюро экономического анализа США, базы данных ВТО, ООН, ОЭСР, а также межотраслевые балансы зарубежных стран, публикуемые в рамках проекта World Input-Output Database (WIOD).

Научная новизна работы определяется ее результатами, полученными при решении заявленных задач.

1. Предложено авторское развитие теоретической концепции значимости количественных и структурных изменений для долгосрочного экономического роста, расширенное для нематериального сектора. Такое расширение позволяет оценить значимость сферы услуг в структурных сдвигах, которые приводят к изменениям темпов и устойчивости долгосрочного экономического развития России в связи с ее высокой долей в создании и перераспределении национального дохода, а также повышения качества используемых в экономике факторов производства через опережающий рост развития «экономики знаний» и изменение структуры самой сферы услуг.

2. На основе развития теоретической концепции значимости количественных и структурных изменений предложен усовершенствованный прогнозно-аналитический инструментарий оценки степени влияния сферы услуг на общеэкономические показатели; межотраслевая динамическая модель была дополнена авторским методом оценки влияния изменения структуры выпуска сферы услуг на экономическую динамику путем включения в расчет производственных функций. Для прогнозных расчетов предложена авторская модификация ценовой модели межотраслевого баланса, которая заключается в изменении принципа оценки отраслевых дефляторов для видов деятельности нематериального производства, что позволяет получать количественные оценки взаимосвязанной и разнонаправленной динамики в реальном секторе экономики и сфере услуг.

3. Авторский метод оценки влияния изменения структуры выпуска сферы услуг на экономическую динамику позволил дать количественную оценку потенциала избыточной занятости в ряде отраслей сферы услуг, который является одним из структурных ограничений, формируемых при расширении доли сферы услуг в валовом выпуске. Использование разработанной методологии позволяет обосновать потенциал снятия такого ограничения путем проведения государственной структурной политики, что приведет к ускорению темпов

долгосрочного экономического роста, при росте эффективности и структурных сдвигах в сфере услуг.

Теоретическая значимость диссертации состоит в обогащении теоретической концепции межотраслевого анализа В. Леонтьева путем введения дополнительных требований к трудовым ресурсам, необходимым для обеспечения выпуска, которые оцениваются через систему отраслевых производственных функций. **Практическая значимость** исследования обоснована необходимостью проведения специализированных расчетов для повышения обоснованности прогнозно-аналитических работ и предложений в сфере экономической политики по развитию сферы услуг.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности

Диссертационная работа соответствует паспорту специальности научных работников ВАК 5.2.1 «Экономическая теория» и следующим направлениям исследований: 9. «Макроэкономическая теория», 12. «Теоретический анализ экономической политики и государственного регулирования экономики», 16. «Теоретические подходы к исследованию экономического роста, экономического развития и экономических колебаний».

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационной работы были представлены на XX, XXII, XXIII, XXVI Международных конференциях по межотраслевому моделированию «INFORUM» (г. Флоренция, Италия, 2012 г., г. Александрия, США, 2014 г., г. Бангкок, Таиланд, 2015 г., г. Лодзь, Польша, 2018 г.), на Конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Московская область, 2019 г.), на конференции «Ломоносовские чтения-2023 на экономическом факультете МГУ» (г. Москва, Россия, 2023 г.).

По теме диссертации опубликовано 13 печатных работ общим объемом 48,4 п. л. (личный вклад автора – 9 п. л.), 6 из которых опубликованы в изданиях из перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы

основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура и объем работы

Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы из 160 наименований. Работа содержит 29 рисунков и 24 таблицы, 9 формул. Общий объем диссертации составляет 159 страницы (с учетом Приложения).

Глава 1. Теоретические основы исследования сферы услуг в контексте экономического развития

1.1 Теории экономического роста как база исследования перспектив и ограничений развития экономики при расширении сферы услуг

Развитие сферы услуг в данном исследовании рассматривается с позиций его влияния на долгосрочные перспективы экономического развития, поэтому в качестве теоретической базой работы необходимо проанализировать ту часть экономической науки, главным предметом исследования которой является долгосрочный экономический рост и варианты государственной политики, способные повысить его темпы.

Основы теории экономического роста были заложены уже в классической экономической теории. Так, А. Смит [89] в основе экономического развития (понимаемого как набор закономерностей, приводящих к росту богатства населения) выделял увеличение производительности труда как результат разделения труда и накопления физического капитала, который используется для обеспечения работой «производительных» рабочих. Д. Рикардо [66] развил эту теорию, указав на невозможность неограниченного экономического развития в силу конечности ресурсов, приводящей к росту ренты и снижению нормы прибыли [107].

В современном понимании теория экономического роста основывается на неоклассической теории Ф. Рамсея [119, 143]. Следуя неоклассической парадигме, он решал задачу определения условий для перехода экономики в равновесное состояние при соблюдении ряда условий:

- постоянная отдача от масштаба, т.е. рост объема производства пропорционален росту объемов факторов производства (капитал, рабочая сила);
- положительная и убывающая отдача от увеличения факторов производства, когда при сохранении неизменными всех факторов производства, кроме одного, каждая дополнительная единица меняющегося фактора обеспечивает

положительное увеличение выпуска, но это увеличение уменьшается по мере увеличения объема меняющегося фактора;

- существенность каждого фактора производства.

Кроме того, в качестве основополагающего ставился вопрос о причинах различий скорости перехода разных национальных экономик к равновесному состоянию, т.е. о причинах разных долгосрочных темпов экономического роста.

Идея Ф. Рамсея (впоследствии расширенная Д. Кассом [124] и Т. Купмансом [132]) заключалась в том, что норма сбережений, определяющая скорость накопления основного капитала – одного из факторов расширения выпуска – определяется путем оптимизации функции полезности домохозяйств с одновременной максимизацией прибыли фирм. При такой постановке задачи норма сбережений не является постоянной во времени, а зависит от объема накопленного капитала на душу населения. Кроме того, устанавливается «условная конвергенция», т.е. доказывалось, что развивающаяся экономика должна демонстрировать более высокие темпы роста, чем развитая, при условии, что точки их равновесного состояния совпадают (т.е. выполняется условие схожести структурных параметров).

Оценки параметров и условий экономического развития при переходе к устойчивому равновесию, полученные на эмпирических данных по странам с помощью математической модели Рамсея-Касса-Купманса, оказались нереалистичными при рассмотрении фактора капитала в узком смысле – только его физической составляющей. Если же трактовать капитал более широко, включая в него человеческий капитал, а в норму сбережений – подушевые расходы на его расширение или поддержание (т.е. расходы на образование, здравоохранение и пр.), то решение модели генерирует прогнозы, хорошо согласующиеся с эмпирическими данными. Более того, было показано, что с увеличением подушевого уровня дохода в период перехода к равновесному состоянию норма сбережений имеет тенденцию к умеренному росту, при этом соотношение человеческого и физического капитала будет меняться в пользу первого.

Частным случаем теории Рамсея является модель Солоу-Свана [149, 152], в которой норма сбережений принимается экзогенной и не зависящей от решений экономических агентов, оптимизирующих полезность. При такой постановке задачи выводы об условной конвергенции и о необходимости рассмотрения фактора капитала в производственной функции в широком смысле (включая в него человеческий капитал) также остаются состоятельными. Еще одним результатом стало заключение о том, что без постоянного технологического развития рост выпуска на душу населения в конечном итоге прекратится, что впоследствии стало предпосылкой для развития теории «экономики знаний».

Проблематика включения факторов технического прогресса и человеческого капитала рассматривалась в широком ряде теоретических моделей (например, Робинсон [144], Узава [156], Лукас [135], Эрроу [118], Шешински [148], Ромер [145], Гроссман, Хелпман [130]), в которых было показано, что для долгосрочного экономического роста расширение человеческого капитала может стать альтернативой совершенствованию технологий. Однако накопление человеческого капитала отличается от создания знаний в форме технического прогресса: человеческий капитал представляет собой навыки работника, который может одновременно работать только на одном рабочем месте, тогда как идеи и знания (составляющие технический прогресс) могут распространяться по всей экономике [119]. При этом увеличение человеческого капитала и технологический прогресс «сдвигают вверх» точку равновесия, обеспечивая более высокие долгосрочные темпы экономического роста.

Значимость сферы услуг, а именно той ее части, которая повышает человеческий капитал и обеспечивает научный прогресс, существенно повышается в теории Ю.В. Яременко [117], который рассматривал экономику не как однородный «черный ящик» (неоклассический подход), а учитывая ее пирамидальную технологическую структуру и неоднородность по качеству используемых ресурсов и факторов производства. В такой экономической системе рост также будет неоднородным и станет результатом двух качественно отличающихся процессов – компенсации (потребление ресурсов низкого качества

при производстве ресурсов высокого качества, поток из нижних уровней технологической структуры на верхние) и замещения (замена массовых ресурсов низкого качества на ресурсы высокого качества при реализации технологического прогресса, поток из верхних уровней технологической структуры в нижние). Устойчивость экономического роста достигается путем снижения глубины компенсационных потоков через повышение технологического уровня отраслей, производящих массовые ресурсы низкого качества [105]. В свою очередь, такие структурные изменения требуют масштабных улучшений характеристик факторов производства, которые могут быть реализованы, в первую очередь, в той части нематериального сектора, которая относится к «экономике знаний».

Теория Ю.В. Яременко была использована ее автором для интерпретации факторов и ограничений экономического роста советской экономики. Тем не менее, как было показано Дзарасовым Р.С. [23, 24], данная теория применима для описания закономерностей развития любой экономики, что связано как «с универсальной ролью научно-технического развития, обуславливающей разнородность ресурсов», так и с технологической неоднородностью мировой экономики в целом, где в рамках международного разделения труда можно выделить аналоги процессов замещения и компенсации: экспорт в развитые страны дешевого сырья и компонентов, произведенных в развивающихся странах с использованием трудозатратных технологий и низкооплачиваемого труда; импорт в обратном направлении технологий, овестьствованных в оборудовании.

Включение человеческого капитала в классические, неоклассические и неокейнсианские модели экономического роста в качестве одного из факторов производства реализовалось впоследствии в становлении самостоятельной теории человеческого капитала (Г. Беккер [122], Т. Шульц [147] и др.), в которой расходы на образование и здравоохранение рассматриваются как инвестиции для повышения физических и умственных способностей работников, которые впоследствии приводят к повышению стоимости его труда. Как следствие, решение об осуществлении таких расходов принимается путем сопоставления экономической отдачи от этих расходов с альтернативными вариантами

использования затраченных средств и времени (в том числе, например, упущенные доходы, «потерянные» во время получения образования) [38].

Во второй половине XX века и начале XXI века теория человеческого капитала расширялась в нескольких основных направлениях [38]. Во-первых, разрабатывались количественные методы оценки уровня национального и персонального человеческого капитала (например, Дж. Минсер, Й. Хигучи [138]) для корректного включения этого фактора в модели экономического роста и для количественного обоснования необходимости управления системами образования и повышения квалификации. Во-вторых, фокус изучения сместился на изучение структурных характеристик человеческого капитала (в профессиональном и отраслевом разрезах) для оценки причин неравномерности экономической отдачи от инвестиций в человеческий капитал по отраслям и странам (Р. Лерман [134], Ф.Махлуп [136]).

Эволюцию теории человеческого капитала было предложено связать со структурными изменениями в мировой экономике [38], а именно со сменой технологических укладов, типология которых была разработана Глазьевым С.Ю. [15]. Согласно ей, в настоящее время мировая экономика находится на этапе зрелости пятого технологического уклада (ключевая технология – микроэлектроника) с одновременным активным ростом шестого уклада (ключевые технологии – нанотехнологии и гелио- и ядерная энергетика). Соответственно, современные тренды в отношении формирования факторов производства (непрерывный инновационный и образовательный процесс, коммерциализация науки, цифровизация, рост продолжительности жизни, усиление международной мобильности кадров, персонализация образования и др.) формируют новые задачи, решаемые в рамках теории человеческого капитала: количественная оценка запаса знаний и компетенций, способных повысить производительность и доходы работников; закономерности формирования спроса на такие наборы квалификаций, которые не могут быть заменены технологиями при автоматизации и роботизации труда [38].

Теории экономического роста, человеческого капитала и смены технологических укладов связаны с теорией становления и развития «экономики знаний», получившей развитие в 1990-х гг. в работах Стюарта Т. [151], Хоутона Дж. [131], Теесе Д. [154], Годин Б. [129], Макарова В.Л., Варшавского А.Е. [43] и др. Под экономикой знаний понимается такая экономическая система, в которой знания и инновации продуцируют дополнительную стоимость и имеют определяющее значение в экономическом развитии, при этом кодифицированные знания (т.е. те знания, которые можно воспроизводить и тиражировать на информационных носителях) определяют возможность возникновения и развития новых секторов занятости, а неформализуемые знания (которые могут быть получены только непосредственно в процессе практической деятельности) позволяют повышать производительность работника в процессе работы, но при этом требуют обучения на протяжении всего периода трудовой деятельности [48]. При этом к «экономике знаний» относят как те виды деятельности, которые непосредственно «производят» и тиражируют знания (наука, образование, ИКТ), так и те отрасли, которые наиболее восприимчивы к инновациям (здравоохранение, ряд отраслей реального сектора).

В таком понимании истоков экономического роста в «экономике знаний» предполагается, что формирование массива знаний требует постоянных вложений в исследования и разработки, но одновременно является неисчерпаемым производственным ресурсом, что делает экономику знаний системой избытка (изобилия) и предполагает неограниченные возможности экономического развития [48]. Однако в работе Фролова И.Э. [106] было показано, что возможность получения дополнительной прибыли при реализации НТП (т.е. снижение стоимости продукции при прочих равных условиях) возможна только за счет того, что, во-первых, воспроизводство знаний финансируется в той или иной мере всеми субъектами экономики и всего общества, а во-вторых, стоимость этого воспроизводства достаточно невысока, так как в нем используются накопленные знания предыдущих поколений (а значит и оплаченные ранее), которые передаются через систему образования. В результате, рост экономики знаний носит

экспоненциальный характер, т.е. имеет пределы роста. «Сдвиг вверх» этого предела возможен только при постоянном расширении расходов на фундаментальную науку и систему образования.

Резюмируя приведенный выше анализ теоретических концепций, можно говорить о том, что в экономической теории выработан консенсус по поводу зависимости *долгосрочного* экономического развития от нематериальных факторов производства, количество и качественные характеристики которого формируется в секторе услуг, прежде всего в его высококвалифицированной и наукоемкой части. Такой консенсус может рассматриваться как теоретическая основа приводимого здесь исследования, с одной стороны, увязывающего экономический рост с развитием сферы услуг и устанавливающего взаимозависимое развитие материального и нематериального секторов экономики, а с другой – выявляющего необходимые условия для возможности такого развития и возможные структурные ограничения, формирующиеся при расширении сферы нематериального производства.

1.2 Анализ теоретических концепций развития нематериального сектора и его влияния на общеэкономическую динамику

Термин «услуга» в экономическом смысле был введен в научный оборот Жаном Батистом Сэем в его работе «Трактат по политической экономии» [97]. К услугам он относил любую трудовую деятельность, которая рассматривается как полезный результат, подлежащий оценке и оплате [13]. В этом определении были обозначены две ключевые характеристики услуг: их многообразие и нематериальность, невещественность результата. В течение XIX-XX вв., с изменением видов и функций предоставляемых бизнесу и населению услуг, само понятие «услуга» трансформировалось и расширилось. Современный экономический словарь дает следующее определение.

Услуги - виды деятельности, работ, в процессе выполнения которых не создается новый, ранее не существовавший материально-вещественный продукт,

но изменяется качество уже имеющегося, созданного продукта. Таким образом, это блага, предоставляемые в форме деятельности [65, 116].

Множество предприятий и экономических агентов (государственные учреждения, домашние хозяйства, некоммерческие организации, финансовые и нефинансовые предприятия), осуществляющих любую деятельность, в ходе которой создаются блага, полезный эффект которых проявляется в самом процессе их создания, составляет *сферу услуг* народного хозяйства.

Появление и развитие сферы услуг стало необходимым условием удовлетворения нужд населения, которому по мере роста благосостояния и увеличения продолжительности жизни стали требоваться не только более разнообразные и индивидуальные товары, но и услуги образования, здравоохранения, рекреации и др. Того же требовало и развитие экономики, ее диверсификация и усложнение производственных связей, а также эволюция технологической, отраслевой и географической структуры материального производства, процессы глобализации. Именно сфера нематериального производства делает возможным изменение свойств товаров, среди которых географическое положение материальных ценностей, их принадлежность к тому или иному экономическому агенту (в том числе нахождение в собственности) и т.д. Помимо этого, оказание услуг является обязательным в процессе создания основных фондов, обучения рабочей силы и производства товаров как таковых. И, наконец, только нематериальный сектор может создавать так называемые «общественные» блага, необходимые для функционирования государственных и социальных единиц. Развитие любой национальной экономики и мировой экономики в целом неизбежно сопровождалось (и будет сопровождаться в будущем) развитием сферы услуг. В результате, этот сектор становится одним из системообразующих комплексов народного хозяйства.

В силу многообразия видов деятельности, которые можно отнести к сфере услуг, часто этот сектор определяется перечнем видов деятельности, реализуемых в его рамках. Так, в нематериальном производстве создаются следующие блага:

1. транспортировка товаров, энергии, населения;

2. передача и получение во временное пользование имущества, в том числе недвижимого (аренда, наем, лизинг);
3. финансовое посредничество;
4. обмен товаров собственного производства на товары других производителей, или на деньги, с частичным изменением свойств товара (дробление или укрупнение партий товаров, упаковка и т.д.) и обеспечение возможности такого обмена (упаковывание, хранение);
5. создание интеллектуальной собственности, обмен и распространение ее между экономическими агентами (в том числе передача прав на использование патентов, лицензий, товарных марок (знаков), новых технологических решений, ноу-хау, иных объектов интеллектуальной собственности, авторских или иных аналогичных прав);
6. использование связи, бытовых и жилищно-коммунальных услуг в процессе производства товаров или жизнедеятельности населения;
7. реклама и распространение информации;
8. разработка инновационных технологий, проведение научных исследований;
9. сопровождение процесса производства в части бизнес-деятельности: консультации, бухгалтерские, аудиторские, маркетинговые услуги;
10. обработка данных и информационное обеспечение;
11. повышение качества жизни населения: здравоохранение, образование, культура, спорт и физическая культура, туризм.
12. производства товаров или имущества по заказу, в том числе из давальческого сырья (материалов) [110, 116].

По мнению некоторых экономистов, сущность понятия «услуга» более глубоко открывается в сравнении услуг и материальных благ [13]. При таком понимании услуги как товара, обладающего специфическими качествами, основными отличительными свойствами услуг называются:

1. неосвязаемость;

2. неотделимость услуги от источника (т.е. производство и потребление совпадают во времени и пространстве);
3. непостоянство качества;
4. недолговечность (невозможность хранения);
5. отсутствие передачи прав собственности при оказании услуги;
6. отсутствие или меньшая взаимозаменяемость услуг (например, в медицине);
7. невозможность транспортировки услуг как таковых.

Необходимо отметить, что развитие информационных технологий позволило снять некоторые ограничения, которые ранее были присущи услугам. Так, во многом потеряло актуальность такое свойство услуг, как неотделимость услуги от источника, когда места производства и потребления услуги обязательно должны совпадать. Современные технологии передачи информации позволяют, например, организовать удаленный доступ к образовательным ресурсам и услугам здравоохранения, различного типа бизнес-услугам (бухгалтерия, хранение и обработка информации и т.д.).

Специфическая природа услуг делает процесс и принципы их «производства» принципиально иными, чем для обычных – материальных – товаров. Ключевые понятия процесса производства, такие как средства производства (основные фонды, оборудование, труд, сырье и материалы), ресурсоемкость, полезный продукт, производительность труда часто имеют уникальную, характерную только для сферы услуг, сущность. Например, в качестве «производственных ресурсов» банковский сектор использует привлеченные финансовые средства прочих экономических агентов, а оборудование и сырье в привычном его понимании становится вторичным. «Полезным продуктом» образования или науки является изменение качественных характеристик трудовых ресурсов (повышение производительности труда), основных фондов (снижение ресурсоемкости, увеличение удельного выпуска и т.д.), технологий и прочего. Невозможность найти материальный эквивалент той или иной услуге часто ставила под сомнение саму «полезность» услуг.

Изучение сферы услуг с позиций ее роли в экономическом развитии было начато в 17-19 вв. такими учеными, как Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, Ж.-Б. Сэй, А. Маршалл, Ф. Бастиа [7]. В основном, их работы касались вопросов определения услуг как экономического феномена, выделения услуг в отдельный класс благ (если автор в принципе видел в этом необходимость), при этом значимость нематериального сектора в экономическом развитии предполагалась незначительной, что соответствовало тогдашней структуре экономики. Более того, в экономической науке того времени велась дискуссия о том, обладают ли услуги какой-либо полезностью или ценностью, является ли труд в нематериальном секторе производительным с точки зрения стоимости, увеличивает ли производство услуг национальное богатство или напротив уменьшают его, тормозя общеэкономическое развитие. А. Смит [89] был первым, кто отделял услуги от материальных благ, производительный труд – от непроизводительного, исходя из того, создает ли данный вид труда осязаемый материальный объект или нет. При этом им делался вывод о неэкономической природе услуг, которые являются вынужденными расходами общества, а к национальному продукту и формированию основного капитала А. Смит относил только производство товаров. Ж.-Б. Сэй [97], являясь во многом последователем и распространителем идей А. Смита, напротив, разработал доктрину о «нематериальных продуктах», ценность которых (как и в случае с материальными товарами) определяется их «полезностью» для потребителя. В частности, общественное потребление услуг (то есть расходы государства) является эффективным в случае, если после расходования на них налогов полезность для общества в целом превышает затраты. Однако при этом Ж.-Б. Сэй указывал на то, что услуги можно рассматривать только как фактор удовлетворения спроса, тогда как их создание не увеличивает капитал, который является основой экономического развития, а напротив расходует его [26]. Сходных взглядов придерживался Д. Рикардо [66], считавший, что в рамках экономического воспроизводства продукты приобретаются всегда за другие продукты и услуги, при этом мерилom этого обмена выступают деньги. К. Маркс относил только транспортные услуги и услуги по обслуживанию оборудования для

промышленных производителей к производительному труду, а оказание всех прочих услуг (банковских, торговых и пр.) наемными работниками к той сфере, которая не создает прибавочную стоимость и не повышает благосостояние капиталиста (владельца капитала). Оплата услуг рассматривалась им только как необходимые издержки капиталиста для производства товаров и признавалась незначительной по объемам необходимого финансирования [45].

В дискуссию с приверженцами вышеизложенных концепций вступил А.(Г.)К. Шторх, предложив принципиально новую теоретическую конструкцию, согласно которой рост национального богатства происходит за счет комбинации производства материальных товаров и внутренних благ. При этом материальное богатство является локомотивом экономического развития, а производство внутренних благ не расходует национальный доход, а формирует «цивилизационный» капитал, который в свою очередь выступает инструментом увеличения эффективности и качества материального богатства [115, 1].

В дальнейшем, например, А. Маршалл, развивая неоклассическую теорию, признавал, что «нет четкого разграничения между трудом производительным и непроизводительным». Он сделал вывод о том, что услуга как одна из форм блага обладает полезностью и ведет к росту как личного, так и национального богатства [46].

Понятие «услуга» уточнялось в последствии в теории непроизводственной сферы, которую обосновали в советский период в нашей стране В.Е. Козак [33], А.Я. Кронрод [37], Д.И. Правдин [61, 62], М.В. Солодков [90] и др., в теории общественных благ (С.Л. Брю, К.Р. Макконэл [44], П. Самуэльсон [85]) и в теории нерыночного или неприбыльного сектора (Ю. Барр [9], Дж. Ю. Стиглиц [93] и др.).

Советская теория непроизводственной сферы придерживалась в основном идей Маркса о вторичности сферы услуг, согласно которой услуги не относились к общественному производству, а полностью выводились в категорию конечного потребления. Развитие сферы услуг определялось, с одной стороны, развитием материального производства: в частности, созданием капитала, используемого при оказании услуг, и ростом производительности производительного труда, который

делал возможным переток трудовых ресурсов из производственной в непроизводственную сферу. С другой стороны, общеэкономическая «ценность» нематериального производства формировалась только по двум позициям: удовлетворение требования по повышению качества жизни населения в социалистической экономической системе, а также повышение производительности труда и капитала в материальном производстве (через НТП и повышение квалификации).

В западной теории были сформулированы теория общественных благ и теория неприбыльного сектора, что определялось ростом нормы перераспределения национального дохода на финансирование так называемых коллективных услуг (государственное управление, образование, медицина, наука) в послевоенное время. В соответствующих работах, во-первых, были приведены определение, сущность и состав соответствующих видов деятельности, которые преимущественно относились к сфере услуг. Кроме того, рассматривались вопросы источников и оптимального уровня финансирования такого рода услуг. При этом определение термина «услуга» все еще разнилось: в теории общественных благ услуги рассматривались как полезный результат труда, используемого для личного потребления; в теории неприбыльного сектора – как специфический обмен труда на доход.

Уже в 30-40 гг. двадцатого века были предложены концепции развития мировой экономики, обосновывавшие рост значения сферы услуг, который начался лишь в 1970-х гг.

Наибольшую известность приобрела трехсекторная модель экономики К. Кларка [125], которая впоследствии была расширена Д. Беллом [10] до пятисекторной при разработке им концепции постиндустриального общества. В свою очередь, К. Кларк развил идеи У. Петти [142], который еще в конце XVII столетия предположил, что экономическое развитие в ближайшие 200 лет будет определяться изменением отраслевой структуры экономики. Согласно делению экономики по Кларку, можно выделить «первичные», «вторичные» и «третичные» отрасли. К первичной сфере относятся сельское и лесное хозяйство, рыболовство.

Для этих отраслей характерна минимальная степень обработки природных ресурсов, которые в большинстве своем не создаются человечеством, а только потребляются. Соответственно, уже на начальных этапах развития экономики человечество было способно заниматься этими видами деятельности. Вторичный сектор представлен добывающей и обрабатывающей промышленностью и строительством. Развитие этого сектора требует более сложных технологий, оборудования, длинных производственных цепочек. Наконец, третичная сфера – это сфера услуг, а именно: обращение (транспорт и торговля), связь, бытовые услуги, финансы и кредит, образование, здравоохранение, научное обслуживание и т.д. Развитие этого сектора экономики теоретически не может происходить при неразвитых первом и втором. Расширение третичного сектора возможно только при соблюдении ряда условий:

- насыщенность экономики товарами и материальными благами;
- устойчивый рост реальных доходов населения, который приводит к изменению структуры потребления: снижение доли товаров первой необходимости, рост доли потребления более сложных товаров и услуг;
- значительное увеличение уровня производительности труда в материальном секторе при активном росте основных фондов и в следствие технологического прогресса.

При этом соблюдение указанных условий не обязательно является достаточным для развития сферы услуг. Переход от доминирования первичного и вторичного секторов к преобладанию третичной сферы является качественным скачком, который становится возможен не только при достижении определенного уровня обеспеченности материальными благами, но требует также достаточно значительного уровня накопленных знаний, опыта, информации, научных достижений, а также широкой доступности образования.

На длинных рядах (с 1850 г.) эмпирических данных по основным крупнейшим экономикам К. Кларк установил несколько важнейших тенденций первой трети XX века. Во-первых, рост производительности труда в первичном и вторичном секторе приводил к снижению реальных заработных плат в соответствующих отраслях,

если одновременно не происходил переток занятых в третичный сектор. Во-вторых, неизбежным К. Кларку представлялось и перемещение капитала в третичную сферу: возможности для новых промышленных инвестиций сокращались, так как с ростом удельной фондоотдачи простого замещения изношенного капитала могло стать достаточно для поддержания темпов технического прогресса. Одновременно, в сфере «общественных работ», где доходность была все-таки ниже, чем в промышленности, инвестиционный процесс значительно активизировался, так как возможности для инвестирования нового капитала были практически безграничны.

Наконец, межстрановые сравнения подтвердили гипотезу К. Кларка о том, что колоссальная разница в уровнях национального дохода определялась, в первую очередь, тем, какой отраслевой структуры занятости удалось добиться в каждой стране: на четыре страны с числом занятых в сфере услуг около и более 50% от общей рабочей силы (США, Великобритания, Германия и Франция) приходилось 46% от общемирового объема производства всех товаров и услуг. При этом, пик доли занятых в первичном и вторичном секторах крупнейших национальных экономик был пройден уже 1910-1920-х гг.

Д. Белл расширил трехсекторную модель Кларка до пятисекторной [10]. Согласно ей, сфера услуг охватывает три сектора:

- «третичный»: транспорт и коммунальное хозяйство;
- «четвертичный»: торговля, страхование, операции с недвижимым имуществом, финансовые услуги;
- «пятеричный»: здравоохранение, образование, научные исследования и разработки, государственное управление, туризм и отдых.

Рост значимости того или иного сектора в модели Белла был связан с тремя стадиями экономического развития общества: доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. В доиндустриальном обществе основная часть трудовых ресурсов используется в добывающих отраслях и сельском хозяйстве (первичный сектор). Индустриальное общество характеризуется массовым производством товаров и преобладанием класса промышленных рабочих (вторичный и третичный

сектор), тогда как в постиндустриальном обществе доминирующая роль принадлежит высококвалифицированным специалистам (четвертичный и пятеричный сектора). Переход от индустриального к постиндустриальному обществу по Беллу проходит в несколько этапов. На первом этапе развитие промышленности способствует экспансии транспорта как услуг, связанных с движением товара. Второй этап сопровождается расширением сфер распределения (оптовой и розничной торговли), финансов, операций с недвижимостью и страхованием в условиях массового потребления благ. На третьем этапе рост национального дохода сопровождается снижением доли расходов на питание, высвобождаемый остаток направляется сначала на приобретение товаров длительного пользования, а затем – предметов роскоши, на отдых и потребление разнообразных услуг, направленных на повышение качества жизни (здравоохранение, культура, образование, обслуживающий персонал) [7].

Тем не менее, с середины 60-х гг. появились и приобрели определенную популярность концепции определенной несостоятельности сферы услуг, действующей за счет других секторов. Как пример можно привести теорию «болезни издержек», разработанную У. Бомолом [121]. Он выделил два сектора народного хозяйства – с растущей производительностью труда (преимущественно индустриальный) и с постоянной производительностью труда (нематериальный). Основой теории служили статистические данные о значительном разрыве между этими секторами по производительности, а также ряде существенных допущений. В частности, ключевым стало предположение о том, что возможность или невозможность роста отраслевой производительности является «технологически предопределенной» для каждого вида деятельности и не может меняться в долгосрочной перспективе даже в условиях успешного НТП. Отнесение сферы услуг к стагнирующему сектору экономики автор обуславливал тем, что труд в нематериальной сфере является не только средством производства, но и конечным продуктом, а потому снижение трудовых затрат в сфере услуг становится невозможным при росте выпуска. Ученый пришел к выводу, что отрасли сферы услуг могут функционировать только с низкой производительностью труда, что

приводит к росту издержек и цен. Как следствие, два сектора развиваются несбалансированно, ресурсы переливаются из динамично развивающегося материального сектора в стагнирующую сферу услуг. В результате замедляется макроэкономическая динамика и рост производительности труда в экономике в целом.

Однако такая точка зрения подвергалась критике уже в период своей разработки (середина 60-х гг.). Например, Дж. Кендрик [31] и В. Фьюкс [128] указывали на следующие критические допущения теории Бомола:

1. все услуги включались в стагнирующий сектор (современная экономика демонстрирует немало контр-примеров, например, финансовое и информационное обслуживание);

2. был проведен неубедительный сопоставительный анализ производительности, так как не учитывались серьезные дефекты статистики, многие из которых не устранены до сих пор (так, набор показателей, изначально нацеленных на измерение материальных объектов, не может адекватно описать производство и потребление социально-ориентированных и других услуг, где само понятие «продукта» достаточно сложно определить);

3. игнорировались различия между секторами по потреблению основного капитала (большинство отраслей сферы услуг в значительной степени менее капиталоемкие), которые влияют на соотношение индексов многофакторной производительности [21].

В конце XX века зарубежные экономисты на основе фактических данных обосновали гипотезу, что «болезнь Бомола» излечена, а некоторые полагали, что этого явления и вовсе не было, списывая возможность существования подобных теорий на несовершенство статистики и методологии. Так, в серии статей Дж. Триплета и Б. Босуорта [например, 155] на основании статистических данных за 1977-2000 гг. для США было установлено, что на всем анализируемом периоде наблюдалось ускорение динамики производительности в сфере услуг, а после 1995 г. динамика производительности труда в секторе услуг была не ниже, чем в целом по экономике. Таким образом, неправомерно рассматривать нематериальный

сектор как ту часть экономики, где в принципе невозможен рост производительности, или где динамика производительности будет ниже, чем в реальном секторе.

Более того, ряд экономистов полагает, что в развитых экономиках именно рост производительности труда в сфере услуг (как следствие развития ИТ-технологий, корпоративного управления и других факторов) позволил поддерживать положительную динамику производительности в целом по экономике. Так, Барт ван Арк, М. О'Махони и М.П.Тиммер провели сопоставительный анализ роста производительности в США и Европейском союзе на основе отчетных данных за 1973-2006 гг. и обнаружили, что отставание в экономическом развитии (особенно в части качественных характеристик) Евросоюза от США в 2000-х гг. было обусловлено в первую очередь более низкой динамикой производительности труда в нематериальном секторе, тогда как в американской экономике этот сектор стал локомотивом роста производительности [120].

Кроме того, предложены новые концепции, обуславливающие активное развитие сферы услуг. Так, к наиболее важным факторам этого развития относятся (по К. Лавлоку [40]):

1. государственная политика (приватизация сервисных предприятий, например, в сфере транспорта и ЖКХ, снижение ограничений в торговле услугами, ужесточение законов по защите прав потребителей, охрана окружающей среды);

2. социальные изменения и социальные обязательства (рост доходов населения, который приводит к изменению стиля жизни, сокращение доли расходов на еду и материальные товары, высвобождение все большей части доходов на цели образования, здравоохранения, отдыха, обслуживающий персонал; старение населения развитых стран и связанные с этим вопросы увеличения продолжительности жизни и трудоспособного возраста);

3. тенденции развития бизнеса (расширение сервисной деятельности промышленными предприятиями (гарантийное обслуживание, ремонт и т.д.), франчайзинг, маркетинг, менеджмент трудовых ресурсов). Рост спроса на деловые услуги стал результатом структурно-технологической перестройки материального

производства в 80-х гг. XX века, в результате которой непрофильные подразделения крупных организаций реального сектора, оказывающие вспомогательные услуги, перешли к самостоятельному бизнесу;

4. развитие информационных технологий (интеграция компьютерных и информационных технологий, активное использование компьютерной технологии и Интернета, появление новых и развитие традиционных услуг);

5. интернационализация и глобализация сферы услуг (активизация процессов слияния и поглощения, выходы на новые рынки, повышение активности транснациональных компаний) [7].

Тем не менее, необходимо отметить, что зарубежные теории конца XX века и первого десятилетия XXI века основывались на статистических данных, которые однозначно иллюстрировали рост доли сферы услуг в создании валовой добавленной стоимости и занятости с одновременным ростом производительности труда, при высвобождении трудовых ресурсов в материальном секторе (индуцированном ростом продуктивности использования как капитала, так и труда в этом сегменте). Порождаемый рост доходов населения давал, как казалось, самовоспроизводящийся источник спроса на услуги, повышающие качество человеческого капитала. Теория постиндустриального общества, предполагающая практически неограниченное экономическое развитие преимущественно только за счет расширения нематериального производства, подтверждалась эмпирическими данными как развитых, так и развивающихся экономик. Однако уже на рубеже 2000 - 2010-х гг. (после кризиса 2008-2009 гг.) развитие получили идеи «новой» структурной экономической политики и реиндустриализации развитых стран [126]. Связано это было с нарастанием ограничений по перераспределению национального дохода. Опыт развитых стран (в первую очередь, США) показал, что «вымывание» реального производства и перенос его в развивающиеся страны с более низкой стоимостью рабочей силы, сужает прослойку среднего класса, а доступ к дополнительным финансовым потокам, генерируемым транснациональными компаниями, имеют только занятые в ограниченном сегменте сферы услуг. Это приводит к росту разрыва в доходах между наименее и

наиболее обеспеченными слоями населения, который уже не может в достаточной мере нивелироваться за счет перераспределения национального дохода через бюджетную систему. Как результат, устойчивость экономического роста существенно снижается [19].

Необходимость некоторого восстановления промышленного потенциала, тем не менее, не отодвигает на второй план вопрос о повышении доходов населения через рост производительности труда в сфере услуг. В целом ряде работ (см. обзор в [150]) тезис о неизбежности дальнейшего расширения сферы услуг (в силу роста продолжительности жизни и старения населения, реализации концепции обучения в течение всей жизни, замещения домашнего производства услуг, роста инвестиций в нематериальные активы) сопровождается перечнем мер экономической политики по широкому внедрению инноваций в непромышленной сфере (в том числе в традиционных и низко производительных отраслях, таких как транспорт), направленных на автоматизацию уже не только в реальном секторе, но в первую очередь рутинных задач в сфере услуг; снятию административных барьеров входа на национальные рынки; устранению информационной асимметрии (в том числе через развитие цифровых платформ) и другие. При этом критически важными станут не только скорость и глубина внедрения возможностей искусственного интеллекта, но и мероприятия (в том числе на государственном уровне) по переобучению и повышению квалификации. Так, по оценкам [137] к 2030 г. до 30% отработанного времени могут быть автоматизированы, что потребует смены деятельности для 12 миллионов человек в Европе и столько же – в США. Внедрение новых технологий может стать достаточно болезненным переходом для рынка труда, так как именно для низкодоходных групп занятых вероятность того, что придется сменить вид деятельности и получить для этого новые навыки, будет в разы выше, чем аналогичный показатель среди высокодоходных групп (в Европе такой разрыв составит 3-5 раз, в США – 14 раз). Однако при успешной реализации сценария внедрения ИИ и автоматизации рутинных процессов в сфере услуг будет возможно повышение динамики производительности до 3,1% в год против +0,3%

в инерционном сценарии (оценки сделаны на основе данных 10 европейских стран и Великобритании).

В работах позднесоветских и российских экономистов внимание к роли сферы услуг в общеэкономическом развитии было связано с переходом к рыночной экономике, тогда как, напомним, в советской экономической статистике услуги даже не включались в экономическую деятельность кроме как часть обязательных коллективных расходов. Ю.В. Яременко в рамках теории «многоуровневой экономики» [117] относил часть сферы услуг (в частности торговлю) к наименее приоритетным отраслям, что, с одной стороны, означало минимальный доступ в качественным инвестиционным и прочим ресурсам, с другой стороны, эта сфера подвергалась наименьшему администрированию, что позволяло зарождаться рыночным механизмам ценообразования (например, при теневой торговле дефицитными товарами). При переходе к рыночным механизмам, по мнению автора, сбалансированное развитие сферы услуг было бы возможным при выполнении нескольких условий: насыщение потребностей населения в товарах длительного пользования и автомобилях (в том числе в сельской местности, для восстановления социального потенциала развития сельского хозяйства); насыщение спроса по прочим материальным благам.

М.Н. Узяков при анализе трансформации российской экономики [102] отмечал разделение в 1990-х гг. материального производства и сферы услуг на те, которые ориентированы на внешний спрос и на внутренний. Ориентированные на внешние рынки виды деятельности (торговля, грузовой транспорт, финансовое обслуживание) демонстрировали ускоренные темпы роста цен производителей для их выравнивания с внешними ценами, что, помимо прочего, сокращало выпуск в отраслях (в том числе непроизводственных), удовлетворяющих внутренний спрос (пассажирский транспорт, ЖКХ, услуги для населения и государства), где динамика цен была ниже, чем в среднем по экономике. При этом автор отмечал такой феномен, как «необъяснимый рост материалоемкости» в ЖКХ, государственном управлении, финансах и страховании, что свидетельствует о сокрытии доходов и неэффективном использовании бюджетных средств.

А.Р. Белоусов выявил схожие закономерности трансформационного спада в первой половине 1990-х гг., акцентируя внимание на том, что несбалансированное развитие российской сферы услуг привело, среди прочих причин, к спаду промышленного производства (в частности, из-за завышенных торговых издержек) и к кризису 1998 г., одной из причин которого стало неэффективное функционирование социальной сферы (образование, здравоохранение и пр.). При этом в разработанных ученым базовых вариантах модернизации системы воспроизводства российской экономики центральным звеном успешного сценария является «сверх-индустриальная модернизация», однако необходимым условием ее реализации является модернизация всей сферы услуг [11].

В 2000-2010-х гг. в российском экспертном сообществе на фоне стабилизации доли третичного сектора в производстве ВВП, в формировании национального дохода и спроса на трудовые и производственные ресурсы отмечалась некоторая полемика относительно роли этого сектора в долгосрочных перспективах экономического развития страны.

С одной стороны, часть отечественных специалистов (Губанов С.С. [18], Наймушин В.Г. [51], Грандберг З.А. [16]) видит перспективы развития России не в переходе к постиндустриальной экономике, а в так называемой «неоиндустриализации». Отвергая постулаты теории постиндустриального общества Д. Белла и К. Кларка, авторы полагают, что индустриализация мировой экономики не прекратилась, а вступила во вторую фазу автоматизация производительных сил, а развитие ведущих национальных экономик движется за счет производства средств производства. Что касается структуры занятости, то, как отмечает Губанов С.С., ее трансформация определяется изменением «пропорции между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда... На одного работника, занятого выполнением индустриально-трудовых операций, приходится один работник, занятый обеспечением функции целесообразности труда, т.е. разработкой более прогрессивных и эффективных средств производства».

Кроме того, в ряде работ указывается на мировой опыт, когда в ведущих экономиках проявилась необходимость в реиндустриализации. Эта необходимость стала следствием неустойчивости экономического роста (например, в Великобритании), обвального сокращения рабочих мест в промышленности, стагнации заработной платы (США). При этом такая реиндустриализация должна быть основана на ускоренном внедрении инноваций (а не только росте общего научного потенциала), обеспечении со стороны государства дешевого основного капитала и общей конкурентоспособности национального бизнеса, решении парадокса по привлечению высококвалифицированных специалистов на фоне необходимости сдерживания роста расходов на оплату труда (Гринберг Р.С. [17], Дьяченко О.В. и др. [25]).

С другой стороны, многие исследователи указывают на то, что даже наиболее «успешные» отрасли сферы услуг имеют огромный потенциал роста, связанный как с неудовлетворенным спросом на услуги (экстенсивная составляющая роста), так и с повышением качества предоставляемых услуг и модернизацией процесса их оказания (интенсивная составляющая роста). Отечественные авторы отмечают следующие возможности дальнейшей экспансии. Во-первых, рост среднедушевого потребления услуг до уровня развитых стран и стран с транзитивной экономикой² (Михеева Н.Н. [49], Ханин Г.И. и Фомин Д.А. [108, 109]). При этом важным становится не только наращивание общероссийского показателя среднедушевого потребления, но и выравнивание этого показателя по регионам страны, а также между городскими и сельскими территориями [3].

Вторым направлением наращивания производства услуг мог бы стать экспорт услуг, в первую очередь - научных и прочих интеллектуальных исследований и образовательных услуг. Рынок нематериальных технологий (патенты, лицензии, ноу-хау, научные и инжиниринговые услуги, товарные знаки) является наиболее динамичным сегментом мировой торговли. Однако отечественные интеллектуальные ресурсы используются во внешнеэкономических связях явно

² Страны с переходной экономикой (Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и др.)

недостаточно и неэффективно. Россия заметно отстает от развитых и ряда развивающихся стран по экспорту компьютерных и образовательных услуг (Краснов Л.В., Кудров В.М. и др. [36, 39]).

Более того, отмечалась необходимость и важность «сервисизации» промышленности (Симачев Ю.В. и др. [104]). Под «сервисизацией» подразумевается «феномен в промышленном производстве, при котором промышленные компании не только покупают и производят больше услуг, чем раньше, но также продают и экспортируют *больше услуг в качестве интегрированных видов деятельности*, при этом, как правило, происходит трансформация бизнес-модели самих компаний и репозиционирование в цепочках создания стоимости». В таком контексте сервисизация представляется как один из важных способов повышения производительности труда и повышения конкурентоспособности на внешних рынках, что требует ее включения в разработку государственной промышленной политики.

Помимо вышеперечисленного, не менее перспективными называются развитие транспортного сектора (особенно его автомобильного сегмента), как в части обслуживания национальной экономики, так и предоставления услуг транзита по направлению Азия-Европа или Восток-Европа [64]; интенсификация услуг здравоохранения (что является крайне важным в условиях процесса старения населения и сокращения его численности, роста продолжительности жизни) (Порфирьев Б.Н. и др. [87]); повышение качества услуг жилищно-коммунального хозяйства; диверсификация услуг финансового посредничества (Кондратьев В.Б. [34, 35]).

1.3 Расширение теоретической концепции значимости динамических и структурных изменений для долгосрочного роста экономики с точки зрения взаимозависимого развития материального и нематериального секторов экономики

Резюмируя анализ теорий экономического роста, человеческого капитала, экономики знаний можно сделать вывод о необходимости развития сектора услуг

для обеспечения долгосрочного экономического развития. Именно та часть нематериального сектора, которая относится к «экономике знаний», генерирует расширение человеческого капитала и повышение эффективности основного капитала (в случае реализации научно-технического прогресса), что позволяет повышать темпы долгосрочного роста, преодолевая ограничения по конечности ресурсов и снижению отдачи на инвестиции, как в физический, так и в человеческий капитал. Одновременно необходимо поддержание определенного уровня «производственных» услуг, институционально обеспечивающих связность и «плотность» взаимодействий в рамках экономической системы. При этом экономическое развитие реализуется не только в экономическом росте, но и в качественных изменениях структуры экономики, которые сами по себе могут стать катализаторами дальнейшего развития (А.А. Широ [111]).

С другой стороны, представленное в данном исследовании развитие концепции значимости динамических и структурных изменений для долгосрочного роста экономики (концепция А.А. Широ [111, с. 52-66, 312]) основывается на теоретических построениях постиндустриализма и неоиндустриализации с использованием ряда постулатов структурализма [63, 133, 153], *расширенных на нематериальный сектор*. Основные утверждения концепции представлены следующими соображениями, актуальными в том числе для российской экономики:

1. По мере расширения национальной экономики и, соответственно, роста доходов бизнеса, населения и государства неизбежно увеличение доли сферы услуг в создании и использовании ВВП с одновременными изменениями в структуре нематериального сектора: снижение доли услуг, непосредственно связанных с товарооборотом («производственные» услуги – торговля, грузовой транспорт, финансы); расширение прочих услуг для бизнеса (информационно-вычислительное обслуживание, аренда, деятельность в области права и бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием, рекламная деятельность и пр.); рост доли «экономике знаний», направленный на улучшение качества человеческого капитала (здравоохранение и образование, культура, туризм и рекреация) и

повышение производительности труда и капитала за счет опережающего роста сектора «исследований и разработок». В российской экономике структурная трансформация такого рода на данный момент не реализовалась, так как процесс технологического обновления нижних уровней технологической пирамиды за счет взаимодействия компенсирующих и замещающих потоков ресурсов (по Ю.В.Яременко) был существенно ограничен недостаточными объемами финансирования российских отраслей «экономики знаний». В результате, значимая часть российского бизнеса имела возможность повышения качества используемых ресурсов и факторов производства преимущественно через *импорт* оборудования и технологий, что создает существенные ограничения для фронтального технологического обновления, в том числе с точки зрения обеспечения платёжеспособного спроса, требующего постоянного расширения положительного сальдо платежного баланса.

2. Понимание структурной неоднородности экономики с точки зрения качества используемых ресурсов и факторов производства (по Ю.В. Яременко) приводит к выводу о неизбежности *технологического сдвига* в рамках мировой экономики, необходимого для повышения уровня нижних слоев технологической и материальной пирамиды. При этом возможность этого сдвига определяется в том числе развитием сферы услуг, которая, с одной стороны, обеспечивает торговый, транспортный, финансовый, институциональный каркас воспроизводства, а с другой стороны, формирует своеобразное «ядро» технологического сдвига, изменяя комбинацию и качество факторов производства в рамках научного обслуживания и отраслей услуг по повышению качества человеческого капитала.

3. Развитие концепции значимости динамических и структурных изменений для долгосрочного роста экономики требует также дополнительного учета роста спроса на услуги сектора «экономики знаний», который будет продиктован не только увеличением доходов, но и прочими объективными внеэкономическими факторами: рост продолжительности жизни и необходимость пролонгации «активной» фазы жизни; снижение рождаемости и повышение демографической нагрузки на работающее население со стороны пенсионной системы; общее

снижение численности населения; существенное расширение «демографической нагрузки» в рамках бюджетной системы, которое ограничивает поле маневра по изменению структуры бюджетных расходов. В этих условиях необходимым фактором долгосрочного устойчивого экономического развития станет *рост расходов* (как частных, так и государственных) на развитие систем здравоохранения (которая будет испытывать увеличение нагрузки в связи с увеличением доли населения в старшем возрасте) и образования (в первую очередь, как системы повышения квалификации и переориентации на смежные профессии (в т.ч. и переобучения) для обеспечения трудовой мобильности внутри одной отрасли или между отраслями). Необходимость в увеличении объемов финансирования здравоохранения и образования потребует соответствующего роста производительности в прочих видах деятельности (с соответствующим ростом доходов), что, в свою очередь, требует повышения доли расходов на научное обслуживание, которые позволят нарастить эффективность использования факторов производства не только в реальном секторе, но и в сфере услуг (за счет «рутинизации» и автоматизации через использование информационных технологий и искусственного интеллекта, а также посредством улучшения системы организации труда в части наиболее многочисленных, но низкоквалифицированных трудовых позиций – продавцов, водителей, операторов, менеджеров нижнего звена и т.д.).

4. Одновременно существует объективное ограничение того порогового уровня, до которого может снизиться доля реального сектора. Справедливость этого постулата определяется тремя глобальными факторами. *Во-первых*, развитие экономики невозможно без достаточного объема товарной массы и «первичных» денежных доходов, формируемых именно в материальном производстве, тогда как нематериальный сектор (прежде всего, в части сферы «производственных» услуг) только обеспечивает перераспределение добавленной стоимости (овеществленной в виде товаров) в пространстве и между собственниками. *Во-вторых*, развитие сферы услуг не может быть фронтальным (в силу наличия большой доли нестандартных задач), что приводит к высокой неравномерности в динамике

производительности факторов производства (в первую очередь, труда) и соответствующему увеличению разрыва в уровне заработной платы между отраслями. В свою очередь, такая ситуация становится причиной «размывания» среднего класса, повышения уровня неравенства по доходам и, в конечном счете, снижения общего национального дохода. В этих условиях именно реальный сектор может обеспечить устойчивость роста производительности в целом по экономике. *В-третьих*, потребуются расширение и «уплотнение» инфраструктуры в широком смысле, что также предъявляет требования к объему материального производства.

Реализация перечисленных выше условий экономического развития приведет к такому изменению структуры экономики, которое сможет продуцировать устойчивую положительную экономическую динамику при повышении эффективности использования факторов производства.

Представленная теоретическая концепция будет эмпирически подтверждена во второй главе исследования. В третьей главе на примере трансформации российской экономической системы будут показаны возможные структурные ограничения макроэкономического развития как результат стагнации сектора «экономики знаний». Наконец, в четвертой главе изложенная выше концепция станет базой для построения теоретико-практического инструментария, позволяющего предложить меры по преодолению структурных ограничений экономического развития с точки зрения определения оптимальной траектории развития сферы услуг.

Выводы по главе 1

По результатам работы, представленным в первой главе, можно сделать следующие выводы:

1. Теории экономического роста (в первую очередь, неоклассическая) однозначно показали, что возможность долгосрочного устойчивого роста определяется наличием в экономике факторов, повышающих человеческий капитал и обеспечивающих технологический прогресс, тогда как экстенсивный рост (например, за счет роста численности населения) существенно ограничен в

силу конечности ресурсов и убывающей отдачей на рост физического капитала. Таким образом, в неоклассической теории на основе математического модельного инструментария была доказана необходимость развития сферы услуг (в первую очередь, относящихся к «экономике знаний») для повышения точки равновесного состояния и ускорения скорости перехода к этому равновесию.

2. Экономическая теория в отношении сферы услуг вплоть до середины XX века носила в некотором смысле второстепенный характер, что соответствовало фактической структуре мировой экономики: после перехода к индустриальному типу воспроизводства именно реальный сектор определял экономическое развитие всех передовых национальных экономик. Однако, с ростом производительности труда в промышленности и высвобождением трудовых ресурсов, а также ростом доходов всех экономических агентов, уже в конце первой половины XX столетия интерес ученых к развитию сферы услуг и ее роли в реализации общеэкономического потенциала многократно возрос, приведя к появлению новых экономических теорий как в рыночных, так и в социалистических экономических школах.

3. Результаты развития нематериального сектора экономик развитых стран во второй половине прошлого века служат убедительным доказательством справедливости теорий Д.Белла, К.Кларка, К.Лавлока и пр. Устойчивое положение на международном рынке, насыщение внутренних потребностей населения и экономики в услугах и материальных товарах невозможно без одновременного развития реального производства и сферы услуг. Наиболее эффективного распределения природных ресурсов, использования трудовых ресурсов и основных фондов, внедрения инноваций, становления наиболее эффективной системы воспроизводства удастся добиться только при достаточном развитии нематериального производства. При этом само это развитие может происходить только при высоком индустриальном уровне экономики и становится его естественным продолжением. В главе 2 будет приведено эмпирическое исследование показателей развития экономик стран мира, подтверждающий выводы, сделанные на основе анализа экономических теорий.

4. В работе предлагается авторская теоретическая концепция, основанная на существующей теоретической базе и дополняющая ее в части вопросов взаимовлияния реального и нематериального секторов, а также формирования структурных ограничений общеэкономического развития при повышении роли сферы услуг в производстве ВВП. Концепция базируется на ряде основных постулатов: неизбежность и необходимость расширения нематериального сектора экономики на фоне трансформации демографической ситуации и повышения требования к качеству факторов производства, в том числе со стороны реального сектора; необходимость сбалансированного развития как сферы услуг, так и материального производства, доля которого не может быть ниже порогового значения; важность структурной трансформации сектора услуг с ускоренным развитием отраслей «экономики знаний» для сглаживания объективных ограничений по эффективности использования факторов производства (в первую очередь, труда) в «массовых» низкоэффективных услугах (торговля, транспорт, ЖКХ) для обеспечения базы устойчивого экономического развития.

Глава 2. Теоретическое обоснование повышения эффективности экономического развития в рамках структурных изменений, связанных с развитием сферы услуг

2.1 Теоретические аспекты общемировых тенденций развития сферы услуг

Как было выявлено в анализе экономических теорий, приведенном в главе 1, широкий круг теоретических направлений связывает долгосрочные темпы экономического роста национальных экономик, а также межстрановые различия в уровнях развития с величиной накопленного уровня нематериальных факторов производства (человеческий капитал, научно-технический прогресс и инновации, знания и навыки), а также с динамикой повышения этого уровня. Таким образом, постиндустриальный тип воспроизводства становится необходимым фундаментом для формирования нового технологического уклада с высокой значимостью «экономики знаний» [48, 106]. В этом контексте представляется целесообразным провести сопоставление теоретических выводов с эмпирическими данными как для мировой экономики в целом, так и для российской экономики, испытывавшей особенности развития в трансформационный период.

По оценкам Всемирного банка в 2019 году доля нематериального сектора в производстве мирового ВВП составила 65%, увеличившись с 1970 г. на 9 п.п. За этот же период доля промышленности уменьшилась с 38% до 32% ВВП, доля первичного сектора – с 6% до 3% ВВП [159]. Процесс расширения третичного сектора происходил во всех странах, но с разной интенсивностью (Таблица 2.1)³.

Развитие третичного сектора и общее развитие национальной экономики стали за последние 40 лет взаимно необходимыми, параллельными процессами (Рисунок 2.1). Расширение участия сектора услуг в функционировании экономики происходило лишь при условии роста производительности в сельском хозяйстве и промышленности, удовлетворении нужд экономики в массовой товарной

³ В материалах пункта 2.1 используются результаты, опубликованные автором в [79].

продукции. А это означало, что рывок в развитии сферы услуг могли сделать только страны с достаточно высоким уровнем экономического развития. Одним из индикаторов «благополучия» экономики является показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Высокая доля сферы услуг в производстве ВВП (за исключением нескольких специфичных экономик, стран-добытчиков углеводородов и оффшорных зон, Рисунок 2.1) наблюдается в основном в странах, где душевой ВВП превосходит средний по миру.

Таблица 2.1 - Показатели развития сферы услуг некоторых развитых и развивающихся стран

Страны ⁴	Темп прироста ВВП, % к предыдущему году (средний за период)		ВВП по ППС на душу населения к среднему по всем странам значению, раз		Доля услуг в производстве ВВП, % к итогу		
	1980-1984	2015-2019	1980	2019	1980	2010	2019
<i>Страны с долей сферы услуг более 70% (около 15 стран, в 2010 г. – 20 стран)</i>							
Франция	1,6	1,6	4,7	2,9	57,8	70,7	70,2
США	2,4	2,4	4,6	3,7	63,6	76,2	76,9
Великобритания	1,1	1,8	3,5	2,8	55,5	70,6	71,3
<i>Страны с долей сферы услуг 50-70% (около 90 стран, в 2010 г. – 60 стран)</i>							
Бразилия	1,3	-0,6	0,6	0,8	45,2	65,7	63,3
Финляндия	3,2	1,8	4,1	3,0	46,8	58,9	60,0
Страны Латинской Америки	1,4	0,8	0,8	0,9	49,1	55,8	60,2
Китай	9,5	6,7	0,1	0,9	22,3	44,2	53,9
<i>Страны с долей сферы услуг менее 50% (около 40 стран, в 2010 г. – 60 стран)</i>							
Индия	5,4	6,7	0,1	0,4	33,8	45,0	49,4
Страны тропической Африки	0,5	2,2	н.д.	0,2	45,0	50,6	48,8

Источник: Всемирный банк (World Development Indicators [159]).

С другой стороны, высокая развитость нематериального производства была одним из «локомотивов» экономического роста развитых стран. Развитие сферы услуг началось в наиболее «богатых» странах (США и Великобритания), где уже к 1970-м гг. участие нематериального сектора в производстве ВВП и использования трудовых ресурсов достигло 60-65%. Затем процесс «постиндустриализации» активно заработал в континентальной Западной Европе, где доля сферы услуг в экономике достигла уровня 70% к 1990-м годам. Эта тенденция укрепила положение развитых стран и увеличила разрыв в благосостоянии населения в развитых и развивающихся странах. «Догоняющий» тип экономического развития

⁴ Выбор стран, представленных в таблице, был сделан с целью показать наиболее ярких «участников» постиндустриализации и «аутсайдеров» этого процесса.

требовал скачкообразного роста эффективности национальной экономики, фронтального развития всех трех «базовых» секторов экономики с упором на сферу услуг. Такой скачок удался не всем и не в полном объеме.

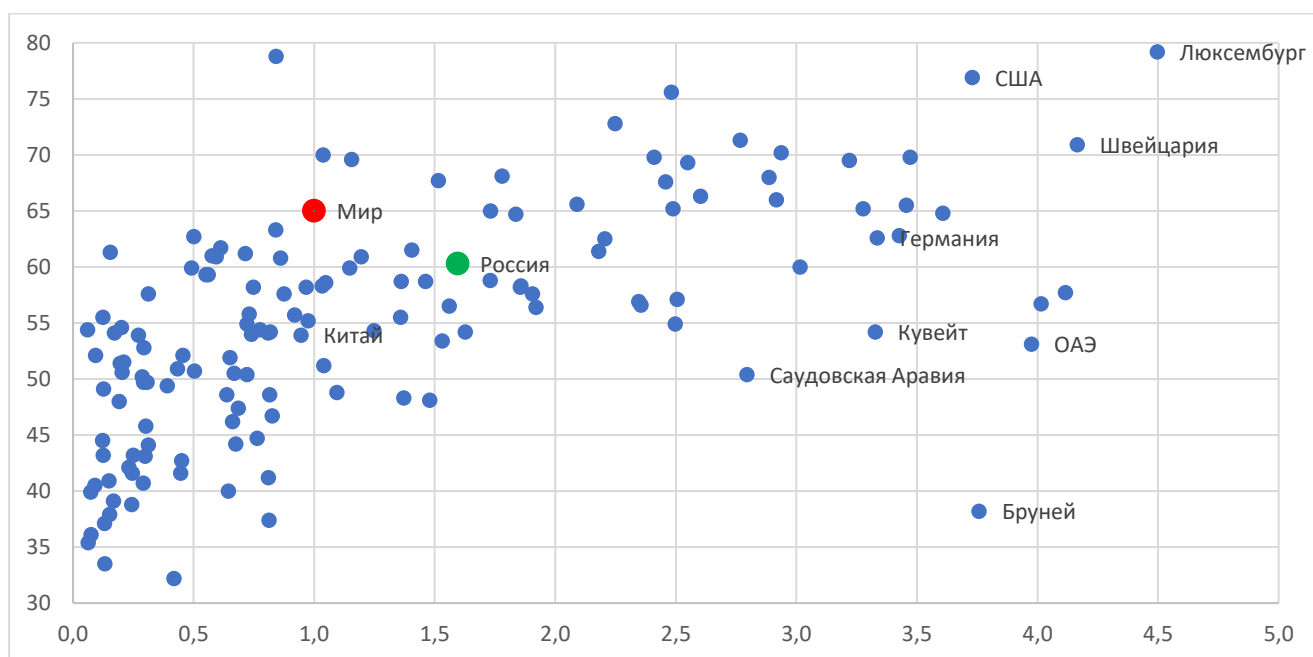

Рисунок 2.1 - Доля сферы услуг в производстве ВВП (в %, шкала Y) и ВВП на душу населения по паритету (в текущих ценах, долл./чел., в разях к среднему по миру шкала X) стран мира в 2019 году

Источник: Всемирный банк (World Development Indicators) [159], база данных United Nations Statistics Division [139].

Так, Индия, показывающая в начале XXI века рекордные темпы экономического роста, смогла увеличить долю сферы услуг в производстве ВВП только до 49%, так как внутренний спрос на товары реального сектора до сих пор полностью не удовлетворен. Это означает, что на международном рынке эта страна не может пока конкурировать с развитыми странами (прежде всего, США и странами ЕС) в торговле высокоинтеллектуальными и качественными, а значит, наиболее дорогими и рентабельными, услугами. Пока наиболее динамично развивающиеся экономики (Китай, Индия, Бразилия) могут «довольствоваться» лишь первенством на международном и внутреннем рынках массовых материальных продуктов и ресурсов. На международном рынке услуг развивающиеся страны импортируют больше, чем экспортируют. При этом более

половины международного объема экспорта и импорта услуг все еще приходится на США и страны Евросоюза (EU-27).

По состоянию на конец 2010-х гг. можно выделить четыре группы стран по степени развитости сферы услуг [7, 20]:

- 1-я группа включает страны с наиболее высокой долей сферы услуг в производстве ВВП (свыше 70%): США, Бельгия, Франция, Нидерланды, Люксембург, Великобритания и др.;

- 2-я группа объединяет страны, приближающиеся к первой по доле сферы услуг в ВВП (65-70%): Австралия, Австрия, Италия, Испания, Дания и др.;

- 3-ю группу составляют страны с долей сферы услуг в ВВП на уровне 50-65%: Китай, Норвегия, Россия, Колумбия, Чили, Зимбабве и др. В большинстве из этих стран анализируемый показатель 30 лет назад равнялся 40-48%;

- 4-я группа включает страны с относительно низкой (менее 50%) долей нематериального сектора в производстве ВВП: Индия, страны африканского континента, некоторые страны СНГ, Латинской Америки, а также азиатского региона.

Для каждой из выделенных групп характерна определенная структура сферы услуг (Таблица 2.2). Для стран с достаточно низкой долей сферы услуг в производстве ВВП (4 группа), характерна высокая доля транспорта и сферы обращения в общей структуре нематериального сектора, что связано с интенсификацией материального производства в период индустриализации.

При этом достаточно низкий уровень доходов населения является причиной весьма медленного развития сектора персональных услуг.

С развитием третичной сферы (в частности, ростом ее доли в производстве ВВП) повышается доля бизнес-услуг, что связано как с увеличением товарной массы, так и созданием новых производственных связей взамен устаревших (при расширении и диверсификации товарного ассортимента) или ранее регулируемых государством (3 группа стран). При этом сектор персональных услуг развивается наименьшими темпами, что связано с недостаточно высоким уровнем доходов населения.

Таблица 2.2 - Структура сферы услуг стран мира в 2010-2021 гг. в текущих ценах, % к общей ВДС сферы услуг

Страны	Персональные и общественные услуги		Бизнес-услуги		Транспорт, связь и сфера обращения, гостиницы и рестораны	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021
США (1-я группа)	32,1	29,4	42,1	40,8	25,9	29,9
Австрия (2-я группа)	29,4	30,1	34,2	35,1	36,5	34,8
Россия (3-я группа)	25,3	26,4	28,3	35,4	46,4	38,3
Китай (3-я группа) ⁵	25,6	25,1	33,2	47,1	41,2	27,8
Индонезия (4-я группа)	27,3	23,1	19,1	20,6	53,6	56,3

Источник: Росстат (сборник «Россия и страны мира – 2022» [74]), Национальное бюро статистики Китая (China Statistical Yearbook 2022 [52]).

Для стран 2-ой группы характерно выравнивание пропорций в структуре сферы услуг, при этом в целом сектор нематериального производства теперь занимает значительную часть народного хозяйства и технически, институционально, информативно более совершенен. Доля сферы обращения и транспорта сокращается, расширяются сегменты бизнес-услуг – в большей мере, и персональных услуг – в меньшей. Высокоинтеллектуальные услуги (финансовые, информационные, компьютерные, научные, образовательные и т.д.) становятся одним из основных локомотивов развития экономики, обеспечивая ей высокую конкурентоспособность на мировом рынке.

Для стран 1-ой группы характерно преобладание сегмента бизнес-услуг, значительное сокращение сегмента сферы обращения и насыщения сегмента персональных услуг. Так, в США наиболее крупными сегментами нематериального производства являются финансовый сектор, сектор страхования и операций с недвижимостью, сектор профессиональных и бизнес-услуг, а также образование, здравоохранение и социальная помощь. Эти сегменты сферы услуг являются наиболее наукоемкими, предъявляют высокие требования к качеству трудовых ресурсов.

Подобное деление стран по степени развития сферы услуг и ее структуры иллюстрируют вероятную эволюцию экономик развивающихся стран (из 3 и 4-ой групп), которая может быть реализована в ближайшие десятилетия.

⁵ Данные за 2020 г.

Развивающиеся экономики будут переходить из одной группы с другую, стремясь попасть в список стран-лидеров (1-я группа и частично вторая).

Услуги стали полноправными объектами не только производства, но и международной торговли (Таблица 2.3). С середины 1970-х годов объемы трансграничной торговли услугами по темпам прироста опережали товарную массу, а доля услуг в общей стоимости экспорта товаров и услуг за 1980-2013 гг. выросла с 15 до 24,5% [22], сохранившись на этом уровне до 2019 г. Согласно данным ВТО, за четыре десятилетия (1980-2019 гг.) объем мирового товарооборота услуг увеличился в 15 раз. За этот же период объем торговли товарами увеличился в меньшей степени – в 9,3 раза. Лидером в торговле услугами являются США, доля которых в мировом экспорте услуг с 1990 г. не снижается ниже 14%.

Таблица 2.3 - Динамика международной торговли услугами

Параметры международной торговли услугами	1980	1990	2000	2010	2019
Объем международной торговли услугами, млрд.долл., в том числе	367	789	1491	3896	6066
Структура экспорта услуг, % к итогу					
- транспортные услуги	36,5	28,2	23,2	21,2	17,0
- туристические услуги	28,2	33,4	32,0	24,4	23,8
- финансовые услуги	н.д.	н.д.	6,5	9,2	8,6
- компьютерные и информационные услуги	н.д.	н.д.	3,1	8,2	11,2
- роялти и лицензионные выплаты	н.д.	н.д.	6,2	6,3	6,7
- прочие бизнес-услуги	н.д.	н.д.	21,9	21,1	23,1
- прочие услуги	н.д.	н.д.	7,2	9,5	9,7
Доля США в общем объеме экспорта услуг, %	9,4	17,4	18,9	14,4	14,1
Доля стран ЕС ⁶ в общем объеме экспорта услуг, %	54,0	48,7	48,3	37,1	37,0
Доля США в общем объеме импорта услуг, %	7,2	12,0	14,0	10,7	9,8
Доля стран ЕС в общем объеме импорта услуг, %	42,2	43,1	45,2	44,3	44,5

Источник: Всемирная Торговая Организация (WTO Data [160]).

В группу лидеров по объемам экспорта услуг входят практически все крупнейшие национальные экономики: Великобритания, Германия, Франция, Китай, Нидерланды, Испания и Япония. Большинство из них имеют положительный торговый баланс по услугам. По данным 2019 г. для Великобритании он составил 133 млрд.долл. (4,7% ВВП), для Франции – 24 млрд.долл. (0,9% ВВП), для США – 289 млрд.долл. (1,3% ВВП).

Тенденцией последних 10 лет стало возрастание роли развивающихся стран на мировом рынке услуг (например, на страны БРИКС в 2019 г. пришлось 10% общего

⁶ EU27.

объема экспорта услуг) и соответствующее сужение представительства бывших лидеров – США и Евросоюза, хотя на данный момент им все еще принадлежит более половины рынка. При этом как развитые, так и развивающиеся страны не наращивали экспорт всей линейки услуг, а выделяли приоритетные направления. Так, в структуре экспорта услуг США в наибольшей степени увеличилась доля финансовых услуг и лицензионных выплат; в странах Евросоюза больше всего выросла значимость финансовых и компьютерных услуг; Япония в наибольшей степени наращивала доходы от лицензионных выплат и туризма; Китай и Индия существенно снизили долю туризма, одновременно увеличив долю экспорта финансовых и компьютерных услуг [160].

Экспорт и импорт услуг может иметь как самостоятельный характер, так и сопутствовать торговле промышленными товарами на мировом рынке. Соответственно, международная торговля услугами может осуществляться несколькими способами:

1. трансграничная поставка, т.е. поставка услуг с территории страны, где находится поставщик, на территорию страны, где находится потребитель (например, дистанционное обучение);
2. потребление за рубежом, т.е. передвижение потребителя или перемещение его собственности в страну, где услуга предоставляется (туризм);
3. коммерческое присутствие одной страны на территории другой, где предоставляется услуга (например, деятельность в стране иностранного банка);
4. перемещение физических лиц, которое предполагает присутствие физических лиц страны-поставщика услуги на территории страны, где находятся сервисные потребители [7].

Быстрое развитие международной торговли услугами было вызвано не только общей тенденцией к расширению масштабов постиндустриальной экономики. Производители услуг обеспечивают транспортные, торговые и коммуникационные связи, сложность и количество которых возрастает в процессе глобализации и увеличения объемов торговли товарами. Такие товарные характеристики услуг, как «неосвязаемость» или частичная незаменимость, становятся преимуществами. В

частности, развитие информационных технологий, сети Интернет, позволяет торговать многими услугами без перемещения факторов производства от производителя к покупателю. Одновременно развитые страны все в большей мере были заинтересованы в расширении межстрановой торговли услугами с ростом конкуренции на внутренних рынках (в силу их насыщения) и расширением рынков услуг в развивающихся странах (с ростом доходов местного бизнеса и населения). При этом наиболее востребованными услугами на мировом рынке стали высокотехнологичные и наукоемкие услуги: финансовые, информационные, инженерно-строительные, консалтинга, аудита, страхования. Так, в структуре экспорта услуг США доля указанных услуг выросла с 35% в 1980 г. до 63% в 2019 г. при снижении доли транспортных услуг с 30% до 11% соответственно.

2.2 Обоснование тенденций развития мировой сферы услуг в контексте повышения эффективности национальных экономик

Результаты эмпирического анализа долгосрочных изменений структуры производства экономик мира и международной торговли, приведенные в параграфе 2.1, в целом подтверждают теорию постиндустриального развития мировой экономики, при котором расширение производства услуг растет *быстрее*, чем производство товаров. При этом даже на самых общих данных видно, что международное разделение труда и место национальной экономики в формировании цепочек добавленной стоимости определяются развитием, в том числе сферы услуг, обеспечивающей, с одной стороны, институциональную связность экономики через торговую, транспортную, финансовую систему и сектор государственного управления, а с другой стороны, определяющей качественные характеристики факторов производства, динамику роста их объема, продуцирование добавленной выгоды (или ренты) при реализации инноваций (за счет снижения стоимости производства).

Однако, как было указано в главе 1, уже в рамках теории постиндустриальной экономики велась дискуссия о том, какие структурные ограничения экономического развития может в себе нести расширение сферы услуг.

Возможность возникновения таких ограничений связана с высокой неоднородностью сферы услуг, которая содержит:

1. массовые низкоэффективные отрасли (торговля, транспорт),
2. высокомаржинальные и высокоэффективные виды деятельности (бизнес-услуги),
3. отрасли, которые могут быть низкомаржинальными, но требующими факторов и ресурсов производства высокого качества, так как они формируют долгосрочные перспективы экономики в целом (услуги «экономики знаний»).

Предполагалось, что расширение доли низкоэффективных видов услуг (использующих при производстве существенную часть труда и капитала), приведет к снижению производительности по экономике в целом с одновременным ускорением ценовой динамики на услуги, необходимым, чтобы покрыть затраты производителей услуг (теория Бомола). Такой вывод был опровергнут рядом исследователей (Лавлок, Кендрик, Фьюкс и др.), при этом опровержение носило скорее эмпирический характер (т.е. основанный на статистических данных), чем на выявление принципов сохранения высоких *долгосрочных* темпов роста в экономиках с высокоразвитым сектором услуг. Далее приводится анализ последствий структурных изменений для ряда стран, который позволит выявить часть механизмов, повышающих общую эффективность экономики при развитии ее нематериального сектора.

Переход к постиндустриальной экономике в развитых странах характеризовался увеличением производительности труда не только в реальном секторе, но и в сфере услуг. Так, в США многолетняя тенденция к отставанию сферы услуг от реального сектора по темпам роста производительности была переломлена на рубеже 1990-2000 гг. Именно в этот период процесс постиндустриализации американской экономики входил в наиболее активную фазу. Согласно данным, опубликованным в [21] и [120], среднегодовая динамика производительности в сфере услуг опережала аналогичный показатель в секторе производства товаров на 0,3 п.п. в 1995-2006 гг., преодолев отставание в 2,5 раза, которое фиксировалось в 1987-1995 гг. При этом среднегодовые темпы роста

производительности в нематериальном секторе выросли в 3,7 раза (с 0,7% в 1987-1995 гг. до 2,6% в 1995-2006 гг.), в материальном – лишь на 0,5 п.п. (с 1,8% до 2,3%). После кризиса 2008-2009 гг. рост производительности в целом по американской экономике значительно замедлился, в результате его вклад в прирост ВВП снизился до 0,4 п.п. в 2009-2019 гг. против 0,6-1,1 п.п. в 1995-2006 гг. Однако до 85% общего прироста ВВП за счет роста производительности были обеспечены ростом производительности именно в секторе услуг.

Отраслевые данные показывают, что общий позитивный сдвиг в динамике производительности сопровождался разнонаправленной динамикой по отраслям [21, 35, 120]. Однако в большинстве отраслей третичного сектора (24 из 29) наблюдался рост производительности после 1995 г., а в 17 отраслях - ускорение этого показателя. В результате разрыв в производительности на одного занятого в реальном и нематериальном секторах США не превышал 15% - 97,3 и 85,8 тыс. долл. соответственно (данные 2006 г. [35]).

В период 2010-х годов американская экономика испытала долговременное замедление динамики производительности труда: если в 1998-2006 гг. производительность росла в среднем на 2,2% в год, то в 2010-2018 гг. – только на 1% в год, после 2019 г. – на 1,4%. При этом темпы прироста производительности в обрабатывающем сегменте снизились с 7% в год до 1,3% и 0,5% в год соответственно (Таблица 2.4).

Одновременно в сфере услуг отмечалась более стабильная динамика производительности труда со значимым ускорением после 2018 г. Основным драйвером роста стали виды деятельности, относящиеся к так называемой «экономике знаний»: сектор ИКТ, бизнес-услуги, здравоохранение, образование, тогда как в торговле и транспорте было зафиксировано снижение производительности.

В целом за последние 25 лет (с 1998 г.) накопленный прирост производительности был выше в промышленности, однако основная его часть была сформирована до 2010 г. Последние же 12 лет «ядром» развития американской экономики (с точки зрения эффективности использования трудовых ресурсов)

можно считать высокотехнологичные отрасли сферы услуг, в которых занята треть от общей численности работников в экономике.

Таблица 2.4 – Динамика производительности труда в США

Среднегодовые темпы прироста производительности, % к предыдущему году	1998-2006	2010-2018	2019-2022	2022 к 1995 (накопленным итогом, в % к среднему по экономике)	Численность занятых в 2022 г. (% к итогу)
В целом по экономике	2,2	1,0	1,4	100	100
Производство товаров (включая строительство)	4,2	1,1	-0,6	115	15
Производство услуг (кроме услуг, предоставляемых государственными учреждениями), в том числе:					75
- оптовая торговля	2,0	1,1	1,9	101	
- розничная торговля	2,8	2,1	-1,3	95	4
- транспорт	2,6	2,7	-0,2	103	10
- финансы	1,0	0,6	-3,2	68	4
- информационные услуги	3,1	-0,4	0,5	96	4
- прочие бизнес-услуги	13,8	6,7	7,1	611	4
- образование	1,6	1,4	3,2	108	16
- здравоохранение	-0,1	-1,0	0,3	70	2
Производство услуг, предоставляемых государственными учреждениями	1,2	0,2	1,6	86	13
	0,2	0,2	0,7	75	15

Источник: Bureau of Economic Analysis, U.S. Department of Commerce (BEA Data [123]).

Развитие нематериального сектора определяло не только эффективность использования трудовых ресурсов, но также изменение общей ресурсоемкости национальных экономик. Показательным в этом плане стал опыт бывших стран СЭВ (Совет экономической взаимопомощи), прошедших довольно быструю трансформацию структуры производства в 1990-2000 гг. [113].

В 1991 г. Венгрия была несколько более эффективной в плане использования энергетических ресурсов. Объем ВВП на единицу использования энергоресурсов составлял 4,4 долл. на килограмм топливного эквивалента (в ценах 2005 г., по паритету покупательной способности). Относительно высокая энергоэффективность Венгрии определялась отраслевой структурой валового выпуска: доля отраслей реального сектора составляла 52,7%, в то время как в Польше этот показатель был равен 55,6%, в Чехии – 57,7%, в Румынии – 68,4% (Рисунок 2.2).

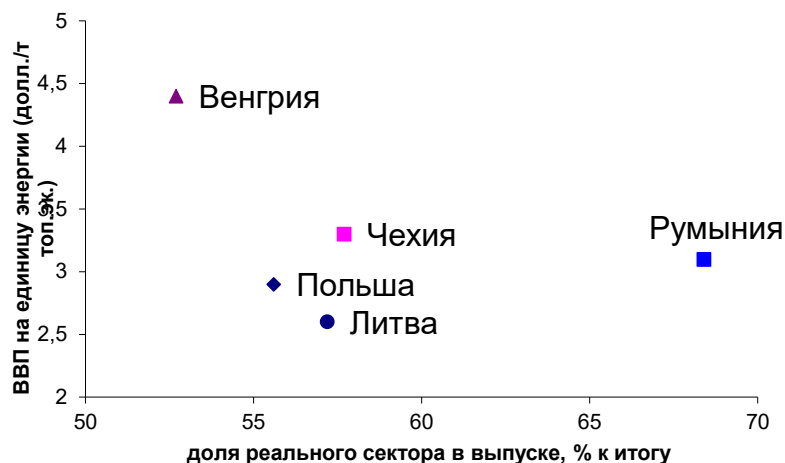

Рисунок 2.2 - Соотношение энергоёмкости и отраслевой структуры экономик стран СЭВ в 1991 г.

Источник: WIOD [157] и расчеты автора.

По результатам 2011 г. (для Румынии и Литвы – 2010 г.) объем ВВП на единицу топливного эквивалента увеличился в Литве в 2,8 раз, в Польше – в 2,3 раза, в Румынии – в 2,1 раза, в Чехии – 1,8 раз, в Венгрии – 1,6 раз. Наиболее эффективной в плане использования энергоресурсов являлась экономика Литвы (7,4 \$/т т.э.), наименьший показатель наблюдался в Чехии – 5,9 \$/т т.э.

Изменение эффективности использования первичных ресурсов в любой экономике определяется двумя основными факторами: изменением технологий использования ресурсов и трансформацией отраслевой структуры экономики. Для бывших стран СЭВ был характерен рост доли сферы услуг с одновременным сокращением доли реального сектора (Таблица 2.5). В таких условиях общая по экономике эффективность использования первичных ресурсов увеличилась бы даже без внедрения новых технологий, так как третичный сектор является в общем случае менее ресурсоемким, чем производственная сфера.

К концу 2000-х гг. в Польше было зафиксировано снижение ресурсоемкости на 17% относительно уровня 1995 г., при этом расчет ресурсоемкости экономики Польши с постоянной отраслевой структурой 1995 года показал, что технологический фактор снижения удельных затрат на первичные ресурсы определил 57% этого снижения, тогда как 43% уменьшения ресурсоемкости было

продуцировано изменением отраслевой структуры (в первую очередь сокращением доли сельского хозяйства и добывающих отраслей в валовом выпуске).

Таблица 2.5 - Итоговые показатели изменения ресурсоемкости и отраслевой структуры стран СЭВ в трансформационный период

	Польша	Чехия	Венгрия	Румыния	Литва
Доля реального сектора в 1995 г., в % к общей величине валового выпуска	55,6	57,7	52,7	68,4	57,2
Доля реального сектора в 2009 г., в % к общей величине валового выпуска	49,5	53,9	49,2	54,7	45,1
Технологический фактор снижения ресурсоемкости, % от общего снижения	57,6	63,9	39,5	41,2	80,1
Динамика снижения удельных затрат на первичные ресурсы, в % уровень 2009 г. относительно 1995 г.	-17,2	-33,6	-25,2	-30,1	-33,6
Динамика снижения удельных затрат на энергоресурсы, в % уровень 2009 г. относительно 1995 г.	-0,9	-44,6	-13,2	-48,8	+3
Динамика снижения удельной электроемкости, в % уровень 2009 г. относительно 1995 г.	-2,5	-44,7	+20,1	-11,4	-43,2
ВВП по ППС в постоянных ценах 2005 г. на килограмм топливного эквивалента, в % к уровню Германии (2010 г.)	77,4	66,7	78,6	78,6	88,1

Источник: расчеты автора.

В Венгрии, Румынии, Чехии и Литве снижение ресурсоемкости оказалось еще более значимым – на 25-34% за неполные 15 лет. При этом в Венгрии и Румынии фактор изменения структуры производства ВВП обеспечил 60% этого снижения, в Чехии – 36%, в Литве – 20%.

Таким образом, развитие сферы услуг может нести позитивные изменения для перспектив долгосрочного экономического роста не только через повышение качества человеческого и физического капитала, а также производительности труда в целом по экономике, но и в силу изменений структуры производства и использования ресурсов. Уже на начальном этапе перехода к постиндустриальному типу воспроизводства общая эффективность экономики может повышаться за счет «облегчения» ее структуры, то есть повышения доли сектора услуг, которая приводит к снижению удельных затрат на первичные ресурсы⁷. Потенциал такого процесса конечен и достаточно быстро исчерпаем. Более устойчивым и эффективным (как показано на примере США) является изменение отраслевой

⁷ Подробнее о влиянии количества и качества используемых в экономике ресурсов на долгосрочный экономический рост см. работы Узякова М.Н. (например, [102]).

структуры и качества труда, когда в результате масштабных вложений в «экономику знаний» удастся не только нивелировать низкую производительность в традиционных видах деятельности, но и значимо повысить среднюю по экономике эффективность факторов производства за счет наиболее высокопроизводительного «ядра» экономики, в котором сосредоточены наиболее качественные трудовые ресурсы и капитал.

2.3 Общие итоги трансформации структуры производства российского ВВП

Трансформация российской экономики при переходе от принципов планового хозяйства к рыночному механизму функционирования кардинально изменила структуру отечественного производства. В России доля услуг в общей величине произведенного ВВП выросла с 35% в 1990 г. до 50% в 1995 г. и до 60% в 2002 г. (Рисунок 2.3)⁸.

В дальнейшем доля нематериального сектора в формировании ВВП была достаточно устойчивой и колебалась в пределах 58-65% (Таблица 2.6). С формальных позиций, страна совершила глобальный «рывок» из индустриального в постиндустриальный экономический уклад за одну пятилетку (1990-1995 гг.), встав в один ряд с развитыми странами по доле третичного сектора в создании валового продукта⁹.

⁸ В связи с тем, что Росстат с 2004 г. публикует данные СНС в классификации ОКВЭД, возникла необходимость переоценки всех отчетных показателей, публикуемых ранее с использованием ОКОНХ. Такая оценка была произведена автором с максимально возможной точностью на основе методологических положений по статистике Росстата [57, 58], что позволило сопоставлять временные ряды данных с 1990 г. по 2023 г. Однако, приведенные данные являются не абсолютно сопоставимыми в связи с изменениями методологии Росстата. Так, данные с 2011 г. отличаются от итогов за предыдущие годы на величину изменений, связанных с внедрением международной методологии оценки жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья; оценкой потребления основного капитала исходя из его текущей рыночной стоимости; согласованием данных об экспорте и импорте с данными платежного баланса, разработанного по методологии 6 издания "Руководства МВФ по платежному балансу и международной инвестиционной позиции" (РПБ6); актуализацией данных по итогам разработки базовых таблиц "Затраты-выпуск" за 2011 год, включением оценки услуг домашних работников. Кроме того, с 2014 г. информация приводится с учетом Крымского федерального округа и с внедрением положений СНС 2008 года относительно учета результатов научных исследований и разработок и систем вооружения. Наибольшие расхождения указанные методологические изменения внесли в показатели ВДС государственного управления и операций с недвижимым имуществом.

⁹ В материалах пункта 2.3 используются результаты, опубликованные автором в [78, 79, 82, 83].

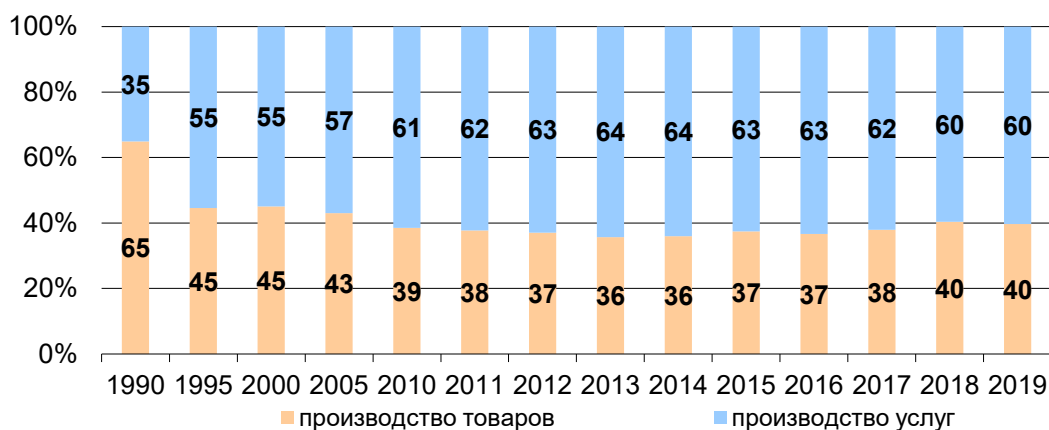

Рисунок 2.3 - Структура формирования ВВП России, % к итогу (в фактических основных ценах)

Источник: Росстат (Национальные счета России [53-55]), расчеты автора.

Таблица 2.6 - Структура произведенного ВВП по укрупненным секторам (% к итогу, в фактических основных ценах)

ВДС в основных ценах	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2022
Производство товаров	65,1	45,7	45,1	43,0	38,6	37,5	40,5
Производство услуг, в том числе:	34,9	55,3	54,9	57,0	61,4	62,5	59,5
торговля, гостиницы и рестораны	6,1	19,9	23,7	20,4	21,0	16,7	13,2
транспорт и связь	10,0	11,9	9,0	10,2	9,1	8,0	7,0
финансовая деятельность	0,8	1,6	1,4	3,8	4,4	3,6	4,8
операции с недвижимым имуществом	0,0	1,4	3,2	4,0	5,5	10,1	10,8
прочие бизнес-услуги	5,1	5,6	6,4	5,9	6,7	8,1	8,5
государственное управление	2,8	5,3	4,7	5,2	6,1	7,7	7,1
персональные услуги	10,1	9,7	6,6	7,5	8,5	8,4	8,1

Источник: Росстат (Национальные счета России [53-55]), расчеты автора.

С точки зрения структуры производства ВВП, Россия повторяет путь большинства развитых и развивающихся стран, где увеличение производительности в промышленности позволило перенаправить ресурсы в сферу услуг. Однако в России изменения в структуре производства не поддерживались ростом выпуска в реальном секторе в 1990-х гг. Скорее можно говорить о том, что рост сектора услуг сопровождался постепенным ростом эффективности российской экономики на базе выбраковки наименее эффективных производств и усилении ряда отраслей сырьевого сектора.

Произошедшие изменения структуры производства ВВП обусловлены двумя группами факторов:

- формирование новых и расширение существовавших рынков услуг при одновременном сокращении реального производства (в основном в период 1990-х гг.);

- опережающий рост цен производителей на услуги по отношению к ценам на товары (на протяжении всего постсоветского периода).

В описании развития российского нематериального сектора целесообразно выделить три периода, соответствующих трем глобальным этапам постсоветского периода:

1. спад 1990-х гг. в период кардинальной трансформации всех основных экономических связей;
2. период активного восстановления в 1999-2008 гг.;
3. период медленного роста и стагнации в 2009-2019 гг.¹⁰.

Анализ реальной динамики произведенного ВВП и его компонент показывает, что в период экономического спада 1990-х гг. ВДС в постоянных ценах в сфере услуг в целом сокращалась медленнее, чем в реальном секторе: объем ВДС в нематериальном секторе сократился в 1991-1998 г. на 22%, а в материальном производстве – на 76% (в ценах 1995 г., Таблица 2.7).

Тем не менее, различные сектора сферы услуг демонстрировали разнонаправленную динамику:

- «Новые»¹¹ отрасли увеличили объем произведенной ВДС: в отрасли «Операции с недвижимым имуществом» - на 77,1% в 1991-1998 гг., «Финансы, кредит, страхование» - на 18,5%. Увеличили объем производства и традиционные отрасли, до 1991 г. оказывающие нерыночные услуги населению: объем оказанных рыночных услуг в отрасли «Здравоохранение, физкультура и социальное

¹⁰ Здесь и далее автор рассматривает период до 2019 г., так как кардинальная трансформация бюджетной политики в 2020 г. и 2022 г., вызванная необходимостью реагировать на внеэкономические факторы (пандемия и СВО), привело к значимым изменениям воспроизводственного процесса, что может исказить выводы исследования, цель которого – выявление долговременных тенденций экономического развития.

¹¹ Здесь «новыми» мы обозначили те виды деятельности, которые в плановой экономике были либо практически не востребованы (например, «Общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка»), либо принципы функционирования которых значительно отличаются в плановом и рыночном укладах народного хозяйства (финансовое посредничество, страхование, кредитование).

обеспечение» увеличился на 38,2%, «Образование» - на 104,4%, «Культура и искусство» - на 4,3%.

- Традиционные виды услуг, для которых спад производства в 1991-1998 гг. был глубже, чем в реальном секторе. К таким отраслям относятся «Транспорт» (спад на 97,9%), «Геология» (-112,4%), «Наука и научное обслуживание» (-90,1%).

- Традиционные отрасли услуг, для которых также наблюдалось сокращение произведенной ВДС, но в масштабах не столь значительных, как для материального сектора: «Торговля и заготовки» - снижение на 12,6%, «Связь» - 51,7%, «Жилищное хозяйство» - 2,6%.

Таблица 2.7 - Динамика ВДС отраслей сферы услуг и ВВП (в постоянных ценах 1995 г., в процентах к 1995 г.), классификация ОКОНХ

	1991	1995	1998	2000	2003
ВДС в основных ценах	159,7	100	92,5	108,3	127,8
Производство товаров	164,0	100	87,8	108,9	129,3
Производство услуг	120,5	100	98,3	107,4	125,8
рыночные услуги:	120,3	100	97,3	107,9	128,9
транспорт	185,5	100	87,6	97,4	111,0
связь	162,9	100	111,2	159,6	273,9
торговля и заготовки	112,6	100	100	109,9	135,4
информационно-вычислительное обслуживание	110,7	100	103,7	131,9	196,4
операции с недвижимым имуществом	94,7	100	171,8	210,0	244,7
общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка	30,3	100	54,5	62,4	58,8
геология и разведка цен	204,4	100	92,0	103,3	108,5
организации, обслуживающие сельское хозяйство	н.д.	100	47,1	44,0	45,8
шоссейное хозяйство	н.д.	100	124,6	143,0	123,1
жилищное хозяйство	103,7	100	101,1	98,6	97,5
финансы, кредит, страхование	74,0	100	92,5	95,4	150,2
наука и научное обслуживание	160,4	100	70,3	76,8	82,2
здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	100,2	100	138,2	177,6	186,4
образование	100,9	100	205,3	267,5	339,3
культура и искусство	100,9	100	104,3	114,1	154,8
управление	89,1	100	100,4	83,4	94,7
нерыночные услуги	134,0	100	102,0	105,4	109,7

Источник: Росстат (Национальные счета России [53-55]), расчеты автора.

В период посткризисного восстановления (1999-2009 гг.) рост в реальном секторе опережал по темпам рост в нематериальном секторе лишь до 2004 г. При этом уровень ВДС 1991 г. (в ценах 1995 г.) был превышен в отраслях «Связь»,

«Торговля и заготовки», «Информационно-вычислительное обслуживание», «Жилищное хозяйство», «Управление» уже в 1998-1999 гг.

Вторая половина 2000-х годов и 2010-е гг. были ознаменована опережающим ростом выпуска в нематериальном секторе относительно производственной сферы и экономики в целом (Таблица 2.8): динамика ВДС в основных ценах (в ценах 2003 г.) в сфере услуг составила +60% против +32% в материальном секторе (уровень 2019 г. к 2003 г.). Лидерами роста стали такие виды деятельности по оказанию услуг, как «Финансовая деятельность» (+289% в 2019 г.), «Оптовая и розничная торговля» (+67%), «Операции с недвижимым имуществом» (+144%), «Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий» (+146%). Гораздо скромнее была динамика для видов деятельности «пятеричного сектора»: «Научные исследования и разработки» (+40%), «Государственное управление» (+13%), «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» (+11%), «Образование» (-1%).

Таким образом, можно говорить о том, что в период высоких цен на энергоресурсы и благоприятной внешней конъюнктуры генерируемый внешними факторами экономический потенциал не был в полной мере использован на развитие наиболее перспективных (с точки зрения влияния на производственный и человеческий потенциал) отраслей сферы услуг, а в большей мере транслировался в сферу обращения, финансовое посредничество, рынок недвижимости и развитие компьютерных технологий.

Отрасли сферы услуг оказались более устойчивыми к кризису 2008-2009 гг.: спад производства в нематериальном секторе составил -5,5%, в то время как в реальном – (-)9,7%. Однако это потребовало значительных мер поддержки из бюджета, благодаря которой рост ВДС в 2009 г. к уровню 2008 г. в финансовом секторе составил +2,2%, в секторе государственного управления - +2,1%. При этом спад в других нематериальных отраслях (особенно относящихся к сфере конечного потребления населением рыночных услуг) превышал динамику спада в целом по экономике (в торговле он составил -8,5%, гостиницы и рестораны – (-)14,8%, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг –

(-19,6%), что было связано с сокращением темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения (с 12,1% в 2007 г. до 1,9-2,1% в 2008-2009 гг.).

Таблица 2.8 - Динамика ВДС отраслей сферы услуг и ВВП (в постоянных ценах 2003 г., в процентах к 2003 г.), классификация ОКВЭД

	2004	2007	2008	2009	2011	2014	2019
ВДС в основных ценах	106,6	132,3	139,2	129,8	140,3	141,8	149,2
производство товаров	108,8	122,4	124,3	112,7	125,1	125,6	132,2
производство услуг	105,0	136,8	147,2	139,9	149,2	151,5	159,5
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	110,2	153,3	168,4	158,6	173,1	174,0	166,8
гостиницы и рестораны	105,7	141,6	155,8	132,5	150,4	149,1	161,5
транспорт и связь	105,9	129,0	135,8	124,2	139,4	139,6	146,1
финансовая деятельность	114,7	239,9	272,3	276,5	287,1	299,5	388,7
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, в том числе:	96,4	143,4	159,0	151,9	164,6	169,2	188,7
операции с недвижимым имуществом	102,4	146,5	174,4	181,7	221,9	227,7	243,7
деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	90,7	192,1	220,8	202,3	216,1	234,9	245,8
научные исследования и разработки	103,0	124,6	124,6	121,2	144,7	153,8	139,8
прочие бизнес-услуги	85,7	141,7	148,5	129,3	116,9	119,7	152,9
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	104,6	105,3	108,4	108,4	104,6	105,2	113,2
образование	100,3	102,3	102,2	100,7	98,2	99,9	98,8
здравоохранение и предоставление социальных услуг	101,0	105,4	106,4	106,2	107,7	109,8	111,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	106,3	127,7	129,5	103,6	105,3	107,5	107,1

Источник: Росстат (Национальные счета России [55]), расчеты автора.

Похожая ситуация наблюдалась в кризис 2014-2015 гг. Динамика ВДС сферы услуг замедлилась в 2014 г. до +1,1% год к году и до +0,7% в промышленности. Государственная поддержка банковского сектора в размере 1 трлн руб. в конце 2014 г. обеспечила прирост ВДС в финансовом секторе на 8,8% год к году, тогда как в целом экономическая динамика не превысила 0,6%. Однако многие виды деятельности нематериального сектора, связанные с конечным потреблением населения (операции с недвижимым имуществом, образование, здравоохранение и предоставление прочих коммунальных, персональных и социальных услуг),

испытали сокращение добавленной стоимости более глубокое, чем материальное производство.

В целом 2010-е гг. характеризовались значимыми изменениями структуры выпуска сферы услуг: доля ВДС сферы обращения (торговля и транспорт) в общем объеме ВВП сократилась на треть (Таблица 2.6) при одновременном росте доли бизнес-услуг (операции с недвижимым имуществом, информационное обеспечение, прочие, за исключением научных разработок), услуг государственного потребления и персональных услуг. Последние 5 лет доля торговли и транспорта в российском ВВП соответствует значениям ведущих экономик (прежде всего, в странах ЕС), тогда как доля бизнес- и персональных услуг все еще остается ниже как минимум на 10 процентных пунктов, что свидетельствует о возможностях роста этих сегментов при повышении уровня жизни и диверсификации экономики.

Выводы по главе 2

По результатам работы, представленным во второй главе, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ показателей функционирования общемировой сферы услуг свидетельствует об ее решающей роли как в дальнейшем развитии мировой экономики в целом, так и отдельных экономик развитых и развивающихся стран. При этом место национальных экономик на мировом рынке будет определяться в том числе степенью развитости их нематериального сектора. Однако, опора экономического развития только на сферу услуг имеет свои пределы, которые обусловлены в первую очередь неравномерностью распределения национального дохода между, с одной стороны, быстро развивающимся сегментом услуг (финансы, медицина, информационные технологии и пр.) и, с другой стороны, традиционных типов услуг и товаров, что приводит к росту расслоения общества по уровню доходов с «вымыванием» среднего класса. В связи с этим, для российских экономистов является настоятельной необходимостью исследование функционирования и развития сферы услуг России: роль в создании ВВП,

перераспределении национального дохода, развитии качества трудовых ресурсов. При этом особенно важно изучение воспроизводственной функции нематериального сектора.

2. Переход к постиндустриальному типу воспроизводства грозил снизить макроэкономическую динамику, так как считалось, что при росте доли занятых в сфере услуг будет понижаться средняя по экономике производительность труда, так как ее уровень в нематериальном секторе ниже аналогичного показателя в реальном сегменте экономики. Это должно было привести к стагнации и коррекции структуры производства. Однако опыт развитых стран показал, что решение этой проблемы возможно, более того, именно ускоренный рост производительности труда в сфере услуг позволил экономике США достаточно долгий период показывать более высокие темпы развития, чем в странах Евросоюза. Тем не менее, на данный момент на основе эмпирических данных установлено, что ограничения роста в постиндустриальной экономике существуют и носят глобальный характер: растущая дифференциация в финансовом положении по различным видам деятельности, когда доход растет только в ограниченном наборе сервисных отраслей (ИТ, финансы и пр.), приводит к «вымыванию» среднего класса, которое не может быть нивелировано за счет перераспределения национального дохода через бюджетную систему.

3. Трансформация отраслевой структуры производства ВВП в России в постсоветский период находилась в общемировом тренде роста значимости сферы услуг: по формальным признакам российская экономика имела отраслевую структуру постиндустриального типа народного хозяйства уже к 1995 г. Однако, в отличие от эволюционного типа такого перехода в развитых странах, российский путь трансформации не сопровождался ростом производительности труда в реальном секторе при его одновременном расширении, а стал следствием двух процессов: появление нового типа услуг при переходе от планового к рыночному механизму с одновременной выбраковкой значительной части неэффективного реального сектора; опережающий рост цен на услуги относительно цен на товары. При этом, резкое изменение пропорций производства ВВП и перераспределения

национального дохода, а также ценовой динамики зафиксировали в российской сфере услуг целый ряд диспропорций, которые остаются актуальными на протяжении как минимум 10-15 лет и во многом определяют актуальные ограничения по интенсификации экономического роста. Подробнее о формировании и значимости этих диспропорций будет написано в главе 3.

ГЛАВА 3. Особенности развития российской сферы услуг

Представленная в главе 1 теоретическая концепция предполагает расширение роли сферы услуг в формировании ВВП, что для российской экономики было проиллюстрировано в параграфе 2.3. При этом один из тезисов авторского развития концепции значимости количественных и структурных изменений для долгосрочного экономического роста (концепции А.А. Широа) содержит положение о том, что переход к постиндустриальному типу воспроизводства может приводить к формированию структурных ограничений для общеэкономического развития. В российской экономической системе эти ограничения формируются по нескольким направлениям:

- опережающая относительно уровня реального сектора ценовая динамика в ряде видов деятельности нематериального сектора, которая приводит к *перераспределению* национального дохода, что ограничивает потенциал развития в первую очередь обрабатывающего сектора;

- неэффективное использование факторов производства в части нематериального сектора, приведшее к более низкой, чем в среднем по экономике, эффективности использования труда и капитала, что стало во многом причиной ускоренного роста цен;

- вопрос финансирования нерыночных услуг, относящихся к «экономике знаний», в условиях низких темпов экономического развития, значимость которого будет неуклонно расти ввиду демографических изменений.

3.1 Ценовой фактор трансформации структуры российской экономики

Сфера услуг, в первую очередь, торговый, транспортный и финансовый сектора, являлась одним из факторов, усугубляющих инфляцию в экономике постсоветского периода¹². Динамика отраслевых дефляторов в большинстве отраслей сектора рыночных услуг в 1991-1995 гг. превышала динамику цен на товары (Таблица 3.1). Так, за период 1991-1992 гг. в сфере платных услуг цены

¹² В материалах пункта 3.1 используются результаты, опубликованные автором в [79, 82, 83].

выросли в 28 раз (в обрабатывающих отраслях промышленности – в 12-27 раз), в 1992-1995 гг. в целом по нематериальному сектору рост составил 96 раз (в промышленности – 90 раз).

Таблица 3.1 - Дефляторы ВДС в отраслях народного хозяйства в 1991-2003 гг. (классификация ОКОНХ, в % к 1995 г.)

	1991	1992	1995	2000	2003
производство услуг	0,05	1,04	100	453,0	765,5
итого рыночные услуги	0,04	1,11	100	476,6	763,5
транспорт	0,03	0,5	100	352,6	413,0
связь	0,02	0,29	100	296,4	324,8
торговля и заготовки	0,05	1,83	100	498,1	550,7
информационно-вычислительное обслуживание	0,12	0,94	100	414,1	703,6
операции с недвижимым имуществом	н.д.	0,25	100	508,0	714,9
геология и разведка недр, геодезич. и гидрометеорологич. службы	н.д.	0,8	100	630,1	738,3
жилищное хозяйство	0,02	0,4	100	286,3	371,4
коммунальное хозяйство	0,02	0,4	100	456,9	591,6
финансы, кредит, страхование	0,13	3,4	100	400,2	680,8
наука и научное обслуживание	0,06	0,5	100	746,4	1178,3
здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	0,03	0,44	100	487,8	598,5
образование	0,05	0,3	100	463,8	557,3
культура и искусство	0,05	0,3	100	661,7	952,1
управление	н.д.	0,06	100	417,9	510,2
нерыночные услуги	н.д.	н.д.	100	355,6	799,2
производство товаров	н.д.	н.д.	100	452,1	622,8
промышленность	0,03	1,11	100	473,9	639,2
сельское хозяйство	н.д.	н.д.	100	422,3	526,0
лесное хозяйство	н.д.	н.д.	100	468,5	943,1
строительство	н.д.	н.д.	100	385,7	592,7

Источник: Росстат (Национальные счета России [53-55]), расчеты автора.

При этом динамика отраслевых дефляторов в разрезе отраслей нематериального сектора значительно различалась. В 1991-1992 г. услуги торгового и финансового посредничества (динамика дефляторов этих услуг была максимальной среди отраслей непродуцирующей сферы) дорожали значительно быстрее продукции обрабатывающих отраслей промышленности, уступая лишь отраслям ТЭК, электроэнергетики и цветной металлургии [68-69]. В то же время, динамика цен на услуги информационно-вычислительного и научного обслуживания, образования, культуры и здравоохранения были значительно (в 1,5-3 раза) ниже средних по экономике.

В 1992-1995 гг. лидирующие позиции по росту цен заняли услуги управления (рыночные), чья динамика превышала средний показатель по экономике в 18,5 раз. Также выше среднего были темпы роста цен в отраслях транспорта и связи, операций с недвижимым имуществом, жилищно-коммунального хозяйства и научного и социально-культурного обслуживания (в части рыночных услуг). Перечисленные отраслевые дефляторы к 1995 г. оказались выше соответствующих показателей всех отраслей материального сектора, в том числе экспортно-ориентированных [68-69]. Относительно невысокими (ниже средних по экономике) были дефляторы в сфере торгового и финансового обслуживания, что стало следствием высокой базы сравнения.

В следующее пятилетие (*1996-2000 гг.*) ценовая динамика на товары и услуги сблизилась, однако удорожание последних происходило на 2-8 п.п. быстрее. Лидером по темпам роста цен в 1995-1998 гг. стали нерыночные услуги (прежде всего услуги научного обслуживания и управления), а также рыночные услуги, в основном потребляемые населением: здравоохранение, образование, культура, непроизводственные виды бытового обслуживания населения. Значительно снизились темпы роста цен на рыночные «производственные» услуги (здесь цены в 1995-1999 гг. выросли меньше, чем в реальном секторе). Наиболее значительное замедление динамики наблюдалось для цен на услуги финансового и торгового посредничества.

Таким образом, можно сказать, что кризис 1998 года благоприятно повлиял на соотношение ценовой динамики в сфере услуг и в реальном секторе, несколько сгладив неблагоприятную для отраслей промышленности ценовую ситуацию, сложившуюся в 1990-1995 гг. в пользу отраслей услуг.

Однако после 2000 г. сфера услуг (как рыночных, так и нерыночных) вновь начала «обгонять» реальный сектор по темпам роста цен и в 2003 году разница между индексом цен услуги и товары составляла 1,4 раза. Эффект выравнивания ценовой динамики, последовавший после кризиса 1998 года, был аннулирован.

В *2000-х гг.* рост экспортных цен на ряд неэнергетических товаров (металлы и изделия из них, химическая продукция и пр.), а также рост внутреннего спроса на

товары, инициированный ростом доходов и кредитования населения и активизацией инвестиционной деятельности, стали причинами дальнейшего сближения динамики цен на товары относительно цен на услуги – услуги дорожали в среднем за год на 3,7 п.п. быстрее. В этот период наибольшими темпами увеличились цены на финансовое обслуживание и прочие бизнес-услуги (в среднем на 13% и 20% в год), динамика цен на услуги торговли и транспорта была заметно ниже (10% в год), что тем не менее было заметно выше уровня цен в обрабатывающем сегменте реального сектора (+8,7% в среднем за год).

Таблица 3.2 - Дефляторы ВДС по видам экономической деятельности в 2004-2019 гг. (классификация ОКВЭД, в % к 2003 г.)

	2004	2010	2014	2019
Добыча полезных ископаемых	161,8	434,5	700,5	1241,4
Обрабатывающие производства	126,4	266,5	367,9	538,3
Производство и распределение э/э, газа и воды	122,8	336,1	461,6	636,2
Строительство	109,6	241,0	357,1	418,4
Торговля	106,3	185,9	227,4	299,8
оптовая торговля	93,6	172,6	204,5	274,1
розничная торговля	124,5	202,1	261,6	343,0
Гостиницы и рестораны	141,0	304,4	427,2	570,7
Транспорт и связь	124,6	224,8	285,7	469,8
связь	124,0	149,4	169,4	249,6
Финансовая деятельность	106,5	164,8	200,6	237,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	117,2	244,2	328,0	-
операции с недвижимым имуществом	101,6	188,9	250,4	285,9
информационно-вычислительное обслуживание	101,1	227,8	322,0	440,5
научные исследования	110,8	258,6	329,3	447,1
прочие бизнес-услуги	126,9	291,5	395,5	494,6
Государственное управление	117,9	344,3	584,1	708,9
Образование	125,4	389,6	593,9	859,6
Здравоохранение, социальные услуги	124,4	371,5	602,1	900,7
Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги	118,0	303,5	471,3	677,9
Итого в основных ценах	120,0	255,1	354,5	489,1
Итого в рыночных ценах	120,3	258,4	362,3	486,6

Источник: Росстат (Национальные счета России [55]), расчеты автора.

Наконец, в период 2010-х гг. различия в динамике цен на товары и услуги сблизились: услуги дорожали все также быстрее, чем неэнергетические товары, однако разница в темпах прироста сократилась до 1,4 п.п. в среднем за период, при

этом наибольшая среднегодовая ценовая динамика фиксировалась для бизнес-услуг (+7,4%, Таблица 3.2).

При этом необходимо отметить, что в секторе услуг, которые полностью или преимущественно финансируются за счет бюджетных средств (государственное управление, образование, здравоохранение, наука) динамика цен была максимальной для всей сферы услуг начиная с конца 2000-х гг., что отражало реализацию национальных проектов и программ, направленных в том числе на повышение оплаты труда в указанных видах деятельности.

На соотношение ценовой динамики на услуги и товары в условиях либерализации цен начала 90-х гг. влияли, прежде всего, факторы ценообразования. При формировании цен на товары производитель ориентируется на себестоимость, а также соотношение спроса и предложения. В экономических условиях, которые сложились в нашей стране в 1990-1998 гг., совокупный спрос был ограничен низкой платежеспособностью населения и отраслей реального сектора. В то же время цены на большинство услуг имеют специфическую зависимость от спроса в силу того, что услуги производятся непосредственно в момент потребления, то есть только тогда, когда потребитель уже «согласен» с ценой. Необходимо также отметить тот факт, что во многих случаях (это в первую очередь касается услуг транспорта, связи, торгового посредничества и ЖКХ) предприятия сферы услуг действуют в условиях локально-монопольного рынка, что также позволяет им устанавливать цены, ориентируясь преимущественно не на спрос, а на собственный уровень рентабельности.

На рынке «производственных» услуг действовала следующая система ценообразования: в условиях высокой инфляции и распада системы материально-технического снабжения предприятия реального сектора были вынуждены обращаться к услугам торговых посредников для того, чтобы реализовать как можно больше продукции за наиболее короткий период. Торговые посредники, в силу объективных причин (высокий уровень затрат на заработную плату, высокая арендная плата, рост тарифов на перевозки и электроэнергию), а также часто пользуясь положением местного монополиста и опираясь на собственные

представления о рентабельности, устанавливали высокие цены на свои услуги. В свою очередь, лишённые оборотных средств предприятия реального сектора были вынуждены обращаться к услугам финансового посредничества.

Цены на услуги финансового посредничества определялись в том числе и уровнем доходности государственных ценных бумаг типа ОФЗ. Решая вопрос о выдаче кредита, банки и инвесторы выбирают как минимум между двух альтернатив: вложить деньги в государственные облигации, которые по условиям обращения являются безрисковыми и высокодоходными в условиях высокой инфляции, либо выдать кредит предприятию, рискуя не получить его обратно. В результате, в условиях гиперинфляции цены на услуги финансовых посредников также растут очень высокими темпами.

Опережающий темп роста цен в секторе услуг был во многом связан с ростом затрат на оплату труда. Так, в торговле и транспорте доля ВДС, направляемая на оплату труда, увеличилась скачкообразно в 1992 г. (вдвое с 12% в 1991 г. до 24% для торговли, с 25% до 52% в транспорте), что привело к соответствующей повышенной (относительно среднего по экономике) ценовой динамики. В 1993-1998 гг. доля оплаты труда в ВДС торговли стабилизировалась на уровне 15-17%, снизившись до 9-11% в 1999-2003 гг. Однако в дальнейшем вплоть до начала 2020-х гг. этот показатель неуклонно увеличивался, достигнув уровня 38% отраслевой ВДС.

Среди видов деятельности, оказывающих бизнес-услуги, наиболее кардинальные изменения формирования ВДС по доходам фиксировались в секторе информационно-вычислительного обслуживания, где доля оплаты труда в ВДС увеличилась до 65% против 50% в начале 2010-х гг., что коррелирует с повышенной ценовой динамикой для данного вида деятельности в этот период.

Одновременно в таких видах деятельности, как финансовая деятельность и операции с недвижимым имуществом доля ВДС на оплату труда стабильно снижалась: с 50% с начала 2000-х гг. до 31-34% в конце 2010-х гг. в финансовом секторе и с 16-17% до 6-8% соответственно в операциях с недвижимым

имуществом. Схожая тенденция фиксировалась в реальном секторе, где указанный показатель сократился с 34% до 30% за тот же период.

Таким образом, в высокой степени опережение динамики цен на услуги относительно роста цен на товары было продиктовано «удорожанием» использования труда как фактора производства, который стал следствием отсутствия межотраслевого перетока трудовых ресурсов при объективном изменении отраслевой структуры производства, в том числе в сфере услуг.

Уровень и динамика цен на услуги, наряду с ценами на сырье, перераспределяли национальную прибыль в пользу сферы услуг и добывающих отраслей промышленности, тем самым сужая возможности развития высокотехнологичных обрабатывающих производств (Рисунок 3.1).

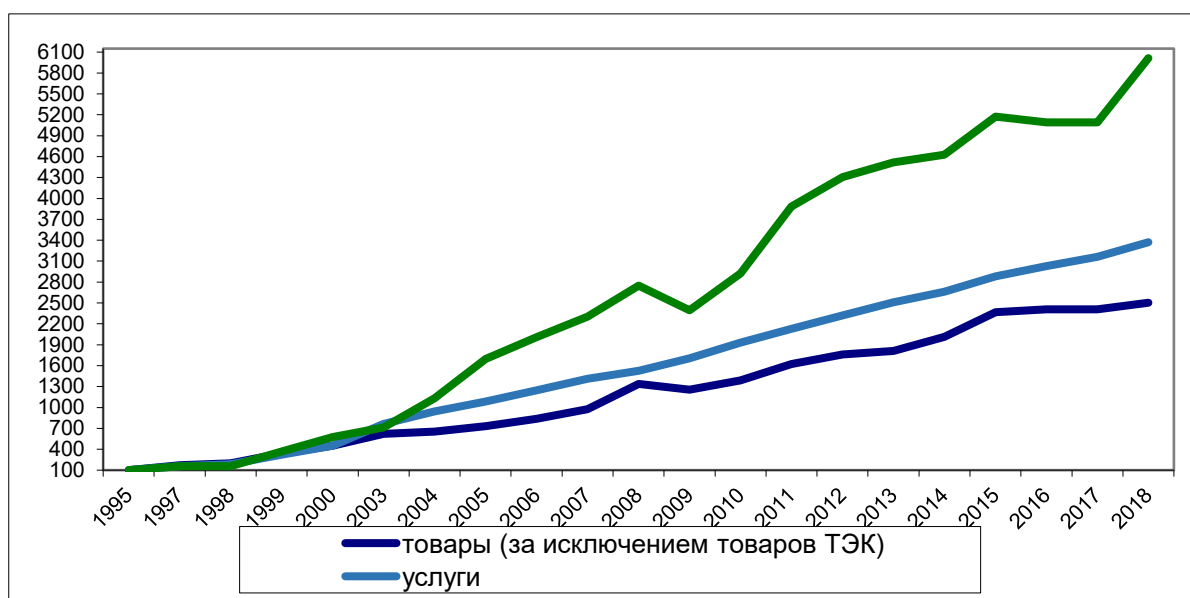

Рисунок 3.1 - Сопоставление ценовой динамики по укрупненным группам товаров и услуг (накопленным итогом к 1995 г. в процентах, 1995 г. = 100%)

Источник: Росстат (Национальные счета России [54-55]), расчеты автора.

Как уже отмечалось в главе 1, отраслевая трансформация структуры производства ВВП определялась не только реальными процессами перестройки принципов функционирования всей экономической системы России, но во многом стала следствием чрезвычайно неравномерной ценовой динамики в добывающем секторе, перерабатывающих и инфраструктурных видах деятельности, сфере услуг. Для разделения значимости ценового фактора и реального расширения сферы услуг в изменениях структуры ВВП был проведен расчет доли добавленной

стоимости нематериального производства в произведенной ВДС в фактических (текущих) и постоянных ценах (Рисунок 3.2).

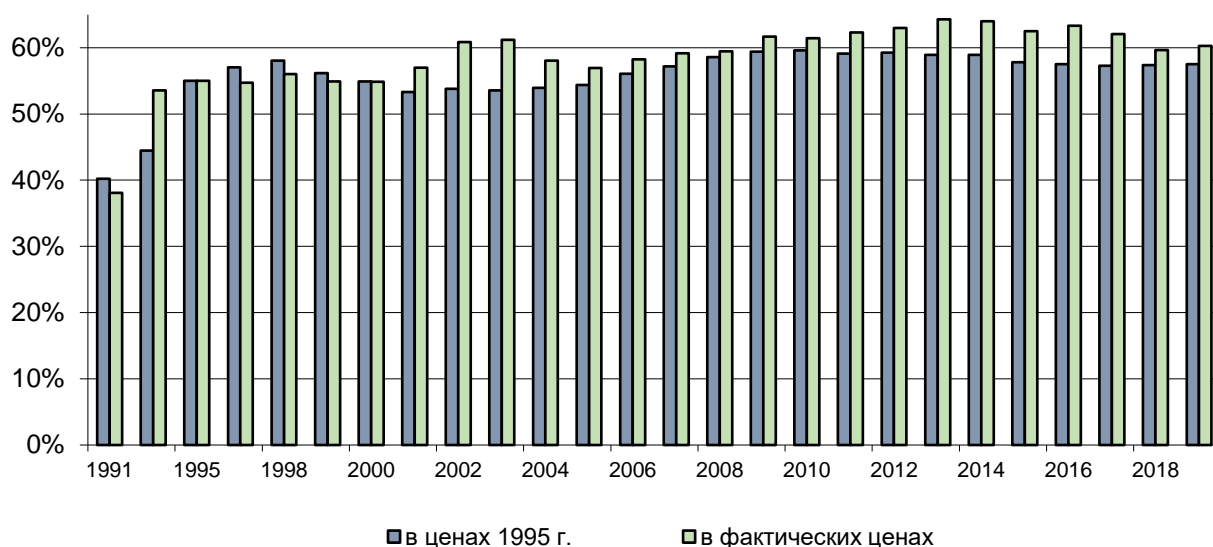

Рисунок 3.2 - Доля ВДС сферы услуг в ВВП (в % к итогу, в основных ценах), в классификации ОКВЭД в сопоставимых и фактических ценах

Источник: Росстат (Национальные счета России [53-55]), расчеты автора.

На протяжении длительного времени (1991-1994 гг. и 2001-2019 гг.) доля отраслей сферы услуг в ВВП в текущих ценах определялась не только динамикой физических объемов производства в отраслях нематериального сектора, а в большей мере темпами роста цен на услуги, которые опережали рост цен на товары, тем самым создавая бóльшую добавленную стоимость в отраслях сферы услуг. По нашим оценкам, прирост доли сферы услуг в формировании ВВП был обеспечен на 2/3 реальной динамикой выпуска, на 1/3 – опережающим ростом цен.

3.2 Распределение факторов производства и его теоретическое обоснование

Как было показано в параграфе 1.2, эффективность использования факторов производства в сфере услуг и ее влияние на общеэкономические показатели продуктивности находились в центре дискуссии о перспективах перехода к постиндустриальному типу воспроизводства. Начало этой дискуссии было

положено исследованиями У. Бомола, который указывал на ускоренный рост цен на услуги в силу низкой (относительно средних по экономике) производительности факторов производства. Впоследствии, в ряде работ (Дж. Кендрик, В. Фьюкс, Дж. Триплета, Б. Босуорта, Барт ван Арк, М. О'Махони и М.П.Тиммер и др.) на основе эмпирических данных было показано, что если не вся сфера услуг, то ее часть, связанная с «экономикой знаний», может стать «ядром» ускоренного роста производительности факторов производства. Реальность реализации такой трансформации была продемонстрирована в параграфе 2.2 на примере динамики производительности труда в США. В российской экономике такое «ядро» роста производительности не сформировалось, более того, как будет показано ниже, «массовые» отрасли сферы услуг нижнего технологического уровня формируют значимый потенциал избыточной занятости на фоне производительности труда и уровня его оплаты существенно более низких, чем в среднем по экономике.

Говоря о роли сферы услуг в функционировании отечественной экономики, необходимо проанализировать качество и количество используемых в ней факторов производства. Основным производственным ресурсом для большинства отраслей этой сферы является труд. Поэтому увеличение выпуска тех отраслей сферы услуг, которые его демонстрировали, естественно не могло произойти без увеличения числа занятых в этих отраслях, и соответственно затрат на оплату их труда¹³.

В 1990-х гг. в большинстве отраслей сферы услуг, оказывающих в основном нерыночные услуги (образование, здравоохранение, наука и научное обслуживание, культура и искусство), заработная плата играла компенсирующую роль (рост доходов занятых в этих отраслях частично компенсировал рост цен на товары и услуги для населения), т.е. в этих отраслях повышение заработной платы определялось в основном уровнем инфляции. Но, поскольку мера компенсации была явно недостаточной, наблюдалось значительное сокращение числа занятых в этих отраслях.

¹³ В материалах пункта 3.2 используются результаты, опубликованные автором в [78, 82, 83, 84].

В то же время в таких видах экономической деятельности, как оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, финансовая деятельность, темп роста заработной платы был обусловлен не только инфляцией, но и тем, что заработная плата играла стимулирующую роль, привлекая специалистов из других отраслей экономики и поднимая престиж этих развивающихся видов деятельности (Таблица 3.3).

Таблица 3.3 - Численность занятых и фонд оплаты труда в фактических ценах в отраслях сферы услуг, классификация ОКВЭД

	1991		1995		2000		2010		2019	
	оплата труда работников	число занятых	оплата труда работников	число занятых	оплата труда работников	число занятых	оплата труда работников	число занятых	оплата труда работников	число занятых
Численность занятых и оплата труда в отраслях сферы услуг (в % к итогу)										
производство услуг	39,7	42,6	51,3	49,3	56,0	55,4	68,7	62,2	69,5	63,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны	6,6	7,6	7,3	10,0	6,0	15,1	13,7	19,6	14,1	21,5
транспорт и связь	8,4	7,8	11,7	7,9	11,8	7,8	8,3	7,9	8,2	9,7
финансовая деятельность	1,2	0,6	2,4	0,8	3,3	1,0	4,7	1,7	4,4	1,9
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,6	8,4	5,0	7,0	6,6	7,0	10,1	8,0	11,7	9,5
в том числе научные исследования и разработки	3,3	4,2	1,8	2,5	2,6	1,9	2,5	1,3	2,0	0,9
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	4,3	2,3	9,5	2,8	12,4	4,8	14,3	5,8	12,3	5,1
образование	6,9	7,8	6,1	9,3	6,2	9,3	6,8	8,7	7,4	7,6
здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,4	5,8	5,1	6,7	5,1	6,8	8,1	6,8	7,6	6,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,4	2,2	4,3	4,7	4,7	3,6	2,9	3,7	3,8	3,9
Итого в экономике	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Росстат (Россия в цифрах [71-73], Российский статистический ежегодник [68-69]), расчеты автора.

Помимо того, что отрасли сферы услуг за счет более высокой оплаты труда «оттягивали» на себя высокообразованные кадры из других отраслей, требования к уровню образования в ряде этих отраслей традиционно были весьма низкими. Это несоответствие между уровнем профессиональной подготовки и уровнем

заработной платы естественно привлекало в отрасли сферы услуг не только специалистов, уже получивших образование по другим специальностям и работавших до этого в отраслях реального сектора, но и молодых людей, только определявшихся с выбором будущей профессии. В итоге, значительная часть молодежи в период 1990-2000-х гг. либо отказалась от высшего и среднего специального образования вообще, либо выбрала профессии, которые связаны с деятельностью в сфере услуг.

Так, в среднем по РФ численность обучающихся в среднеспециальных образовательных организациях снизилась со 153 чел./10 тыс. чел. населения в 1990/1991 учебном году до 130 чел. в 1995-1996 учебном году (снижение на 15%), в организациях высшего образования – со 190 до 179 чел. соответственно (-6%)¹⁴ [56].

При этом, несмотря на снижение государственных расходов на образование (до 3% к ВВП в 2000-2001 гг. против 4% в 1990 г. [50]), доступность среднего и высшего образования в 1990-е гг. оставалась на уровне позднесоветского периода: число государственных среднеспециальных организация не сократилось, организаций высшего образования – увеличилось с 514 до 939 шт. (в том числе на 76 шт. для государственных и на 349 шт. для частных).

В 2000-е гг. ситуация с распространением среднего и высшего образования изменилась: в среднеспециальных образовательных учреждениях обучались 170-182 чел./10 тыс. чел. населения в середине десятилетия со снижением до 151 чел. в 2009/2010 учебном году; в учреждениях высшего образования численность обучающихся выросла до 523 чел./10 тыс. чел. населения против 324 чел. в 2000/2001 гг.

Однако рост численности обучающихся по группам специальностей был максимально неравномерным, изменив профессиональный состав населения с профессиональным образованием [69]. Например, за период 1990-2000 гг. численность выпускников с высшим образованием по направлению «Экономика и

¹⁴ Приведены данные для государственных образовательных учреждений.

управление» выросло с 55,5 до 140,5 тыс. чел., «Гуманитарно-социальные специальности» - с 48,8 до 102,2 тыс. чел. при одновременном снижении выпускников по инженерным и производственным специальностям со 106,3 тыс. чел. до 90,4 тыс. чел., по специальности «Сельское и рыбное хозяйство» - с 29,7 до 24,8 тыс. чел. соответственно, по специальности «Строительство и архитектура» - с 22,6 до 20,2 тыс. чел.

В 2000-х гг. эта тенденция продолжилась: по направлению экономика и управление численность выпускников с высшим образованием выросла в 2,7 раз за период 2000-2009 гг., по гуманитарно-социальным направлениям – в 1,9 раз, тогда как количество выпускников производственных специальностей увеличилось только на 21% за десятилетие.

В результате к концу 2000-х гг. была заложена такая структура специалистов, которая не соответствовала необходимости интенсификации промышленного роста и делала структуру отраслевой занятости малоэластичной к изменениям пропорций производства ВВП по видам деятельности.

В 2010-х гг. при стагнации доли сферы услуг в производстве ВДС процесс роста доли занятых в этом секторе продолжился, более того, все большая часть затрат на оплату труда также формировалась в нематериальном секторе. Например, доля занятых в торговле увеличилась с 19,6% в 2010 г. до 21,5% в 2019 г., доля оплаты труда – с 13,7% до 14,1% при снижении доли в произведенной ВДС с 21% до 14,7%. Напротив, в науке, здравоохранении, образовании, государственном управлении снизилась как доля занятых, так и доля оплаты труда. В результате, на текущий момент распределение как трудовых ресурсов, так и затрат на оплату их труда в российской экономике определенно нельзя назвать оптимальным, что подтверждается и анализом динамики производительности по видам деятельности. Производительность (отношение выпуска в текущих ценах к численности занятых по соответствующему виду деятельности) в сфере услуг на всем периоде 1991-2018 гг. была ниже, чем в среднем по экономике (Таблица 3.4).

При этом с 1995 г. уровень производительности в нематериальном секторе по отношению к среднему по экономике постоянно снижался. Самые низкие

показатели наблюдались по видам деятельности «Образование» и «Здравоохранение», что вполне объяснимо с учетом того, что многие соответствующие организации предоставляют нерыночные услуги населению. Обращает на себя внимание более низкая, чем в реальном секторе, производительность в торговых организациях в течение последних 15 лет. Напротив, по видам деятельности «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Государственное управление», «Научные исследования и разработки» после 2000 г. (для науки – после 2007 г.) удалось добиться более высокого, чем в среднем по экономике, уровня производительности. Таким образом, можно говорить, что в настоящее время трудовые ресурсы в отечественной экономике распределены не эффективно: по итогам 2019 г. производительность ниже, чем в реальном секторе, имели порядка 40% занятых в сфере услуг (без учета занятых в образовании и здравоохранении).

Таблица 3.4 - Уровень производительности труда по видам деятельности к среднему уровню по экономике (%), классификация ОКВЭД

	1991	1995	1998	2000	2010	2013	2019
реальный сектор	123,8	110,3	118,6	122,9	137,1	135,3	148,3
сфера услуг	68,0	89,5	85,3	81,6	77,7	79,3	74,3
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов. бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны	105,1	138,2	101,3	116,9	81,0	78,9	58,8
транспорт и связь	69,1	119,4	122,1	97,8	112,4	110,0	89,1
финансовая деятельность	228,7	162,5	74,7	119,5	165,5	182,4	165,8
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	52,3	72,8	83,3	94,0	107,6	106,1	116,4
в том числе научные исследования и разработки	54,5	32,6	53,9	62,3	106,3	114,4	113,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	160,4	181,6	146,9	111,7	98,4	113,0	117,6
образование	37,2	32,5	29,3	19,7	23,0	23,7	27,6
здравоохранение и предоставление социальных услуг	39,1	46,8	46,1	35,7	42,4	45,0	44,3
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	41,5	64,3	93,9	69,1	38,9	38,2	43,1

Источник: расчеты автора.

В условиях экономического роста одним из важнейших ограничивающих факторов роста называется дефицит трудовых ресурсов. Помимо демографических проблем, причиной этого дефицита, на наш взгляд, является также неэффективное распределение трудовых ресурсов между реальным сектором и нематериальной сферой, а также значительное отставание ряда отраслей нематериального сектора по уровню производительности труда.

Дисбаланс в структуре производства и занятости (рост доли занятых при снижении доли в ВВП), привел к ряду негативных эффектов, остающихся актуальными на протяжении 15 лет. С одной стороны, в торговле и транспорте, где работают более 30% занятых, оплата труда составляет только 22% от общего ее объема по экономике, что послужило одной из причин затяжного сокращения реальных доходов после 2014 г. С другой стороны, растущие расходы на оплату труда (пусть и более медленные, чем рост занятости) привели к необходимости ускоренной динамики цен на услуги. В среднем за период 1995-2022 гг. динамика цен на услуги превышала динамику цен на товары более чем на 2 п.п. в год.

Анализ производительности труда в региональном разрезе также показывает, что ситуация в сфере услуг стала неблагоприятной уже к 2010 г. Так, например, в торговле производительность труда выше средней по региону наблюдалась только в 26 регионах, к 2019 г. таких регионов осталось только 3 (Москва, Дагестан и Чечня, при этом в двух последних положительные показатели обеспечивались, по всей видимости, за счет высокой доли теневой занятости). При этом производительность в торговле была ниже, чем в среднем по экономике, на четверть и более в 49 регионах в 2010 г. и в 59 регионах к 2019 г., вдвое меньше – в 5 и 18 регионах соответственно (Таблица 3.5).

Снижение производительности происходило параллельно с ростом доли занятых в торговле, которая к 2019 г. составила 17-18% от общего числа занятых. Высокая занятость в этом низкопроизводительном виде деятельности негативно отразилась в том числе на межрегиональной дифференциации: так, в регионах, где производительность труда в торговле составляла от 75% до 100% от средней по экономике, ВРП на душу населения сократился с 72% до 65% от среднего по РФ, в

регионах с отставанием в уровне производительности на 25-50% ВРП на душу населения снизился еще сильнее – со 111% до 78% от среднего по РФ.

Таблица 3.5 - Уровень производительности труда по виду деятельности «Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» к среднему уровню по экономике (%)

Производительность труда в торговле, % к среднему по региону	Регионы	Доля занятых в торговле, % к общей численности занятых	Уровень подушевого ВРП, % к среднему по экономике
2010 год			
Выше 100%	26 регионов	16,2	64,0
От 75% до 100%	29 регионов	16,7	71,7
От 50% до 75%	20 регионов	15,5	111,0
Менее 50%	5 регионов	16,6	138,2
2019 год			
Выше 100%	3 региона	17,8	100,1
От 75% до 100%	20 регионов	18,1	64,9
От 50% до 75%	39 регионов	17,3	78,4
Менее 50%	18 регионов	16,9	123,8

Источник: расчеты автора.

Необходимо отметить, что низкая производительность в торговле связана в некоторой степени с географическими факторами, в частности, с плотностью расселения населения в регионе (Рисунок 3.3). Однако, низкий уровень плотности населения не обязательно предопределяет низкое значение производительности: например, в группе регионов с плотностью населения от 20 до 40 тыс. чел./ кв. м уровень производительности труда в торговле варьируется от 38% до 85% к среднему по экономике.

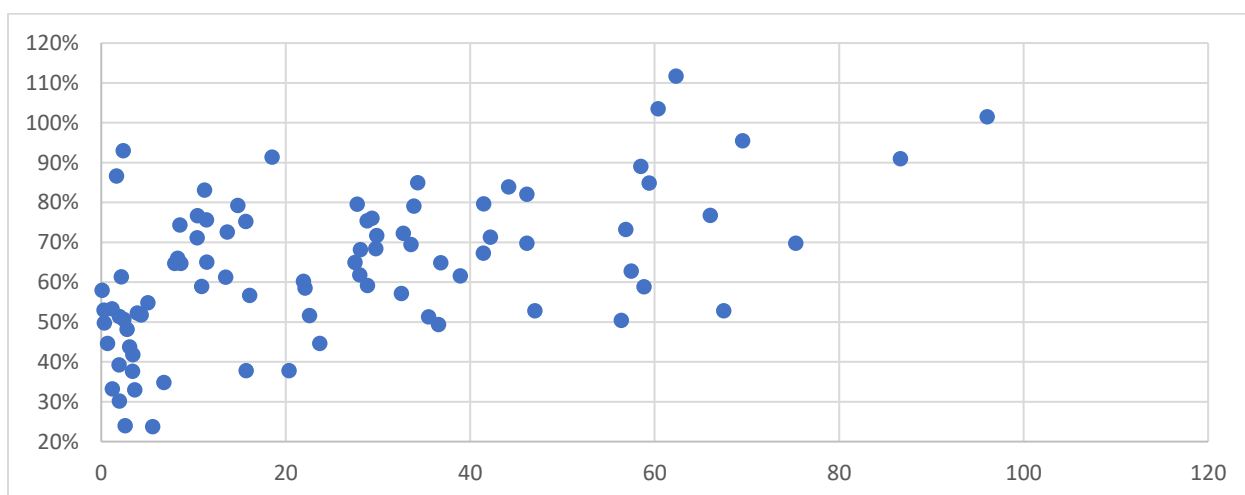

Рисунок 3.3 - Изменение производительности труда в торговле (в % к среднему по экономике, шкала Y) в зависимости от изменения плотности населения (тыс.чел./кв. м, шкала X) по регионам

Источник: расчеты автора.

Ряд отраслей, оказывающих услуги, нуждаются в значительных основных средствах и в существенных инвестициях на увеличение основного капитала. К таким «капиталоемким» сферам деятельности относятся прежде всего транспорт и связь, государственное управление и обеспечение военной безопасности, жилищное хозяйство (в составе раздела «Операции с недвижимым имуществом») и коммунальное хозяйство (в составе раздела «Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги»), в меньшей степени – здравоохранение, образование, торговля, гостиницы и рестораны. Так, в 2019 г. на «Транспорт и связь» приходилось около 22% основных фондов экономики, на «Операции с недвижимым имуществом» - 17,7%, на здравоохранение и образование – 4,6%, на государственное управление – 5,7% [73]. Доля сферы услуг в основных фондах в целом по экономике увеличилась с 49% в 1995 г. до 63,2% в 2019 г. С 1998 года темп роста объема основных фондов в нематериальной сфере колебался от 107 до 135% в год в текущих ценах, в постоянных ценах – от 100,6 до 101,5% в год. В то же время динамика объема основных фондов в реальном секторе до 2000 года была отрицательной даже в текущих ценах. В период 2001-2009 гг. отставание в темпах ежегодного прироста составляло от 3 до 26 п.п. (кроме 2002, 2004 и 2009 гг., когда динамика основных фондов в материальном секторе превышала показатель в сфере услуг). После 2009 г. динамика объема основных фондов в реальном секторе превышала темпы роста в сфере услуг, составив в среднем на периоде до 2019 г. +18% в год против +13% в текущих ценах.

Структурные изменения отраслевого состава основных фондов сопровождалось изменением и структуры инвестиций в основной капитал: если в 1990 г. доля отраслей сферы услуг в общем объеме инвестиций составляла 39%, то к 1998 г. она увеличилась до 54%, оставаясь в диапазоне 52-57% до 2019 г.

При этом необходимо отметить, что после трансформационного периода 1990-х гг. доля нематериального сектора в основных фондах значительно превышала его долю в инвестициях (Рисунок 3.4). С одной стороны, это означает, что более устойчивое финансовое положение позволяло предприятиям сферы услуг

реализовывать свои инвестиционные проекты с меньшей долей незавершенного строительства, чем это было возможно сделать в реальном секторе.

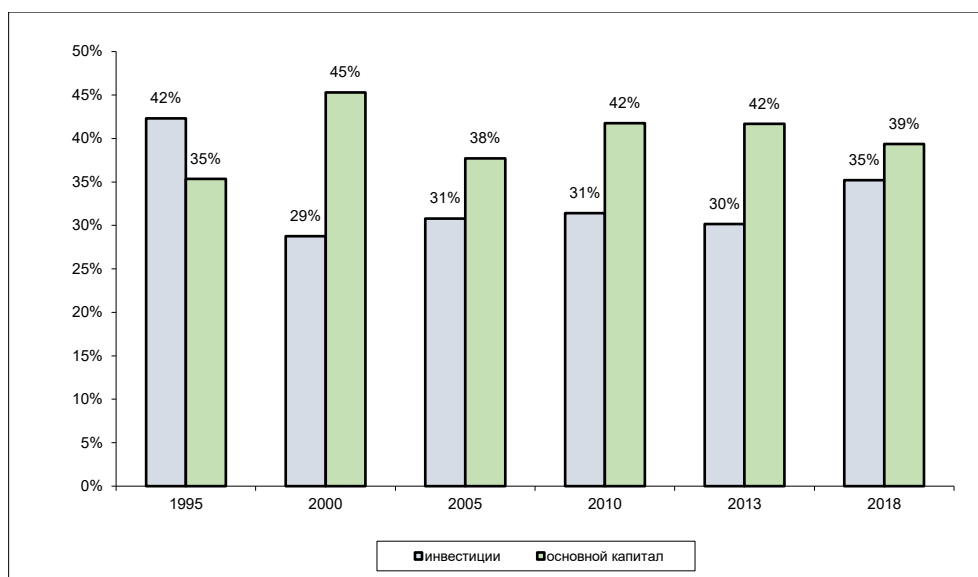

Рисунок 3.4 - Доля сферы услуг (без услуг транспорта) в основных фондах и инвестициях в основной капитал (в % к итогу, в основных ценах), в классификации ОКВЭД в фактических ценах

Источник: Росстат (Россия в цифрах [71-73]) и расчеты автора.

Кроме того, характер инвестиций в нематериальном секторе иной, чем в промышленности: объекты инвестирования обычно менее масштабные, соответственно, инвестиционный цикл и риски значительно меньше, что является немаловажным фактором в условиях инфляции, обесценивающей инвестиции в виде денежных средств, временно не вовлеченных в процесс создания материальных основных фондов.

Однако, с другой стороны, диспропорция в распределении инвестиций и основных фондов привела к росту степени износа последних в ряде непродуцированных видов деятельности. Так, в финансовом секторе износ основных фондов увеличился с 38% в 2004 г. до 41% в 2019 г., в транспорте – с 51% до 55,7%, в госуправлении – с 39% до 43,3%, в здравоохранении – с 45% до 52,7%, в образовании – с 37% до 47,8% соответственно. В результате, по состоянию на конец 2019 г. износ основных фондов более, чем в среднем по экономике, был зафиксирован в транспорте, в области информации и связи, в образовании и здравоохранении.

К факторам производства в данном исследовании целесообразно отнести также собственные финансовые ресурсы, как фактор, определяющий возможности, с одной стороны, по инвестированию и расширению основного капитала (с учетом того, что собственные источники финансирования достигают 57% от общего объема инвестиций в нефинансовые активы), а с другой, по привлечению трудовых ресурсов на дефицитном рынке труда. Более высокая финансовая устойчивость предприятий нематериальной сферы обеспечивалась за счет перераспределения национальной прибыли экономики в пользу сектора услуг. Если в 1991 г. доля сферы услуг в общей величине валовой прибыли и валового смешанного дохода экономики составляла 40%, то уже в 1995 г. она превышала 60%, а в 2002 г. достигла своего исторического максимума – 68%. Данные 2019 г. свидетельствуют о том, что эта доля понизилась на 14 п.п., тем не менее оставаясь достаточно высокой – 54%. При этом более 80% прибыли, полученной предприятиями сферы услуг, приходилось на предприятия пяти видов деятельности (в порядке убывания): «Операции с недвижимым имуществом», «Торговля», «Транспорт и связь», «Финансовая деятельность», «Государственное управление». «Аутсайдерами» оказались хозяйствующие субъекты, оказывающие услуги здравоохранения и образования. Это, впрочем, естественно, так как большинство предприятий этих видов деятельности не преследует цель максимизации прибыли, а функционирует на бюджетной основе для обеспечения прав граждан на бесплатное образование, медицинскую помощь и оказание общественных услуг.

На наш взгляд, столь кардинальное изменение структуры распределения национальной прибыли вызвано в первую очередь диспропорциями в динамике цен на товары и услуги в период трансформации российской экономики и закреплением данной ценовой несбалансированности в период экономического роста и стагнации.

3.3 Структура производства услуг в российской экономике

Многофункциональность и разноплановость оказываемых экономическим агентам услуг естественным образом порождает сложность структуры

нематериального производства. Эта структура не остается постоянной в период стабильной экономической ситуации. Тем более, кардинальные изменения структурных пропорций наблюдались в период становления нового народнохозяйственного уклада¹⁵. Анализ структурных изменений нематериального сектора в этой связи целесообразно разделить на три временных интервала:

- 1991-1998 гг. (начальная трансформация системы народного хозяйства от планового механизма к рыночному),
- 1999-2019 гг. (экономическое развитие с умеренными структурными изменениями).

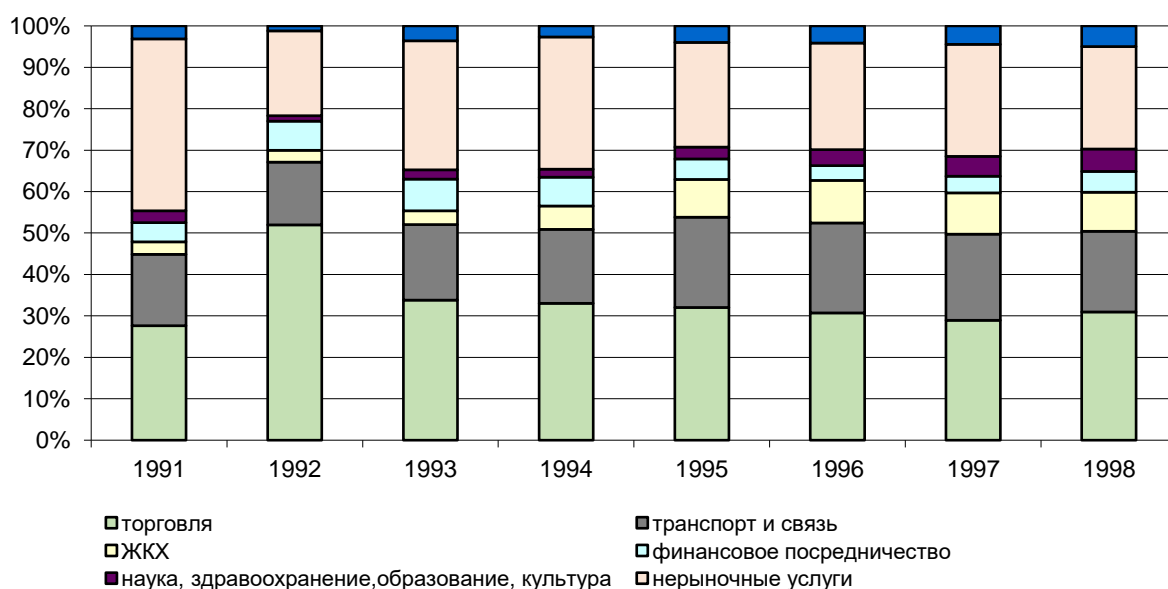

Рисунок 3.5 - Структура сферы услуг в фактических ценах (в % к итогу), классификация ОКОНХ

Источник: Росстат (Национальные счета [53-55]).

Особенностью трансформации структуры сферы услуг в 1991-1998¹⁶ гг. стало сокращение доли нерыночных услуг (в первую очередь науки и научного обслуживания, образования и здравоохранения), т.е. услуг, оказываемых преимущественно населению бесплатно или по экономически незначимым ценам (Рисунок 3.5). Эта тенденция была вызвана несколькими причинами: во-первых,

¹⁵ В материалах пункта 3.3 используются результаты, опубликованные автором в [70, 82, 83, 87, 91, 101].

¹⁶ Эта часть анализа проводится для статистических данных в классификации ОКОНХ, как более подробной и в большей мере отвечающей задачам исследования. Где это возможно, автор использует данные по показателям деятельности сферы услуг в классификации ОКВЭД.

перевод в ходе реформ многих видов услуг из разряда нерыночных в рыночные (что особенно явно проявилось в сфере ЖКХ и сфере среднеспециального и высшего образования, а также здравоохранении и культуре), и, во-вторых, более высокие, по определению, цены на рыночные услуги, что при прочих равных условиях должно было сократить долю нерыночных услуг в общем выпуске сферы услуг, измеряемом в текущих ценах.

Вторым отличительным аспектом трансформации сферы услуг в начальный период реформ стал акцент на формировании новой системы каналов перераспределения товаров. В этой связи, наиболее существенные сдвиги наблюдались в отрасли «Торговля». Если в 1990 г. выпуск этой отрасли составлял лишь около 17,5% от ВДС всех отраслей нематериального сектора, то в 1992 г. эта доля составляла уже более 56%. Это объясняется несколькими основными факторами. Во-первых, существовала необходимость расширения этой отрасли при переходе от плановой к рыночной экономике, когда предприятиям реального сектора необходимы были услуги торговых посредников для налаживания новых межпроизводственных связей. Во-вторых, обслуживание фактически «вновь открытой» внешней торговли (оборот которой за период с 1992 по 1995 г. увеличился на 47% в текущих долларовых ценах) создавало новые и удлиняло существовавшие ранее посреднические цепочки между контрагентами. С другой стороны, большая часть краткосрочных инвестиций (а в России подавляющее большинство инвестиций до 1998 г. – краткосрочные) направлялась именно в сферу торговли, так как здесь период окупаемости самый низкий, что привлекало инвесторов в условиях высокой инфляции. Таким образом, предприятия торговли имели возможность привлекать финансовые ресурсы для увеличения объема услуг с тем, чтобы обеспечивать растущий спрос со стороны экономики.

Однако, уже в 1995-1998 гг. доля торговли в общем объеме произведенного ВВП сократилась до 19,7-20,5% (против 29% в 1991 г.), что, на наш взгляд, отметило рубеж первоначального становления системы торговых посредников, обслуживающей движение товаров реального сектора внутри экономики и за ее пределы.

Несмотря на снижение промышленного производства, увеличилась доля транспорта в общей величине ВДС сферы услуг с 15,6% в 1990 г. до 19,3% в 1995 г. и 16,2% в 1998 г. (рецессия в транспортном комплексе шла медленнее, чем в целом по экономике), что в первую очередь диктовалось нуждами внешней торговли (особенно экспортом энергоресурсов).

Третьей тенденцией можно считать появление практически абсолютно новых видов экономической деятельности. Это, прежде всего, услуги финансового посредничества, которые сразу же заняли прочное место в новой структуре экономики (их доля в общем ВВП увеличилась с 0,8% в 1990 г. до 4,6% в 1995 г.)¹⁷. В 3 раза (с 0,6% в 1992 г. до 2% ВВП в 1998 г.) выросла доля услуг связи, что стало следствием увеличения доступности индивидуальной стационарной связи (число квартирных телефонных аппаратов увеличилось с 14,6 млн штук в 1990 г. до 18,7 млн штук в 1995 г., в то время как число общественных таксофонов сократилось на 18%).

Также увеличилась (с 1,2 до 5%) доля в общем объеме ВДС сферы услуг добавленной стоимости «некрупных новых» отраслей, таких, как информационно-вычислительное обслуживание, общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка, а также традиционных - геологии, шоссейного хозяйства, управления и деятельности организаций, обслуживающих сельское хозяйство (на рис.7 все выше перечисленные отрасли отнесены в группе «Прочие отрасли»).

В 1999-2019 гг. трансформация в структуре нематериального сектора была не столь масштабной (Таблица 3.6):

- доля торговли в ВДС сферы услуг стабилизировалась в начале 2000-х гг. на уровне 34-36%, снизившись в 2009-2019 гг., что было вызвано снижением доли оптовой торговли (с 29% в 2000 г. до 17,4% к ВДС в целом по сфере услуг в 2013г.

¹⁷ Применяемый до 2010-х гг. условный метод исчисления выпуска отрасли «Финансы, кредит, страхование», в котором не учитывается импорт этих услуг и их конечное потребление, занижает реальное значение выпуска этой отрасли (см. Приложение 1).

и 11-13% в 2017-2019 гг.), значимая часть которой нацелена на обслуживание внешней торговли;

- доля розничной торговли в ВДС сферы услуг оставалась стабильной на всем периоде (порядка 11-12%), несколько сократившись после 2010 г. (до 7-9%). Стабильность удельных объемов розничной торговли свидетельствует о том, что развитие этого сегмента сферы посредничества достигло своего рода насыщения и принципиальных изменений претерпевать не будет как минимум в среднесрочной перспективе;

- доля услуг транспорта, темпы развития которого соответствовали общеэкономическим темпам, также оставалась стабильной (на уровне 11-14% от общей величины ВДС услуг) с небольшой, но устойчивой коррекцией к уменьшению;

- до 2009 г. значительно увеличивалась доля услуг связи (с 2,7% в 2000 г. до 4,3% в 2009 г.), причем в этот период локомотивом роста стало развитие как сотовой связи и Интернета (число абонентов сотовой связи увеличилось за десятилетие в 73 раза из расчета на 1000 чел.), так и стационарной связи (здесь наблюдались гораздо более умеренные темпы роста стационарных телефонных аппаратов – на 37,5%). После 2009 г. доля услуг связи сократилась, что стало результатом первичного насыщения рынка мобильной связи и перехода на новые форматы обслуживания (передача данных через мобильный Интернет и т.д.);

- в 3,5 раза (до 8,8% в 2014 г.) увеличилась доля услуг финансового посредничества. Значимость сектора финансовых посредников увеличилась по мере наращивания его активов, что дало больше возможностей по кредитованию населения и бизнеса и получения соответствующего дохода от разницы между процентами по кредитам и депозитам. Решающую роль сыграла и государственная поддержка банковского сектора в 2008 и 2014 гг., которая позволила нарастить ВДС отрасли даже в условиях снижения ВВП;

- активизация жилищного строительства, расширение ипотечного рынка, вызванные как ростом доходов населения, так и активизацией внутренней миграции по направлению к центральным и южным районам, а также рост

стоимости содержания жилищного фонда привели к росту значимости услуг по операциям с недвижимым имуществом (до 17% в 2019 г.);

- в отечественной экономике в последнее два десятилетия, как и во всем мире, наблюдался бум развития информационно-вычислительного развития (его доля в ВДС нематериального сектора увеличилась в 13 раз в 2000-х гг. и в 3 раза в 2010-х гг.). Однако потенциал роста этой отрасли по-прежнему остается значительным в силу как вовлечения новых видов деятельности в сферу ее обслуживания, так и усложнения и удорожания оказываемых услуг;

- помимо услуг торгово-транспортного и финансового посредничества, усложнение и диверсификация производственных отношений требует также соответствующего развития других бизнес-услуг (бухгалтерского обслуживания, аудита, подбора персонала, менеджмента, маркетинга и т.д.). Доля их в 2000-2010-х гг. стабилизировалась на уровне 6-7% в ВДС нематериального сектора, что свидетельствует о значительном потенциале расширения сфер их использования и повышения уровня сложности самих услуг;

Таблица 3.6 - Структура ВДС сферы услуг в фактических ценах (% к итогу), классификация ОКВЭД

	2000	2005	2010	2015	2019
Сфера услуг, в том числе:	100	100	100	100	100
Торговля, гостиницы и рестораны	43,1	34,2	32,6	26,8	23,0
оптовая торговля	29,1	20,2	20,4	15,1	12,3
розничная торговля	13,9	11,9	10,3	8,7	7,7
Транспорт	13,6	13,5	11,4	10,7	11,4
Связь	2,7	4,5	3,5	2,0	1,6
Финансовая деятельность	2,5	6,6	7,2	5,7	7,2
Операции с недвижимым имуществом	5,9	7,0	9,0	16,2	16,2
Информационно-вычислительное обслуживание	0,1	0,7	1,1	1,5	2,2
Научные исследования	1,7	2,1	2,5	2,4	2,4
Прочие бизнес-услуги	7,4	6,1	6,4	9,0	9,2
Государственное управление	8,5	9,1	9,9	12,3	12,1
Образование	4,1	4,7	5,0	5,0	5,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,1	5,4	6,0	5,1	5,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,8	3,1	2,8	3,3	3,5

Источник: Росстат (Национальные счета [55]) и расчеты автора.

- 12% ВДС сферы услуг было создано в 2019 г. в сфере государственного управления (против 8,5% в 2000 г.), что стало отражением роста расходов на оборону и усиления роли государства в экономике, приведшем и к увеличению расходов на покрытия затрат его функционирования;

- незначительно (на 0,4-0,6 п.п.) увеличилась доля сферы образования, что, на наш взгляд, стало результатом продолжившейся коммерциализации высшего и среднеспециального образования. Так, за период 2000-2022 гг. численность студентов среднеспециального образования, обучающихся на платной основе, выросла с 719 тыс. чел. до 1056 тыс. чел., студентов высших учебных заведений – с 1470 тыс. чел. до 1819 тыс. чел. соответственно [56, 68, 69]. В целом же, значимость этого сектора (по доле в ВДС) по-прежнему отстает от уровня 1990 г. практически в 3 раза;

- та же ситуация наблюдалась и в сфере здравоохранения, однако здесь отставание от позднесоветского уровня значительно меньше (доля здравоохранения и социальных услуг в общей величине ВДС нематериального сектора в 2019 г. составила 5,7%, пройдя минимальный показатель в 2000 г. – 4,1%, значение соответствующего показателя в 1990 г. – 7,9%) в силу тенденции к старению населения.

Для разных типов услуг наблюдался существенно разный уровень роста цен, который был связан, в первую очередь, с ростом издержек на заработную плату при росте численности занятости, а также частично с переходом многих услуг из разряда нерыночных в разряд услуг, оказываемых по экономически значимым ценам. В связи с этим настоятельно представляется анализ структурных изменений нематериального сектора в части соотношения нерыночных и рыночных услуг в сопоставимых ценах¹⁸.

¹⁸ В связи с отсутствием в классификации ОКВЭД разделения услуг населению на рыночные и нерыночные, данная часть анализа проводилась для данных в классификации ОКОНХ, доступных по 2003 г.

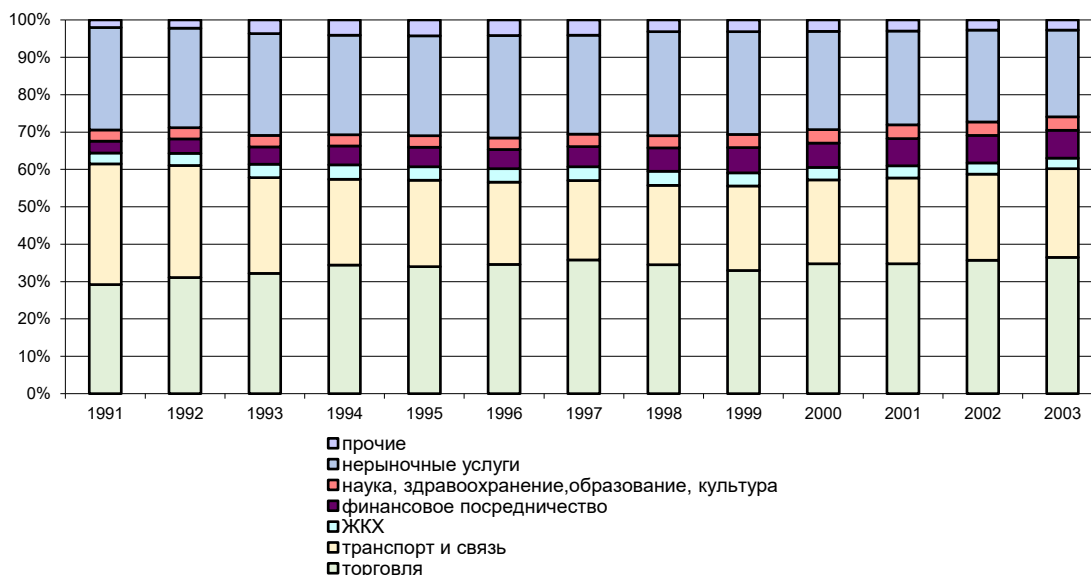

Рисунок 3.6 - Структура ВДС сферы услуг в сопоставимых ценах (цены 1995 г, в % к итогу), классификация ОКОНХ

Источник: Росстат (Национальные счета [53-55]) и расчеты автора.

Несмотря на достаточно распространенную точку зрения о том, что в годы реформ доля услуг, оказываемых населению по нерыночным ценам и финансируемых из государственного бюджета, по сравнению с платными услугами сильно сократилась, изменения структуры услуг в постоянных ценах демонстрировала менее негативную тенденцию (Рисунок 3.6). Хотя объем нерыночных услуг снизился к 1995 г. на 25% относительно уровня 1991 г., на всем периоде 1991-1999 гг. доля физического объема нерыночных услуг в общем объеме ВДС сферы услуг не опускалась ниже отметки 23%. Если бы мы рассматривали эту динамику в ценах 1990 г., то эта величина была бы даже больше (порядка 40%). Этот факт объясняется тем, что уровень благосостояния российских граждан не позволял существенно снизить уровень услуг, оказываемых по нерыночным ценам (а точнее, увеличить объем платных услуг). И только начиная с 2000 г., когда начался рост реальных доходов населения, стало возможным и увеличение потребления платных услуг. В итоге к 2003 году физический объем нерыночных услуг составил 82% от уровня 1991 г.

Анализ динамики показателей нерыночных услуг после перехода статистического наблюдения на ОКВЭД с некоторыми оговорками¹⁹ можно провести на основе данных институциональных счетов, относящихся к сектору «Государственное управление» (Таблица 3.7) [80, 91].

Таблица 3.7 - Показатели нерыночного сегмента сферы услуг в 2004-2019 гг. (в текущих ценах, классификация ОКВЭД)

	2004	2007	2009	2011	2015	2019
Нерыночные услуги, доля в ВВП, %, в том числе:	9,4	9,2	11,7	11,8	13,2	13,8
госуправление	4,7	4,4	5,7	6,0	6,9	6,7
образование	1,9	1,9	2,4	2,1	2,5	2,6
здравоохранение	2,1	2,3	2,8	2,5	2,4	2,5
прочие персональные услуги	0,2	0,2	0,3	0,5	0,5	0,5
прочие услуги	0,5	0,4	0,4	0,7	0,9	1,4
ВДС нерыночного сектора в ВДС отрасли, % к итогу:						
образование	80	80	82	78	90	86
здравоохранение	75	80	81	90	83	82

Источник: Росстат (Институциональные счета [77]) и расчеты автора.

Долговременной тенденцией во второй половине 2000-х гг. и 2010-х гг. стал рост доли нерыночных услуг в производстве ВВП, которая после прохождения минимальных значений в середине 2000-х гг. вернулась к уровню 1990 г. в 2015-2019 гг. Такая трансформация объяснялась рядом факторов. С одной стороны, индексация заработной платы работников бюджетной сферы ускоренными темпами после «майских» указов президента в 2012 г. привела к росту затрат за оплату труда, что повышает ВДС нерыночных услуг при прочих равных, так как ВДС в этом секторе считается по затратам. С другой стороны, высокая дифференциация населения по уровню доходов вкупе со снижением реальных доходов после 2013 г. не позволила существенно расширить рынок платных услуг [101]: доля платных услуг в сфере образования сократилась с 20% в 2000-х гг. до 10-14% во второй половине 2010-х гг. (несмотря на рост количества учреждений платного среднего и высшего образования), аналогичный показатель в здравоохранении снизился с 20-25% до 17-18% соответственно.

¹⁹ До 2010 г. внебюджетная деятельность государственных учреждений по оказанию услуг не относилась к рыночной деятельности. Кроме того, с 2011 г. показатели СНС были пересчитаны с учетом новой методологии ОКВЭД2, которая затронула в первую очередь показатели нематериального сектора. В связи с этим, для обеспечения сопоставимости данных в работе рассматриваются два периода: 2004-2009 гг. и 2011-2019 гг.

При этом, бюджетные организации показывают вполне удовлетворительную эффективность, сравнимую или превышающую эффективность коммерческих организация²⁰. Так, в сфере здравоохранения доля промежуточного потребления в выпуске бюджетных медицинских учреждений составляет 34% против 48% в коммерческих, в образовании аналогичные показатели составляют 19% и 39% (Таблица 3.8). То есть, в госсекторе для выпуска на 1 рубль понадобится в 1,5-2 раза меньше промежуточных расходов. Основная часть расходов бюджетных организаций связана с оплатой труда: на нее приходится 75% от стоимостного объема выпуска в образовании и 65% от выпуска в здравоохранении. При этом средний уровень расходов на одного занятого в бюджетных образовательных учреждениях вдвое ниже, чем в коммерческом сегменте, тогда как в здравоохранении ситуация противоположная – на оплату труда одного работника бюджетной организации тратится на 70% больше, чем в небюджетных поликлиниках и больницах.

Таблица 3.8 - Показатели формирования и использования валовой добавленной стоимости в сфере образования и здравоохранения в 2015 г.

Основные соотношения	Образование		Здравоохранение	
	Бюджетные организации (только коммерческая деятельность)	Коммерческие организации	Бюджетные организации (только коммерческая деятельность)	Коммерческие организации
Промежуточное потребление к валовому выпуску	0,19	0,39	0,34	0,48
Оплата труда к выпуску	0,76	0,44	0,64	0,37
Валовая прибыль к выпуску	0,03	0,17	0,01	0,15
Валовая прибыль к промежуточному потреблению	0,15	0,45	0,04	0,32
Затраты на оплату труда в расчете на одного занятого, руб./мес.	26700	59100	51700	30000

Источник: Росстат (Институциональные счета [53]) и расчеты автора.

Таким образом, при оказании услуг на внебюджетной основе (то есть по рыночным ценам на платной основе) и образовательные, и медицинские бюджетные организации имели возможность выигрывать ценовую конкуренцию у

²⁰ В данном разделе показатели формирования и использования ВДС в бюджетных организациях приводятся только для их коммерческой деятельности для сопоставимости с показателями коммерческих организаций. Разделение показателей ВДС на коммерческую и бюджетную деятельность доступны в институциональных счетах Росстата для сектора «Государственное управление» [77].

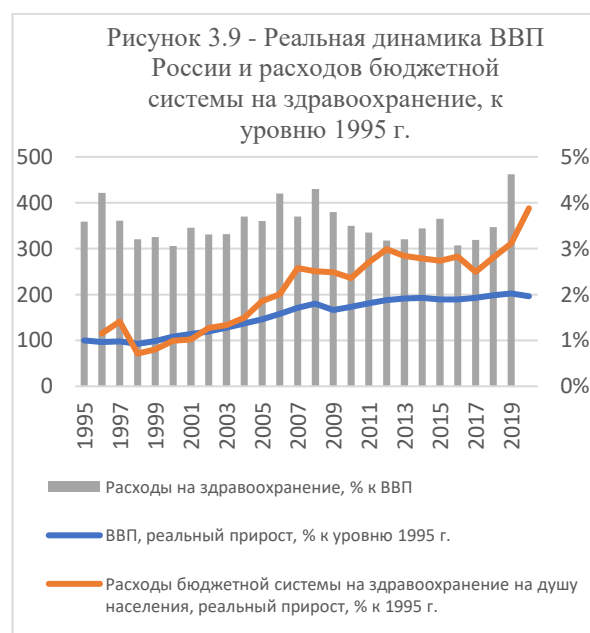
коммерческих предприятий за счет низкого уровня промежуточных затрат, а в случае с образовательными услугами дополнительным преимуществом является меньшие удельные расходы на оплату труда. Более того, если принять гипотезу о том, что при оказании рыночных услуг государственные предприятия смогут повысить удельный вес прибыли до среднего по отрасли уровня (при оказании нерыночных услуг прибыль является минимальной), тогда рентабельность их деятельности будет сопоставима с рентабельностью коммерческих организаций. Это обстоятельство может помочь в привлечении заемных средств для финансирования расширения внебюджетной деятельности [101].

Тем не менее, с точки зрения формирования источников финансирования сферы услуг по развитию человеческого капитала (здравоохранение, образование, культура, спорт) внебюджетная деятельность может играть только вспомогательную роль, тогда как государственное финансирование имело и будет иметь приоритетный характер. Так, в здравоохранении объем государственного финансирования по крайней мере вдвое превышает объем частных расходов (включая расходы на лекарственное обеспечение, Рисунок 3.7) [87].

Рисунок 3.7 - Государственные и частные расходы на здравоохранение в России, % к ВВП
 Источник: Федеральное казначейство России, Росстат и расчеты автора.

Объемы государственного финансирования здравоохранения определялись несколькими факторами. Максимальная реальная динамика расходов бюджетной системы (+16% в среднем за год) была зафиксирована в 1999-2007 гг., когда высокие темпы прироста ВВП и благоприятные внешнеэкономические условия обеспечивали высокие темпы прироста доходной части бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов (Рисунок 3.8). Это позволило расширить объем финансирования системы здравоохранения с 3,2% к ВВП в 1999 г. до 4,2% в 2007г. (Рисунок 3.9). После этого периода значимая динамика расходов на медицину была обеспечена только в период реализации специальных государственных программ в сфере здравоохранения (2011-2012 гг. и 2018-2019 гг.), тогда как в период 2008-2010 гг. и 2013-2015 гг. реальный темпы прироста финансирования были отрицательными, что определялось снижением доходов бюджетной системы в период кризисов 2008 г. и 2014 г. Таким образом, государственное финансирование медицины осуществлялось не столько исходя из потребностей населения в получении соответствующих услуг, а преимущественно определялось имеющимся в наличии ресурсами бюджетной системы. В результате, бюджетные расходы на здравоохранение в течение 10 лет (2011-2020 гг.) стагнировали на уровне 3,2-3,5% к ВВП.

Источник: Федеральное казначейство России, Росстат и расчеты автора.

Тем не менее, за период с 1995 г. по 2019 г. удалось в 3,1 раза (в реальном выражении) увеличить подушевые объемы государственного финансирования здравоохранения (в 2 раза – за период 2001-2006 гг.) при росте ВВП за тот же период в 2 раза. При этом фактор снижения численности населения обеспечил не более 10 п.п. из общего на всем периоде прироста подушевого финансирования.

Государственная система финансирования медицины неоднократно изменялась, окончательно ее современные контуры были оформлены в 2012-2017 гг. С 2012 г. все страховые взносы на обязательное медицинское страхование (по ставке 5,1% от ФОТ) зачисляются в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС), за работающее население взносы вносит работодатель, за неработающее – бюджет того региона, где зарегистрирован неработающий гражданин. В дальнейшем эти средства перераспределяются между территориальными фондами (ТФОМС), доходы которых на 90% формируются именно за счет трансфертов из ФФОМС. Еще порядка 8-10% доходов ТФОМС обеспечиваются за счет трансфертов из региональных бюджетов (сюда не входит оплата страховых взносов за неработающее население). Суммарные расходы ТФОМС формируют внебюджетную часть государственного финансирования здравоохранения в рамках ОМС. Бюджетная часть обеспечивается расходами федерального бюджета и бюджетов субъектов федерации (в качестве примера на Рисунке 3.10 приведена схема государственного финансирования в 2019 г.). В 2017 г. были проведены последние значительные изменения, касающиеся частичного перераспределения полномочий по финансированию здравоохранения от региональных бюджетов в пользу федерального бюджета и ФФОМС.

В результате, после 2017 г. через внебюджетные фонды осуществлялось порядка 50-55% всего государственного финансирования здравоохранения, хотя ранее бюджетное финансирование превалировало (его доля составляла 71% в среднем за период 1995-2016 гг. с максимальным значением 86% в 2012 г., Рисунок 3.11) [87].

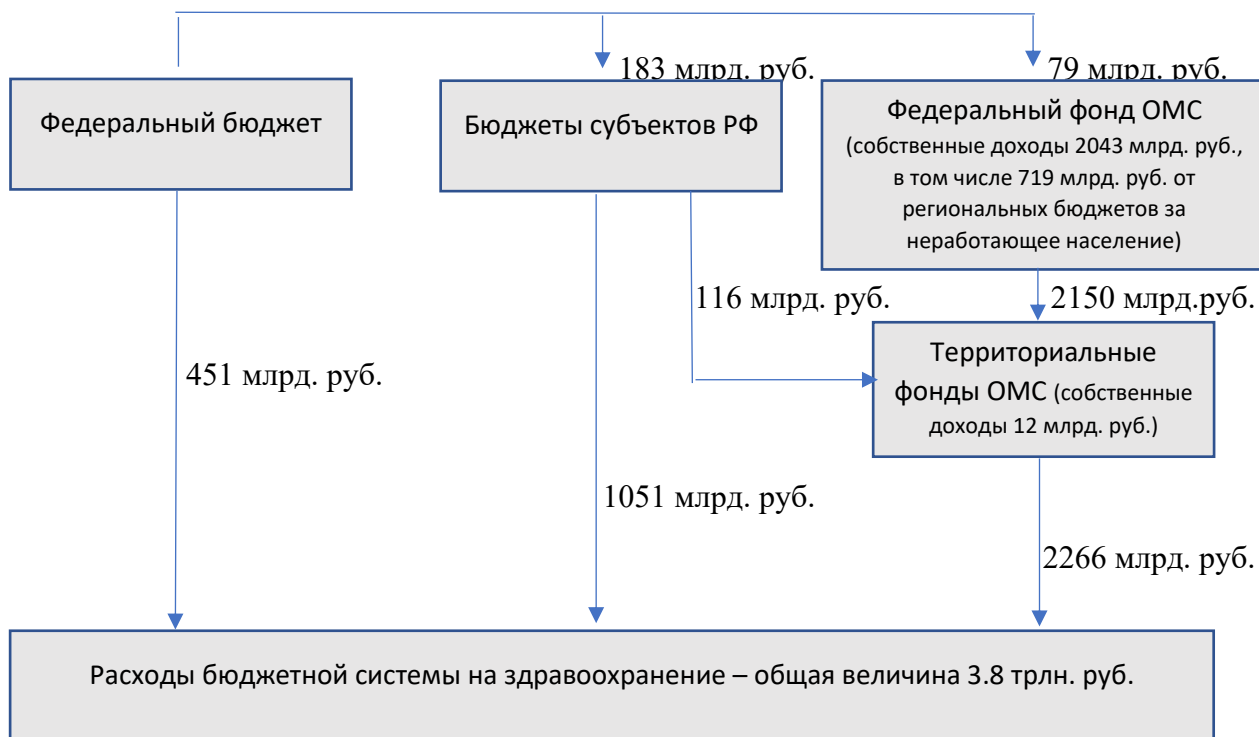

Рисунок 3.10 - Формирование источников государственного финансирования системы здравоохранения по уровням бюджетной системы в 2019 г.

Источник: Федеральное казначейство России.

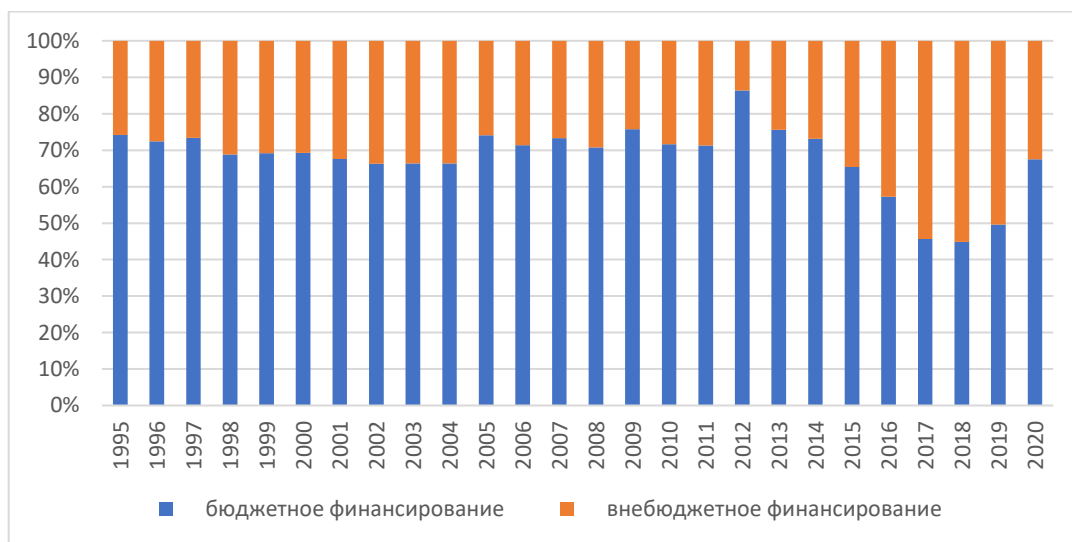

Рисунок 3.11 - Структура государственного финансирования здравоохранения, % к итогу

Источник: Федеральное казначейство России.

В целом, возможности финансирования на разных уровнях бюджетной системы определяются не только общей экономической ситуацией, которая определяет динамику формирования доходной базы бюджетов, но и структурой

налоговой системы страны. Так, доходы ФФОМС (а следовательно, и ТФОМС) практически полностью определяются поступлениями страховых взносов, завися, в конечном итоге, только от темпов прироста фонда оплаты труда при условии стабильности ставок страховых взносов. Доходы региональных бюджетов формируются по более широкому спектру налоговых поступлений (преимущественно через налоги на производство), однако и здесь существуют значимые ограничения, связанные с тем, что во многих регионах объем внутреннего производства значительно уступает региональному объему потребления [81]. Наиболее значимые возможности по наращиванию доходов приходится на федеральный бюджет, где аккумулируются налоги на внешнюю торговлю, добычу товаров ТЭК, налоги на продукты (НДС и частично акцизы).

Таким образом, в первую очередь на федеральном уровне образуются дополнительные доходы при благоприятной внешней конъюнктуре или активизации внутреннего спроса, а в периоды снижения внешнего и внутреннего спроса существуют значимые резервы и возможности по наращиванию федерального долга, величина которого на конец 2023 г. составила 13% к годовому объему ВВП.

Однако в структуре расходов федерального бюджета доля расходов на здравоохранение не превышала 4-5%, при этом некоторое увеличение этой доли в 2000-х гг. (с 1-2% в 1995-2004 гг.) было обусловлено преимущественно сокращением доли процентных расходов, тогда как динамика непосредственно расходов на здравоохранение превышала темпы роста соответствующих расходов на других уровнях бюджетной сферы только в 2005, 2006 и 2008 гг.

При этом опыт 2020 г., когда потребовалось кардинальное расширение финансирования медицины в условиях пандемии, показал, что только на федеральном уровне есть объективные возможности расширения государственного финансирования: расходы федерального бюджета на здравоохранение выросли на 87% год к году, расходы региональных бюджетов – на 72% (этот рост также был профинансирован через трансферты из федерального бюджета), тогда как расходы

внебюджетных фондов были увеличены только на 8% в номинальном выражении [87].

В сфере образования объем государственного финансирования также кратно превышает частные расходы населения (Рисунок 3.12).

Источник: Федеральное казначейство России, Росстат и расчеты автора.

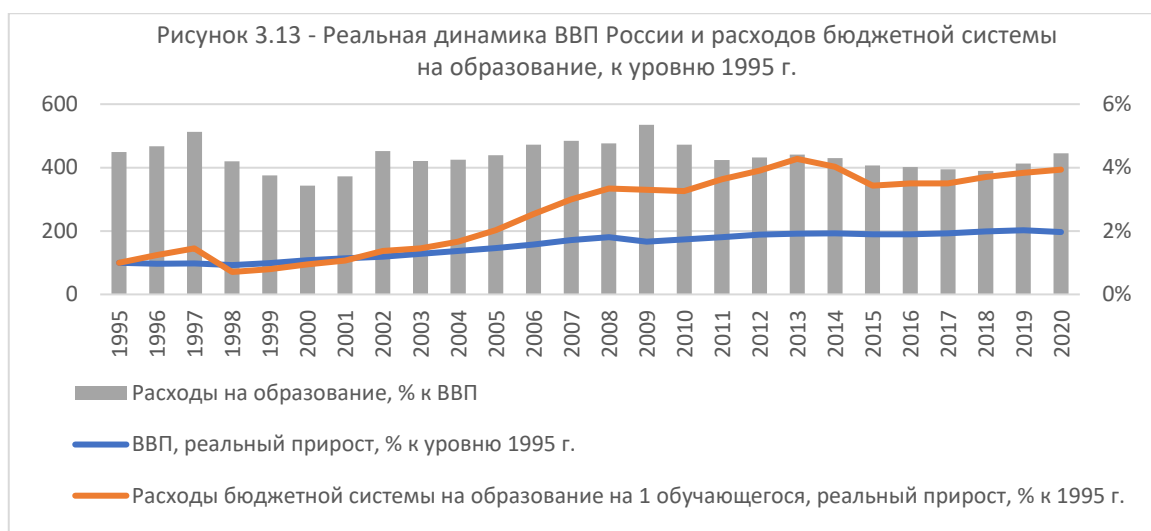
При этом объем государственного финансирования был довольно волатилен в 1990-2000-х гг. и определялся, в первую очередь, динамикой бюджетных доходов на региональном уровне²¹, то есть можно говорить о некотором «остаточном» принципе финансирования образования. Так, наименьший уровень государственных расходов был зафиксирован в 1999-2001 гг. после сокращения соответствующей статьи бюджетных затрат вдвое в реальном выражении в 1998 г. В 2010-х гг. государственные расходы на образование были более стабильными (на уровне 4-4,5% к ВВП) с тенденцией к некоторому снижению на фоне уменьшения числа обучающихся (с 27,5 млн. чел. в 2010 г. по всем уровням образования до 26,9 млн. чел. в 2017 г.).

Одновременно на всем анализируемом периоде расходы населения на платные образовательные услуги демонстрировали относительную стабильность: их объем

²¹ Бюджетное финансирование образования осуществляется преимущественно на уровне регионов: их доля в общей величине государственных затрат составляла в среднем 80%.

не снижался ниже 0,4-0,5% к ВВП даже в период сокращения реальных доходов населения. При этом в период активного экономического роста и повышения уровня благосостояния (2002-2008 гг.) уровень затрат населения на образование значительно увеличился (до 0,7-0,9% к ВВП), однако в дальнейшем этот тренд не удалось сохранить в силу длительного периода снижения реальных доходов населения после 2014 г.

Долговременной трендом с середины 1995 г. стало сокращение числа обучающихся, в том числе в бюджетных образовательных учреждениях: если в 1995 г. численность учащихся по всем уровням образования (дошкольное, среднее, среднеспециальное, высшее) достигало 33,8 млн чел., то к 2020 г. она снизилась до 28,2 млн чел. (-17% за период). С одной стороны, это стало следствием демографических изменений, а именно снижением уровня рождаемости и сокращения численности населения в возрасте до 18 лет. С другой стороны, до сих пор не принята массовый характер концепция смены профессионального трека или повышения квалификации, которая могла бы повысить численность обучающихся за счет населения среднего и старшего возраста. Все это привело к тому, что несмотря на некоторое снижение объемов финансирования расходов на образование (как частных, так и государственных) в реальном выражении расходы на 1 обучающегося выросли за период с 1995 г. в 4 раза (Рисунок 3.13). Однако существующего уровня расходов на образование будет недостаточно в случае, если потребуется достаточно массовая кампания по переобучению и повышению квалификации работающего населения, что может потребовать новаций в механизмах государственного финансирования этого сектора.

Источник: Федеральное казначейство России, Росстат и расчеты автора.

По нашим оценкам, в долгосрочной перспективе (до 2035 г.) без существенной активизации экономического роста бюджетная система, с большой долей вероятности, не сможет преодолеть «ловушку» низких темпов прироста доходов: их среднегодовая номинальная динамика не превысит +5,5% в год, при этом нефтегазовые доходы будут расти темпами в диапазоне до 3% в год (Рисунок 3.14).

При условии сохранения достаточно жесткой бюджетной политики (а именно удержание бюджетного дефицита в рамках до 0,2% к ВВП в год) финансирование расходов при такой динамике доходов может быть увеличено лишь на 4-6% в год в номинальном выражении, то есть не более чем на 1% в реальном выражении ежегодно.

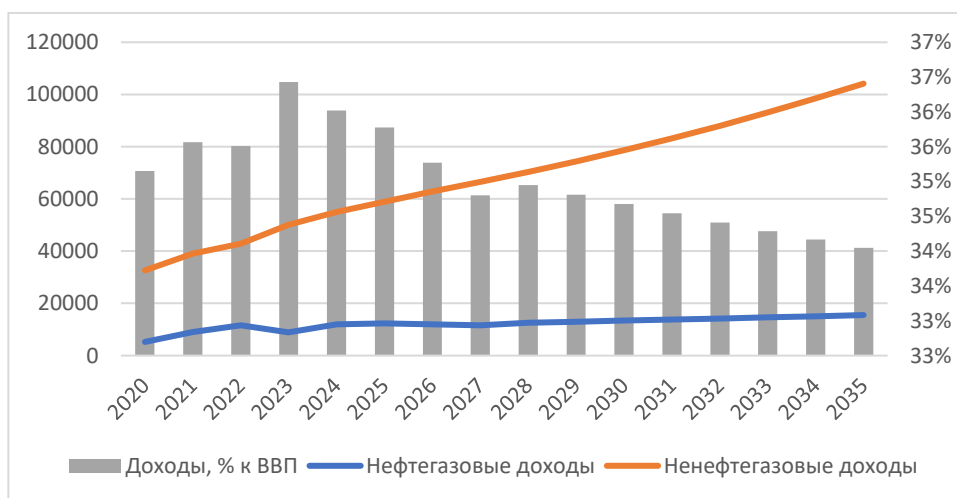

Рисунок 3.14 - Основные параметры доходов бюджетной системы в 2020-2035 гг.

Источник: Федеральное казначейство России.

Такая динамика расходов позволит удерживать их уровень на отметке 34-35% к ВВП. При этом, некоторое снижение численности пенсионеров в рамках реформы повышения пенсионного возраста (с 41,7 млн чел. в 2023 г. до 39,3 млн чел. в 2030 г.) дает правительству маневр в перестройке структуры расходов: доля расходов на пенсионное обеспечение снизится с 28% в 2023 г. до 23% в 2032-2035 гг., что позволит повысить долю расходов на государственное потребление (в первую очередь, услуг для повышения качества человеческого капитала). Однако, такое повышение в терминах реальной динамики будет означать лишь возможность по поддержанию сложившегося статус-кво: в % к ВВП расходы такого рода увеличатся лишь с 15,5% до 16,6% [70].

Таким образом, актуальный запрос на наращивание государственного финансирования услуг по повышению качества человеческого капитала требует перестройки существующей налогово-бюджетной системы РФ. В первую очередь, она должна:

- повысить устойчивость формирования доходной базы региональных бюджетов и внебюджетных фондов;
- изменить систему межбюджетных трансфертов так, чтобы повысить участие федерального бюджета как в бюджетном, так и во внебюджетном (через систему ОМС) финансировании здравоохранения и образования.

3.4 Структура спроса на услуги в российской экономике

Роль нематериального сектора в воспроизводственном процессе в российской экономике выражалась двояко. С одной стороны, рост цен на услуги опережал динамику цен на товары реального сектора, что позволяло наращивать финансовую состоятельность предприятий сферы услуг фактически за счет сокращения прибыльности предприятий материальной сферы. С другой стороны, безотносительно к соотношению цен в материальном и нематериальном секторе, объем услуг по обеспечению товарооборота (торговое посредничество, транспорт,

финансовые услуги и т.д.) в трансформационный период 1990-х гг. являлся, на наш взгляд, завышенным относительно объемов производства²².

Данная часть работы включает анализ двух аспектов: формирование структуры спроса на услуги (промежуточное потребление, потребление населения, государственное потребление, накопление основного капитала и чистый экспорт); а также значимость расходов на услуги в структуре затрат реального сектора и сферы услуг. Такой анализ необходимо проводить на основе данных таблиц использования товаров и услуг, так как именно они содержат полную информацию о межотраслевых потоках, формировании выпуска и спроса, структуре издержек и создания добавленной стоимости. При этом структурные характеристики отечественной экономики претерпевали существенные изменения, начиная с начала 1990-х гг., что предъявляет достаточно строгие требования к информационной базе исследования: она должна быть доступна на периоде с 1991 г. включительно, в сопоставимой отраслевой классификации. Однако, таблицы использования товаров и услуг, публикуемые Росстатом, таким требованиям не удовлетворяют, прежде всего, в силу изменения как отраслевой классификации, так и методологии расчета показателей (в частности, до 2000 г. доля услуг финансового посредничества в структуре затрат отражалась некорректно с учетом досчетов «косвенно измеряемых услуг финансового посредничества»). В этой связи в данном исследовании были использованы расчетные межотраслевые балансы, разработанные в ИНП РАН Узяковым М.Н., которые как раз соответствуют требованию наличия длинных временных рядов и сопоставимости данных как с точки зрения классификации видов деятельности, так и сточки зрения единообразия методологии оценки количественных показателей выпуска, спроса и затрат [102, 103].

Согласно данным расчетных межотраслевых балансов в ценах покупателей в период 1990-2000 гг. доля услуг в структуре затрат отраслей реального сектора выросла всего на 3 п.п.: с 18% до 21%. Однако представляется, что в целях данного

²² В материалах пункта 3.4 используются результаты, опубликованные автором в [79, 82, 83, 84].

исследования необходимо анализировать структуру затрат в основных ценах, что позволит выделить расходы на транспортную и торговую наценки как элемент расходов на услуги. Действительно, изменения структуры затрат в основных ценах были более значимыми: доля услуг увеличилась за тот же период с 27% до 33% в общем объеме затрат реального сектора. В 2000-2010-х гг. структура затрат была более стабильной: доля расходов на услуги увеличились к 2017 г. до 35% (Таблица 3.9).

Таблица 3.9 - Доля услуг в структуре промежуточного и конечного потребления в 2017 г. (% к общей величине потребления)

	Промежуточное потребление		Внутреннее конечное потребление		
	Реальный сектор	Сфера услуг	ПДХ	ГП	Валовое накопление
Торговля, гостиницы и рестораны	11	12	16	0,002	9
Транспорт и связь	11	15	20	2	8
Финансы и страхование	5	7	0,4	0,2	0
Научное обслуживание	0,1	0,2	0	12	5
Информационное обслуживание	0,7	0,7	0,2	0	3
Прочие бизнес-услуги	4	16	10	3	16
Услуги госуправления	2	4	2	36	0
Персональные услуги	0,1	0,3	4	43	0
Всего потребление услуг	35	62	56	96	41

Источник: расчеты автора.

Наибольшие изменения наблюдались для услуг торгового посредничества и транспорта: с 1990 г. по 2000 г. увеличилась доля услуг торговли в структуре затрат на промежуточное потребление в добывающей промышленности – с 4 до 9%, в обрабатывающем секторе – с 7 до 14%; доля услуг транспорта выросла с 5% до 13% в обработке, оставаясь стабильной в добывающем сегменте. Суммарно расходы на торгово-транспортное посредничество в добывающей промышленности увеличились за указанное десятилетие с 16% до 22% от общей величины затрат на промежуточное потребление, в обрабатывающем сегменте – с 12% до 27%.

В обрабатывающих отраслях промышленности в 1990 году промежуточное потребление услуг торгового посредничества не превышало 11% в основных ценах и 7% в ценах покупателей, так как распределение производственных ресурсов и продукции производилось по фиксированным ценам и не требовало от предприятий значимых затрат на услуги торговых посредников, которые

выполняли бы функции по подбору партнеров и поставщиков, проверяли их надежность, организовывали составление контрактов и т.д.

К 1995 г. доля затрат на услуги торговли в структуре промежуточного потребления обрабатывающего сектора увеличилась до 14% в основных ценах и до 9% в ценах покупателей. Этот скачок был обусловлен, прежде всего, двумя причинами. Во-первых, в силу становления новых производственно-технологических и хозяйственных связей, за которые пришлось «платить» отраслям реального сектора – потребителям новых «торговых связей». Во-вторых, высоким уровнем инфляции, который приносил дополнительную прибыль торговым посредникам в виде дополнительной (холдинговой) прибыли и создавал дополнительную нагрузку отраслям реального сектора через опережающий темп роста затрат на услуги торгового посредничества.

К концу 2010-х гг. в добывающих видах деятельности долю затрат на торговлю и транспорт удалось снизить (до 17% от общих затрат на промежуточное потребление), нарастив одновременно долю затрат на бизнес-услуги²³ (с 4% до 10%) и услуги финансового и страхового обеспечения (с 1% до 5%). Такое изменение структуры расходов на услуги свидетельствует об определенной позитивной трансформации производственных процессов в добывающем сегменте через снижение транзакционных издержек (в первую очередь, на торговое посредничество) при расширении спроса на более «сложные» услуги (в том числе, получаемые через аутсорсинг).

В обрабатывающих отраслях, наоборот, структура производственных затрат на услуги практически не изменилась за последние 20 лет. Доля затрат на услуги торговли (включая торговую наценку) колебалась в диапазоне 12-14%, доля услуг транспорта (с учетом транспортной наценки) – 11-13%. При этом доля бизнес-услуг увеличилась лишь с 2% до 4%, а для финансового посредничества – с 1% до 4% за

²³ В той классификации видов деятельности, которых используется в расчетных МОБах Узякова М.Н., к бизнес-услугам мы относим: операции с недвижимым имуществом, сдача в наем машин и оборудования, компьютерные и сопутствующие услуги, научные исследования и разработки, другие предпринимательские услуги.

счет расширения банковского кредитования и, соответственно, повышения расходов на его обслуживание.

Что касается самой сферы услуг, то для видов деятельности, входящих в нее, доля услуг в структуре затрат увеличилась с 45% в 1990 г. до 57% в 2000 г. и 62% в 2017 г. (Таблица 3.9). При этом изменения структуры происходили за счет разных услуг (Рисунок 3.15). Если в 1990-е гг. в большей степени росла доля торговли и транспорта в общей величине промежуточного потребления (с 28% в 1990 г. до 35% в 2000 г.), то в 2000-2010-х гг. она снизилась (до 27%) при одновременном росте доли затрат на услуги финансового посредничества (с 2% до 7%) и бизнес-услуги (с 8% до 17%).

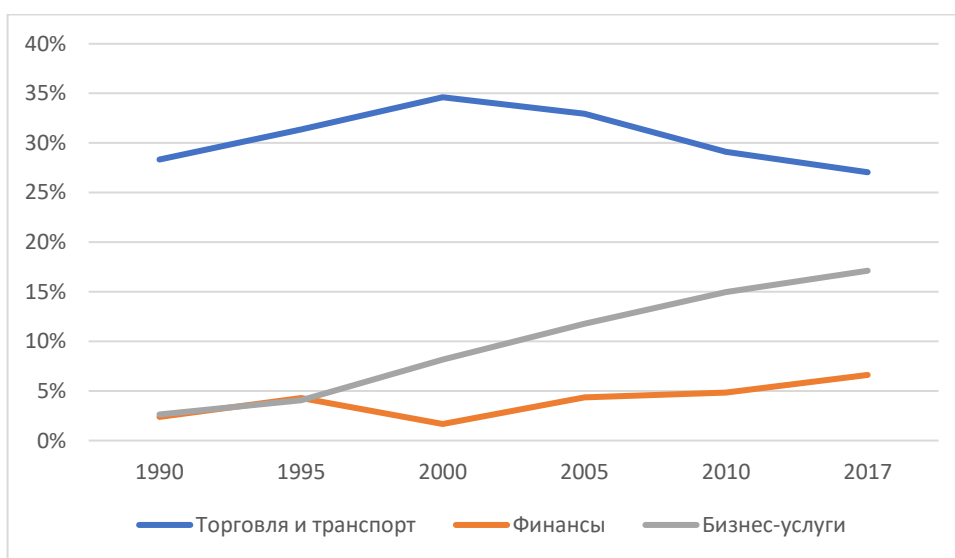

Рисунок 3.15 - Доля услуг в общей величине затрат на промежуточное потребление сферы услуг, % к итогу

Источник: расчеты автора.

Такое изменение структуры затрат нематериального сектора свидетельствует о двухэтапном его развитии: 1 этап – становление системы торговых и транспортных посредников в 1990-е гг.; 2 этап – диверсификация и усложнение оказываемых услуг с распространением аутсорсинга непрофильной деятельности в 2000-2010-е гг.

Характерные особенности имела и динамика внутриотраслевого оборота услуг (Рисунок 3.16). В торговле доля затрат на торговые услуги в общей величине промежуточного потребления колебалась в диапазоне 14-22%, при этом после 2000

г. она зафиксировалась на уровне 18-20%. Для сектора финансового посредничества после 1995 г. был зафиксирован значимый рост доли затрат на финансовые услуги (с 1% до 7%), что было связано с расширением межбанковского кредитования и в целом усложнения структуры финансового рынка. В секторе бизнес-услуг доля затрат на внутриотраслевой оборот также существенно увеличилась: с 4% до 20%.

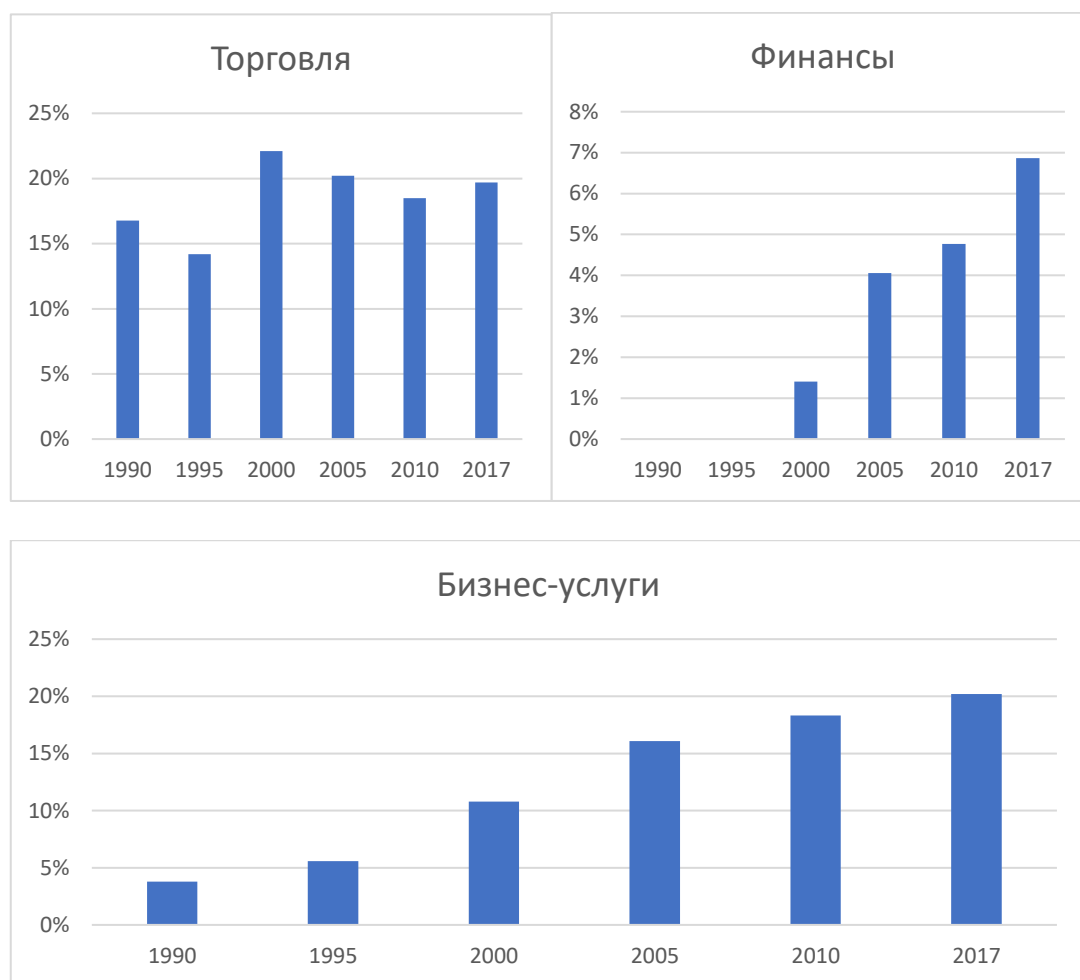

Рисунок 3.16 - Доля внутриотраслевого оборота в общей величине затрат на промежуточное потребление, % к итогу

Источник: расчеты автора.

Такие изменения структуры затрат видов деятельности нематериального сектора, с одной стороны, свидетельствует о развитии этого сектора с соответствующим расширением перечня оказываемых услуг (когда «новые» бизнес-услуги вытесняют «традиционные» торговлю и транспорт), удлинении цепочек создания добавленной стоимости в этом сегменте. С другой стороны,

расширение внутреннего спроса на услуги во многом производится самой же сферой услуг, создавая, казалось бы, практически неограниченный потенциал для роста выпуска в нематериальном секторе. Однако, нужно отметить, что такая ситуация была характерна только для ограниченного перечня услуг (финансы, операции с недвижимым имуществом, другие предпринимательские услуги), тогда как наиболее масштабные виды деятельности (как по размеру ВДС, так и по уровню вовлеченных факторов производства) – торговля и транспорт – прошли фазу опережающего роста еще в начале 2000-х гг.

При оценке роли и места отраслей сферы услуг в процессе трансформации отечественной экономики в 1990-2010-х гг. возникает закономерный вопрос о мере адекватности этих процессов реальным потребностям национального хозяйства.

Частично ответ на него может быть получен на основе международных сопоставлений уровня и динамики уже устоявшегося рынка услуг в одной из развитых постиндустриальных стран, доля услуг в ВВП которой превышает 60-70%, с российской.

В качестве такого объекта нами была выбрана система экономических показателей США. Эта страна, наряду со многими характерными для нее особенностями, имеет и много схожих с Россией черт (например, размер страны, протяженность дорог, наличие большого оборонного комплекса, обширный государственный сектор и т.д.). В большей мере нас в этой работе интересуют услуги, которые потребляются реальным сектором экономики, поэтому из всех возможных вариантов сравнения мы выбрали тот вариант, который позволяет сравнить структуру промежуточного потребления услуг отраслями промышленности, строительства и сельского хозяйства.

Целью этой части анализа является: выявить, по возможности, особенности развития сферы услуг и динамику ее взаимодействия с производственным сектором в России и США для того, чтобы ответить на вопрос, насколько ситуация со сферой услуг в России после периода активной трансформации адекватна реальному состоянию национальной экономики.

Для данного исследования использовалось сопоставление показателей межотраслевых балансов в основных ценах России и США за 1995-2018 гг., составленных в текущих ценах и опубликованных в международных базах данных WIOD (World Input-Output Data) и OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development) [123, 141, 157].

Доля услуг в структуре затрат реального сектора в России и в США сопоставима (31% и 39% соответственно), однако существенно отличается по соотношению между типами услуг (Рисунок 3.17). Наибольшие различия фиксируются для бизнес-услуг: их доля в структуре затрат добывающего сектора России увеличилась с 6% в 1995 г. до 13% в 2018 г., однако это существенно меньше уровня США (21-23%); в обрабатывающем сегменте аналогичные показатели составляют 5% в России и 11% в США. Доля затрат на услуги торговли и транспорта в затратах российского реального сектора превышала уровень США во второй половине 1990-х гг. и в 2000-х гг., однако в 2010-х гг. была нивелирована за счет снижения затрат в обрабатывающем секторе.

Структура затрат в сфере услуг России претерпела наиболее значимые изменения после перехода к рыночной экономике: доля услуг в структуре ее затрат выросла на 10 п.п. за счет увеличения доли затрат на бизнес-услуги и финансовое обслуживание при одновременной корректировке вниз доли затрат на торговлю и транспорт. Тем не менее, разрыв с показателями США остается существенным. Так, если доля затрат предприятий сферы услуг России на бизнес-услуги составляет 30%, а на финансовое обслуживание – 7%, то в США они равны 46% и 16% соответственно (Рисунок 3.18).

Такие различия в структуре затрат определяют различия в структуре спроса на услуги. В России основными потребителями услуг являются реальный сектор (18% от суммарного спроса на услуги), сфера услуг (25%), домашние хозяйства (29%) и государство (20%), тогда как в США основными потребителями являются сфера услуг (32% от суммарного спроса) и домашние хозяйства (40%).

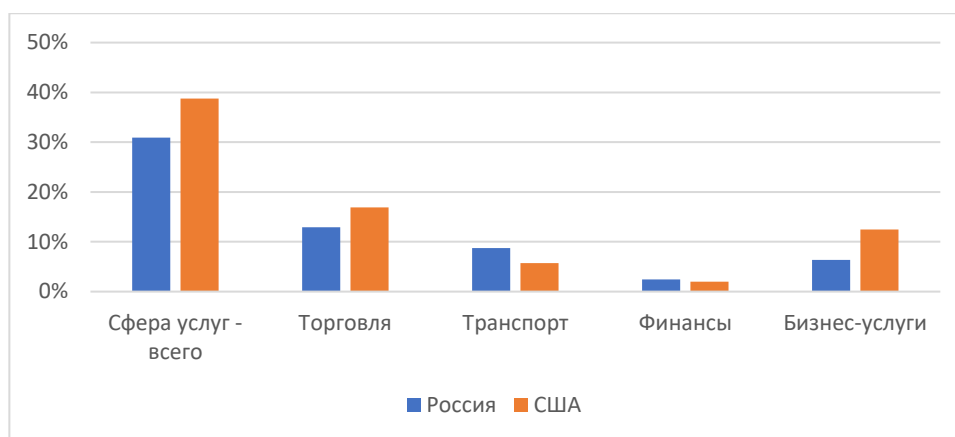

Рисунок 3.17 - Доля услуг в структуре промежуточного потребления реального сектора в 2018 г. (% к общему объему промежуточного потребления)

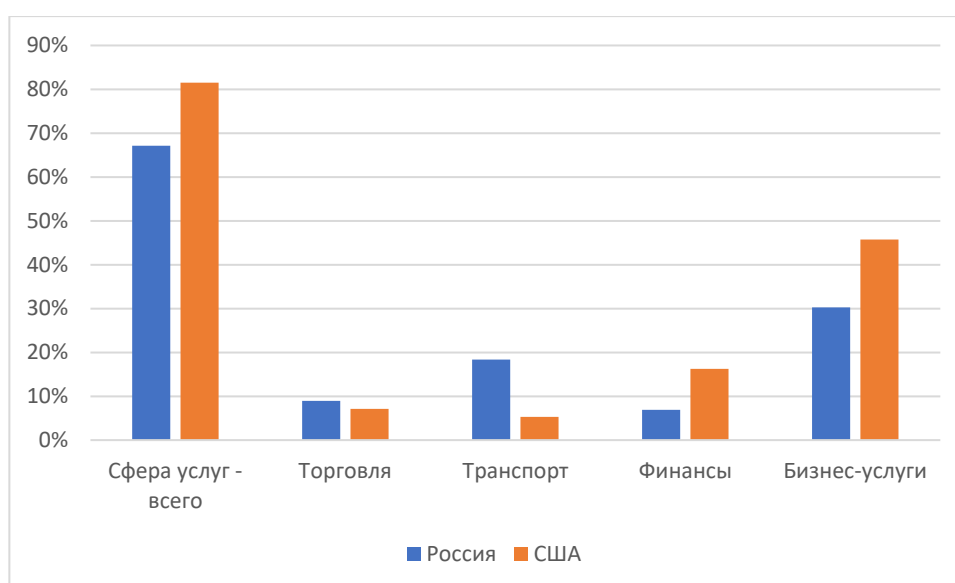

Рисунок 3.18 - Доля услуг в структуре промежуточного потребления нематериального сектора в 2018 г. (% к общему объему промежуточного потребления)

Источник: расчеты автора.

Выводы по главе 3

Все вышеизложенное свидетельствует о «неоднозначности» роли процесса развития сферы услуг в экономическом развитии в период перехода от административной к рыночной экономике. К числу положительных моментов, на наш взгляд, представляется правомерным отнести, прежде всего, следующие:

- формирование условий, необходимых для взаимодействия хозяйствующих субъектов на рыночных принципах (в том числе частичная

компенсация функций разрушенной системы директивного материально-технического снабжения и государственного финансирования);

- абсорбирование части трудовых ресурсов, высвобождаемых из других сфер экономики.

Вместе с тем, как показано выше, более высокая ценовая динамика в отдельных отраслях сферы услуг явилась причиной перетока туда значительной части финансовых ресурсов, что осложняло условия функционирования других видов экономической деятельности. Опережающий рост цен на услуги увеличивал масштабы инфляции и издержки производства.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы относительно роли сферы услуг в воспроизводственном процессе российской экономики:

1. Кардинальное изменение структуры ВВП, сопровождавшееся резким увеличением доли сферы услуг, было вызвано как объективными причинами (необходимость налаживания новых межпроизводственных связей и новых способов финансирования хозяйственной деятельности), так и негативными факторами, основным из которых является ценовая несбалансированность, приведшая к тому, что динамика цен на услуги опережала ценовую динамику на товары. Ценовая диспропорция до сих пор перераспределяет национальную прибыль в пользу третичного сектора и добывающих отраслей, что не может не сказаться на качестве экономического роста.

2. В годы становления новой экономической системы развитие сферы услуг позволило частично сгладить социальные эффекты спада производства, предоставив рабочие места занятым до этого в реальном секторе. В то же время, производительность в нематериальном секторе остается ниже, чем в среднем по экономике, при этом разрыв усугубляется до сих пор. В условиях ограниченности объемов трудовых ресурсов, это «тормозит» экономическое развитие России, так как отраслевая структура занятости кардинально не изменилась с началом периода роста производства.

3. По результатам межстранового сопоставления можно сказать, что степень развития нематериального сектора (в большей мере, это касается сферы обращения) в нашей стране оказалась завышена по сравнению с реальными потребностями экономики в силу специфического характера российской модели трансформации «административно-командной» экономики в «рыночную». При этом высокая доля затрат реального сектора (в первую очередь, обрабатывающего сегмента) на торгово-транспортные издержки и ряд других услуг приводит к тому, что низкая производительность труда и вызванная ей повышенная ценовая динамика в низкоэффективных видах деятельности сферы услуг «транслируется» в реальный сектор, сокращая его валовую прибыль.

4. Высокий удельный вес в формировании ВВП низкоэффективных отраслей сферы услуг приводит к стагнации доходов населения и государства, что, в свою очередь, существенно ограничивает возможности по расширению финансирования «экономики знаний», необходимость которого будет диктоваться демографическими изменениями. Решение вопроса повышения производительности труда и как следствие уровня его оплаты объективно становится решающим, в том числе потому, что определяет бюджетные возможности по расширенному финансированию здравоохранения и образования региональными бюджетами и внебюджетными фондами, основу налогооблагаемой базы которых составляют доходы населения.

ГЛАВА 4. Роль российской сферы услуг в формировании устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе

4.1 Теоретическое обоснование применимости инструментария межотраслевого моделирования

Разработанный прогнозно-аналитический инструментарий с точки зрения макроэкономической теории опирается на межотраслевую модель В. Леонтьева [60]. Однако, его необходимо дополнить рядом теоретическими положениями неоклассической (например, А. Маршалл, [46]) и неокейнсианской концепций (П. Самуэльсон [85])²⁴.

Основной парадигмой авторского метода оценки влияния изменения структуры выпуска сферы услуг на экономическую динамику является положение о равновесии спроса и предложения как товаров, так и услуг (неоклассический принцип). Однако это равновесие не определяет уровень цен, которые зависят только от удельных затрат на ресурсы, оплату труда, налоги и нормы валовой прибыли для каждого вида деятельности (подход В. Леонтьева). В модели вводится теоретическая конструкция, заимствованная из неокейнсианства, согласно которой динамика конечного спроса определяется исходя из объема реальных доходов населения, государства и бизнеса. Выпуск по каждому виду деятельности определяется через конечный спрос путем решения модели межотраслевого баланса В. Леонтьева. Дополнительно в межотраслевую модель вводится система производственных функций, посредством которых оцениваются требования к количеству трудовых ресурсов, необходимых для обеспечения этого объема выпуска при том уровне основных фондов, которые обеспечиваются инвестициями (неоклассический принцип). Такое введение в совокупности с теоретическими компонентами неоклассической и неокейнсианской парадигм формирует «ядро» авторского метода оценки влияния изменения структуры выпуска сферы услуг на экономическую динамику.

²⁴ В материалах пункта 4.1 используются результаты, опубликованные автором в [78, 79, 146].

Цель и задачи данного исследования для своего решения требуют использования межотраслевого инструментария, как наиболее детально раскрывающего механизмы взаимодействия реального сектора и сферы услуг через:

- формирование взаимного спроса на товары и услуги (как в части промежуточного спроса, так и конечного);
- формирование финансовых ресурсов по видам деятельности как с точки зрения реальных темпов выпуска, так и соотношения динамики отраслевых цен;
- отраслевое распределение факторов производства (трудовых ресурсов и основного капитала).

В работе в качестве такого инструментария используется межотраслевая динамическая модель RIM (Russian Interindustry Model [88, 112]), в основу которой положены расчетные межотраслевые балансы в разбивке на 44 вида экономической деятельности, в том числе 14, которые формируют сферу услуг:

- оптовая и розничная торговля, ремонт;
- гостиницы и рестораны;
- транспортировка и хранение;
- связь и телекоммуникации;
- финансы и страхование;
- операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг;
- сдача внаем машин и оборудования;
- компьютерные и сопутствующие услуги;
- исследования и разработки;
- другие предпринимательские услуги;
- государственное управление, оборона и обязательное социальное страхование;
- образование;
- здравоохранение;
- другие общественные, социальные и частные услуги.

Механизм расчетов в модели осуществляется «от спроса», когда выпуск по каждому виду деятельности определяется через конечное потребление (потребление домашних хозяйств, государственное потребление, валовое накопление капитала, чистый экспорт) с помощью модели межотраслевого баланса Леонтьева:

$$X = AX + Y \quad (1)$$

$$X = (E-A)^{-1}Y \quad (2)$$

где X – вектор валового выпуска, A – матрица прямых затрат, Y – вектор добавленной стоимости по видам деятельности (все показатели в сопоставимых ценах).

Расчет добавленной стоимости производится для каждого элемента отдельно и определяется доходами каждого из укрупненных экономических агентов (население, государство, бизнес, внешний мир):

$$\text{ВДС}[t] = \text{ПДХ}[t] + \text{ГП}[t] + \text{ВНК}[t] + \text{Экспорт}[t] - \text{Импорт}[t] \quad (3)$$

Доходы определяются на следующем этапе расчетов, после решения ценовой модели Леонтьева [24, 25]:

$$p * (AX) + va = pX \quad (4)$$

где p – вектор цен по видам деятельности, va – отраслевая добавленная стоимость.

Элементы добавленной стоимости (заработная плата, чистые налоги, валовая прибыль) выступают источниками формирования доходов в экономике, которые, после перехода от номинальных к реальным показателем (путем дефлирования), формируют конечный спрос, тем самым замыкая контур расчетов (Рисунок 4.1).

При этом стандартная межотраслевая модель дополнена расчетами показателей баланса доходов и расходов населения, банковского сектора, государственного бюджета, которые позволяют учитывать при оценке конечного спроса не только текущие доходы, но также займы и кредиты или ранее накопленные сбережения.

Логика построения модели от спроса не снимает вопрос об уровне потенциально возможного объема выпуска при имеющихся объемах факторов производства. При этом оценка зависимости выпуска от производственных факторов (трудовые ресурсы и капитал) затруднена в силу нескольких факторов

(несовершенство статистики, несоответствие динамики роста выпуска и факторов производства и т.д.) и является отдельной исследовательской проблемой. В частности, пристального изучения требует прогнозная динамика производительности труда в отраслях сферы услуг, которая, в случае ее неудовлетворительных значений, в долгосрочной перспективе может стать существенным ограничением экономического роста в силу ограниченности общего объема трудовых ресурсов.

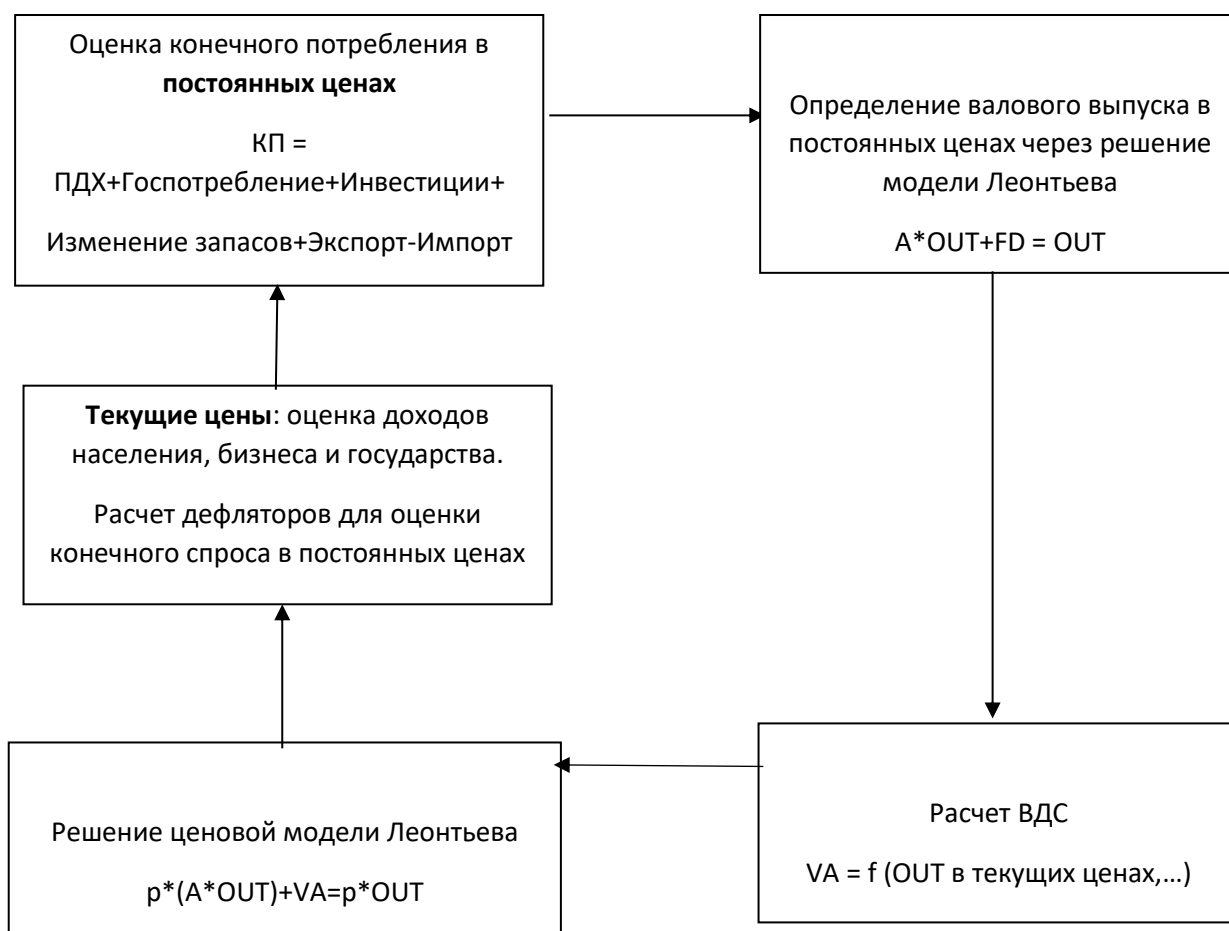

Рисунок 4.1 - Схема расчетов в модели RIM

Интенсификация инвестиционного процесса рассматривается как один из основных способов активизации экономического роста в России. При этом нужно понимать, что в долгосрочной перспективе инвестиции позволяют увеличивать уровень производства не только за счет расширения объема основных средств, но и через повышение производительности труда, что становится особенно актуальным в условиях ограниченности трудовых ресурсов. В такой

интерпретации инвестиции становятся источником роста заработной платы и благосостояния населения.

Таким образом, при макроэкономическом обосновании перспектив экономического развития инвестиции должны рассматриваться не только как способ расширения внутреннего спроса, но также в качестве инструмента повышения доходов и потребления домашних хозяйств через рост производительности труда.

С этой целью в рамках межотраслевой модели RIM была разработана система производственных функций²⁵. Основным принципом моделирования: макроэкономический эффект от увеличения объема инвестиций выражается в росте производительности труда, т.е. объема выпуска на одного занятого. Зависимость выпуска по виду деятельности (Q) от количества занятых в отрасли (L) и основных фондов (K) может быть описана следующим образом:

$$Q(t) = f(L(t), K(t), t) \quad (5)$$

В модели используется стандартная линейно однородная функция Кобба-Дугласа [127], то есть предполагается постоянство отдачи при изменении масштабов производства:

$$Q_t = A e^{rt} L_t^\alpha K_t^{1-\alpha} \quad (6),$$

где Q , L и K являются функциями от времени (t). Согласно статистическим данным для обрабатывающей промышленности США, среднее значение α составляет порядка $2/3$.

В формуле (6) e^{rt} отражает «нематериальный» технический прогресс, который реализуется вне зависимости от инвестиционного процесса путем привлечения более квалифицированной рабочей силы или повышения квалификации работающих в следствии приобретения опыта.

«Материальный» технический прогресс (A) требует инвестиций в новые основные фонды, которые могут быть более производительными при той же или даже более низкой цене, чем старое оборудование (ярким примером являются

²⁵ Система описанных в статье производственных функций была предложена профессором Клопером Алманом во время его работы с моделью RIM в 2014 г.

персональные компьютеры, чьи мощности и технические возможности за последние 15-20 лет выросли кратно).

Оценить масштабы материальной и нематериальной составляющих технического прогресса на стандартных статистических рядах невозможно. Поэтому в качестве ориентира мы использовали результаты исследования Вилсона Д. Дж. [158], проведенных на основе данных Longitudinal Research Database Бюро переписи населения США [140]. Согласно оценкам Вилсона Д. Дж., темпы материального технического прогресса колеблются в диапазоне от 0 до 20% в год в зависимости от вида деятельности, при этом наиболее типичными значениями являются 3-10% в год. Исходя из предположения, что в условиях открытой международной торговли любое оборудование потенциально доступно всем производителям, логично допустить, что в российской экономике мы можем использовать аналогичные значения.

Для первоначальной оценки использовался темп прироста материальной составляющей увеличения производительности 5% в год для каждой из отраслей. Если на следующем этапе расчетов динамика нематериальной составляющей будет превышать 5%, тогда темп роста материальной составляющей будет корректироваться в сторону повышения.

Занятость оценивается путем решения уравнения (6) для L при данных Q и K :

$$\begin{aligned} Q/K &= Ae^{rt}(L/K)^\alpha, \\ (L/K)^\alpha &= \left(\frac{1}{A}\right) e^{-rt} \left(\frac{Q}{K}\right), \\ \alpha \log(L/K) &= -\log A - rt + \log(Q/K), \\ \log(L/K) &= -\frac{\log A}{\alpha} - \frac{r}{\alpha} t + \frac{1}{\alpha} \log(Q/K) \quad (7). \end{aligned}$$

Коэффициенты регрессии будут оцениваться для уравнения (7), при этом коэффициент при переменной t должен быть отрицательным, а коэффициент при последнем слагаемом – приблизительно 1,5, что соответствует целевому значению $\alpha = 2/3$. При таких ограничениях на коэффициенты уравнения были оценены финальные значения отраслевых темпов прироста материальной составляющей увеличения производительности труда (Таблица 4.1).

Помимо проблемы выделения материальной и нематериальной составляющих роста производительности труда, отдельного решения требует задача оценки величины основных фондов по видам деятельности. В качестве основы расчетов профессор К. Алмон предложил так называемую систему «каскада из двух ведер», названную так по аналогии с конструкцией из двух емкостей, расположенных одна над другой [4]. Первая емкость ассоциируется с объемом основного капитала до амортизации: инвестиции с основной капитал являются входящим потоком, исходящий поток – амортизация, при этом выбытие основного капитала пропорционально накопленному объему капитала. Однако амортизированные основные средства также могут использоваться в производстве, поэтому вторая емкость ассоциируется с объемом накопленного «списанного» оборудования, при этом норма выбытия этого оборудования предполагается равной норме выбытия из первого «ведра» (15% в год).

Однако использование указанной системы для расчета основного капитала на данных с 1992 гг. приводит к недооценке объема капитала, так как не учитывает объем советских инвестиций. С другой стороны, использование отчетных данных по инвестициям за 1980-1991 гг. может завязать оценку объема капитала, так как оборудование, купленное в советский период, было в основном отечественного производства, а значит, вполне могло быть менее продуктивным, чем импортные аналоги при той же цене. Для решения этой проблемы использовалась система оценки «единичного ведра (unit basket)», подробно описанная в [4, с.147].

Рассчитанные указанным выше способом объемы капитала позволяют оценить коэффициенты регрессии в уравнении (7) и рассчитать необходимый уровень занятости по видам деятельности при известном объеме выпуска. В таблице 2 приведены коэффициенты регрессии и характеристики регрессионных уравнений для всех видов деятельности (регрессионные уравнения оценивались на интервале 2000-2017 гг.).

Таблица 4.1 - Оценка отраслевых темпов прироста материальной и нематериальной составляющих увеличения производительности труда (% в год); коэффициенты регрессии и характеристики уравнений занятости по видам деятельности

Вид деятельности	Материальная составляющая роста производительности труда	Нематериальная составляющая роста производительности труда	Коэф. множественной детерминации (R ²)	Коэф. Дабрина-Уотсона (DW)
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	5	1,1	0,9887	1,59
Добыча сырой нефти	5	1,6	0,9689	0,39
Добыча природного газа	0,5	0,1	0,8056	1,36
Добыча угля	5	2,6	0,9700	1,09
Добыча прочего топлива, производство кокса и ядерных материалов	10	6,9	0,9191	0,53
Добыча металлических руд и прочих ископаемых, кроме топливных	0,5	0,4	0,9772	1,52
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	5	1,7	0,9851	0,52
Текстильное и швейное производство (включая производство кожи и изделий)	10	0,3	0,9953	1,91
Обработка древесины и производство изделий из дерева	5	1,9	0,9653	0,79
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	0,5	1,2	0,8624	1,01
Производство нефтепродуктов	5	0,4	0,9913	0,38
Химическое производство за исключением фармацевтики	5	2,8	0,9939	1,31
Производство фармацевтической продукции	0,5	0,2	0,8329	0,58
Производство резиновых и пластмассовых изделий	5	4,3	0,9312	1,31
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	5	1,5	0,9653	0,87
Производство черных металлов	5	0,03	0,9638	0,52
Производство цветных металлов	7	0,6	0,9766	1,24
Производство металлических продуктов, за исключением машин и оборудования	5	3,7	0,9226	0,97
Производство машин и оборудования	7	2,5	0,9377	0,53
Производство офисной, счетной и компьютерной техники	5	8,8	0,9244	0,74
Производство электрооборудования	0,5	0,04	0,4433	1,13
Производство радио-, теле-, и коммуникационного оборудования	5	0,4	0,9058	1,62
Производство медицинского, точного и оптического оборудования	0,1	0,3	0,8962	1,33
Производство транспортных средств и оборудования	14	8,9	0,9710	1,43
Производство и ремонт морского транспорта	9	0,1	0,9365	0,40
Производство воздушного транспорта и ракетостроение	9	0,1	0,9811	1,04
Производство железнодорожного транспорта и транспортного оборудования	0,5	1,3	0,6243	0,60

Производство мебели и вторичная переработка	0,1	4,5	0,9629	1,00
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	1,3	0,9984	1,43
Строительство	7	2,5	0,8309	0,34
Оптовая и розничная торговля, ремонт	5	1,0	0,9381	0,47
Гостиницы и рестораны	8	3,2	0,8515	0,36
Транспортировка и хранение	0,1	3,2	0,9895	0,96
Связь и телекоммуникации	10	4,8	0,9464	0,22
Финансы и страхование	10	6,1	0,8985	0,27
Операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг	17	4,9	0,9626	0,26
Сдача внаем машин и оборудования	8	1,7	0,9697	0,41
Компьютерные и сопутствующие услуги	2	4,4	0,8552	1,11
Научные исследования и разработки	1	1,0	0,9713	0,80
Другие предпринимательские услуги	7	0,3	0,8354	1,01
Государственное управление, оборона и обязательное социальное страхование	1	0,1	0,9582	0,78
Образование	0,1	0,4	0,9990	0,69
Здравоохранение	0,1	0,9	0,9978	0,91
Другие общественные, социальные и частные услуги	5	0,04	0,8036	0,42

Источник: расчеты автора.

4.2 Ограничения экономического развития в инерционном сценарии

Диспропорции в развитии сферы услуг существенно снижают возможности интенсификации экономического роста как в кратко-, так и в долгосрочной перспективе даже в отсутствии внешнеэкономических шоков или ограничений внеэкономического характера. Подтверждающие этот тезис расчеты были проведены в рамках инерционного сценария (или сценария business-as-usual) с помощью межотраслевой модели RIM²⁶. Данный сценарий был разработан с учетом следующих предпосылок (Таблица 4.2):

- стабильность внешних параметров;
- некоторая консолидация государственного бюджета (выход на бездефицитный бюджет в среднесрочной перспективе);
- умеренная денежная политика.

При такой конфигурации сценарных условий инерционный сценарий предполагает, что средний реальный прирост выпуска на периоде до 2030 г. не превысит +2,3% в год. При этом его структура по видам деятельности несколько

²⁶ В материалах пункта 4.2 используются результаты, опубликованные автором в [146].

скорректируется: доля реального сектора (промышленность, сельское хозяйство, строительство) повысится с 50,4% в 2019 г. до 52,5% в 2030 г. в связи с более высокими, чем в сфере услуг, темпами реального роста выпуска (Рисунок 4.2).

Таблица 4.2 - Основные экзогенные параметры инерционного прогноза

	2025	2027	2030	2035
Цена нефти марки Urals, долл./барр.	68	70	73	91
Курс доллара, руб./долл.	72,7	75,7	80,2	86,2
Добыча нефти, млн т	529	531,4	532	536,2
Экспорт нефти, млн т	263,2	263,6	264,2	264,4
Добыча газа, млн т	863	887,8	925	937,4
Экспорт газа, млн т	315	328	347	353
Численность населения, млн чел	145,9	145,2	144,3	143,3
Профицит (+)/Дефицит (-) консолидированного бюджета, % к ВВП	2,5	2,1	1,7	1,5
Денежная база, в % к ВВП	15,8	15,8	15,8	15,7

Источник: расчеты автора.

Разрыв в темпах прироста между реальным сектором и сферой услуг будет связан, в первую очередь, со значительной более медленной, чем в среднем по экономике, динамикой выпуска по видам деятельности, финансируемых преимущественно за счет бюджетных средств (госуправление, образование, здравоохранение, наука и научное обслуживание) на фоне некоторого ужесточения бюджетной политики (с выходом на устойчиво профицитный бюджет после 2025 г.).

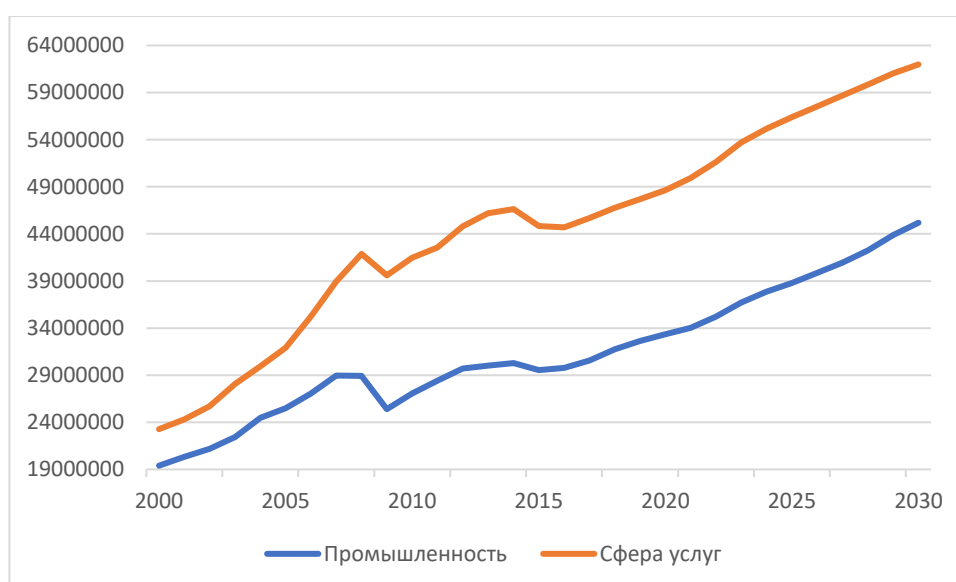

Рисунок 4.2 - Прогноз объема выпуска в постоянных ценах (в ценах 2010 г.) в инерционном сценарии

Источник: расчеты автора.

В структуре выпуска сферы услуг снизится доля персональных услуг и государственного управления на фоне медленного роста реальных доходов населения и выхода бюджетного дефицита на нулевую отметку (Таблица 4.3).

Таблица 4.3 - Структурные характеристики выпуска и занятости по укрупненным видам деятельности (инерционный сценарий)

Структурные характеристики российской экономики	Выпуск (в % к итогу)		Занятость (в % к итогу)		Производительность труда (% к среднему по экономике)	
	2019	2030	2019	2030	2019	2030
Сельское хозяйство, промышленность, строительство	50,4	52,5	32,6	41,1	132,0	133,6
Сфера услуг	49,6	47,5	67,4	58,9	81,2	79,3
включая:						
Торговля, гостиницы и рестораны	16,6	17,5	18,2	23,1	85,2	62,6
Транспорт и связь	8,5	8,6	10,6	9,2	112,3	108,6
Финансы и страхование	3,1	3,7	3,9	2,5	182,0	311,0
Услуги для бизнеса	9,4	7,8	8,7	5,3	112,5	165,6
Государственное управление и оборона, социальное страхование	5,9	4,8	6,9	4,7	99,0	110,8
Персональные услуги	6,7	5,1	18,9	14,0	32,6	28,7

Источник: расчеты автора.

Одновременно поменяются и пропорции отраслевой занятости, причем в более значительной степени: доля сферы услуг сократится с 67% до 59%, в том числе в транспорте – на 1 п.п., в персональных услугах – на 4 п.п., в государственном управлении – на 2 п.п. с одновременным увеличением доли занятых в торговле. Тем не менее, такое перераспределение части занятых из непромышленного в реальный сектор не позволит кардинальным образом повысить производительность труда в сфере услуг. Ее отношение к среднему по экономике продолжит снижаться (с 81% до 79%), хотя темпы снижения и будут несколько ниже, чем в 2000-2010-х гг.

Численность занятых в сельском хозяйстве к концу прогнозного периода снизится (Рисунок 4.3), а в обрабатывающем сегменте будет стагнировать на уровне 2010-х гг. в силу роста производительности труда в этих секторах с одновременным увеличением объема основного капитала. Тем не менее, для достаточно широкого ряда видов деятельности обрабатывающей промышленности

будет наблюдаться рост занятости: пищевая промышленность, целлюлозно-бумажное производство, нефтепереработка, производство пластиковых изделий, производство электрооборудования и железнодорожного транспорта. Основной причиной этого роста станет отставание темпов роста соответствующих отраслевых инвестиций от динамики выпуска.

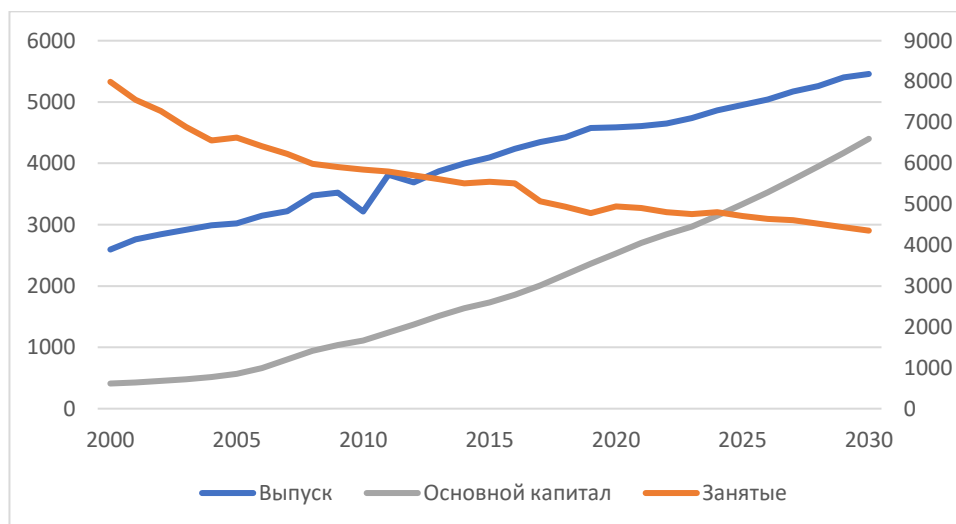

Рисунок 4.3 - Прогноз объема основного капитала, выпуска в ценах 2010 г. (левая шкала) и занятость (правая шкала, тыс. чел.) в сельском хозяйстве

Источник: расчеты автора.

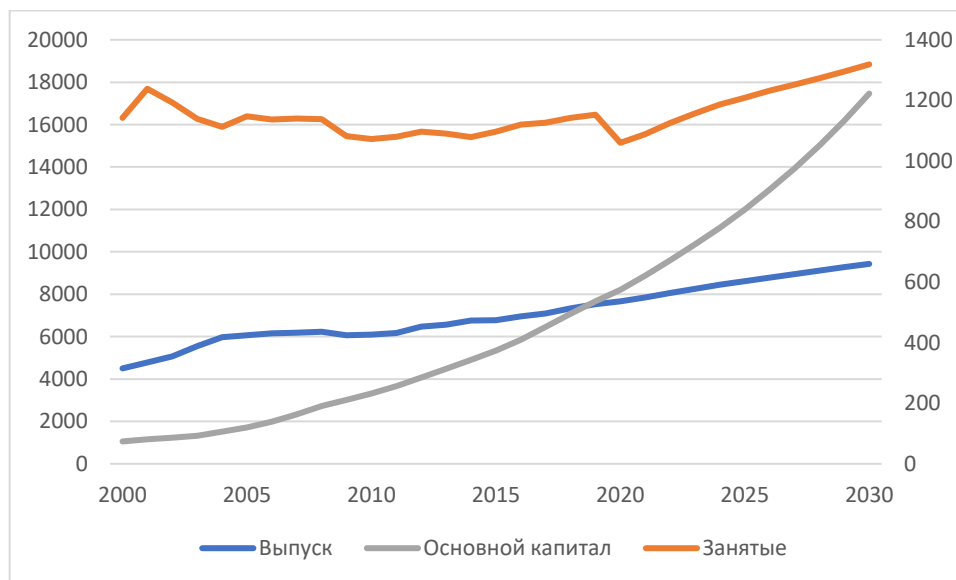

Рисунок 4.4 - Прогноз объема основного капитала, выпуска в ценах 2010 г. (левая шкала) и занятость (правая шкала, тыс. чел.) в добыче полезных ископаемых

Источник: расчеты автора.

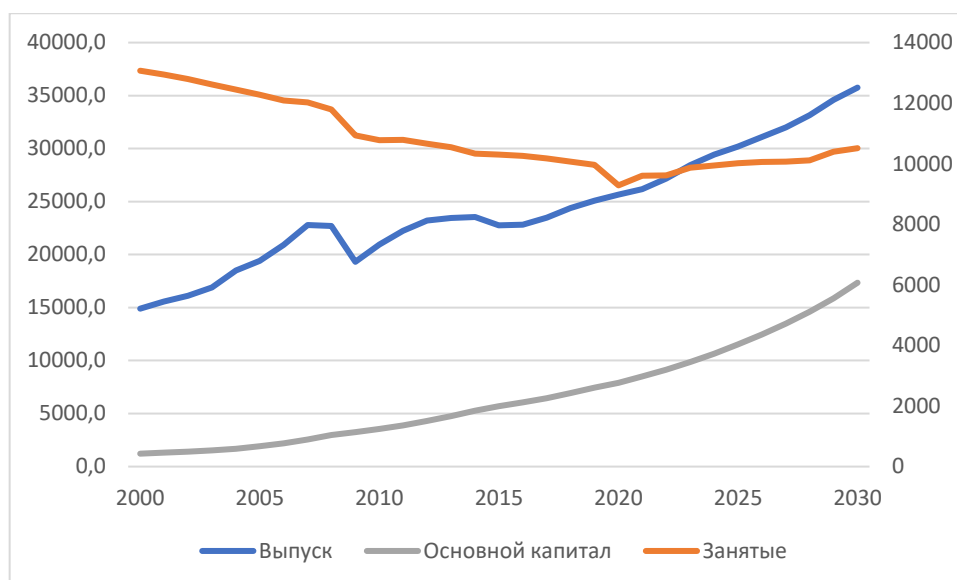

Рисунок 4.5 - Прогноз объема основного капитала, выпуска в ценах 2010 г. (левая шкала) и занятости (правая шкала, тыс. чел.) в обрабатывающем секторе

Источник: расчеты автора.

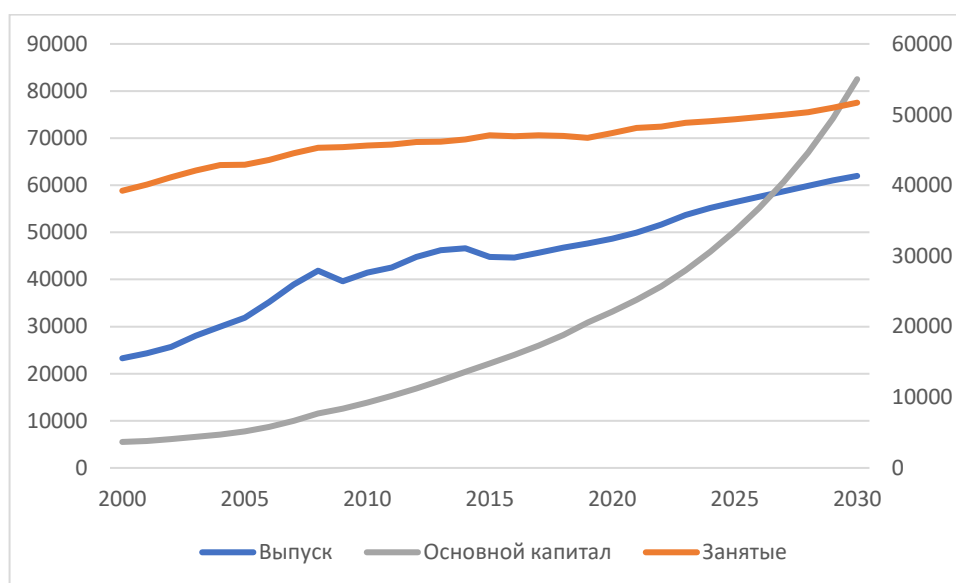

Рисунок 4.6 - Прогноз объема основного капитала, выпуска в ценах 2010 г. (левая шкала) и занятости (правая шкала, тыс. чел.) в сфере услуг

Источник: расчеты автора.

Занятость в добывающем секторе увеличится с 1,04 млн чел. в 2019 г. до 1,32 млн чел. в 2030 г. (Рисунок 4.4). В первую очередь, это будет связано с ухудшением климатических и географических условий добычи («смещение на север»), особенно в добыче газа. Достаточно быстрое наращивание основного капитала не

будет достаточным для нивелирования этих негативных изменений, что приведет к снижению производительности труда. Все большее количество трудовых ресурсов будет необходимо также для поддержания инфраструктуры: расширение железнодорожного сообщения и строительство новых автомобильных дорог, создание новых видов оборудования по добыче нефти и газа потребуются в том числе для работы в условиях вечной мерзлоты.

В сфере услуг изменение отраслевой занятости будет носить разнонаправленный характер (Рисунок 4.6). Численность занятых в здравоохранении, компьютерных услугах и в торговле будет расти быстрее, чем в среднем по экономике, в следствии роста реального выпуска, а в торговле – еще и в силу растущего отставания уровня производительности труда от среднего по экономике. С другой стороны, занятость в других видах деятельности в нематериальном секторе будет снижаться или стагнировать при росте производительности труда более высокими темпами, чем в прочих секторах. Сфера услуг окажется наиболее восприимчивой к новым технологиям (особенно, компьютерные и информационные услуги), что позволит достигнуть наиболее высокого роста производительности труда за счет «материальной» составляющей этого роста при новых инвестициях.

Общее число занятых, после некоторого снижения в период до 2020 г., будет увеличиваться на всем прогнозном периоде 2020-2030-х гг., что будет необходимо в условиях медленного, но стабильного экономического роста (Рисунок 4.7). При этом после 2020 г. (даже в условиях инерционного сценария, не предполагающего продолжительного периода санкционного давления) российская экономика может столкнуться с проблемой недостатка трудовых ресурсов на фоне снижения как общей численности населения, так и ее экономически активной части.

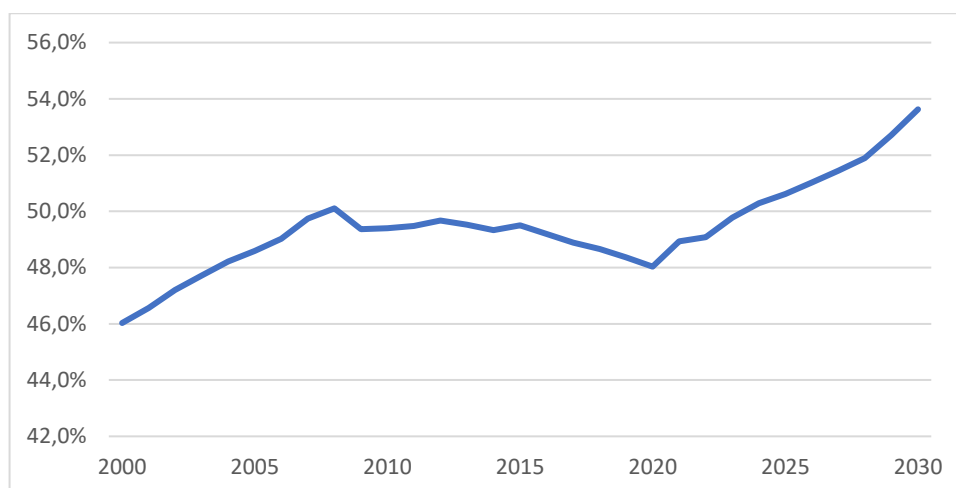

Рисунок 4.7 - Прогноз соотношения занятых к численности населения (без учета Крыма и г. Севастополь) в инерционном сценарии

Источник: расчеты автора.

Более того, представленная модельная конструкция позволила оценить потенциал избыточной занятости в сфере услуг как разность между фактической занятостью по видам деятельности и расчетным ее уровнем, оценка которого получена при известных значениях выпуска и объема основных фондов²⁷. Такие оценки проводились на данных 2018-2019 гг. для исключения влияния внеэкономических факторов (пандемийные ограничения 2020-2021 гг., санкционный режим после 2022 г.) для того, чтобы оценить именно долгосрочные тренды использования факторов производства.

Отраслевая концентрация потенциала избыточной занятости представляется достаточно высокой: его наличие фиксируется в пяти видах деятельности сферы услуг. Наибольший дисбаланс ожидаемо был отмечен по виду деятельности «Оптовая и розничная торговля», где потенциал избыточной занятости составил чуть менее 2 млн занятых. Для «Гостиниц и ресторанов» этот показатель оценивается в 400 тыс. чел., в «Связи и телекоммуникациях» - 150 тыс. чел., «Финансы и страхование» - 400 тыс. чел., «Операции с недвижимым имуществом» - 700 тыс. чел. Общий ресурс трудовых ресурсов, которые могут быть без риска сокращения выпуска направлены в другие виды деятельности, достаточно значим и оценивается в 3,7 млн чел. При этом, даже в инерционном сценарии (который не

²⁷ В материалах пункта 4.1 используются результаты, опубликованные автором в [78].

предусматривает активной политики по импортозамещению) на горизонте до 2030 г. мы ожидаем рост потребности в числе занятых в реальном секторе, который обусловлен различиям в отраслевых темпах прироста выпуска и инвестиций: в добыче полезных ископаемых – на 175 тыс. чел., в легкой промышленности – на 450 тыс. чел., в нефтепереработке – на 70 тыс. чел., в фармацевтике – на 40 тыс. чел., в металлургии – на 50 тыс. чел., в производстве электрооборудования – на 110 тыс. чел., в высокотехнологичном машиностроении²⁸ – на 350 тыс. чел., в строительстве – на 300 тыс. чел., в электроэнергетике – на 380 тыс. чел.

Вопрос низкой производительности и избыточной занятости в российской экономике неоднократно поднимался в отечественной литературе. И если в 1990-х и в начале 2000-х гг. избыточная занятость (а точнее скрытая безработица) фиксировалась преимущественно в реальном секторе [30], то в дальнейшем потенциал избыточной занятости был сосредоточен в ряде отраслей нематериального производства. Так, в докладе «Стратегия роста» указывалось, что наблюдается «избыточная занятость в бюджетном секторе, правоохранительных структурах и частных структурах обеспечения безопасности, бухгалтерии (резерв не менее 10 млн человек)» [94].

Более того, полученные автором в данной работе оценки достаточно хорошо сопоставимы с результатами, опубликованными в [12], как по перечню видов деятельности, где фиксируется потенциал избыточной занятости, так и по его объему (хотя приведенные здесь цифры значительно меньше, но масштабность проблемы оценивается схожим образом). Так, в [12] потенциал высвобождения занятых оценивается в 6,3 млн чел. в торговле, в виде деятельности «Гостиницы и рестораны» - в 1,1 млн чел., в деятельности в области информации и связи – в 834 тыс. чел., в финансах – в 554 тыс. чел., в операциях с недвижимым имуществом – в 1,7 млн чел. Косвенно об избыточной занятости, например, в торговле говорят и наблюдения рекрутинговых агентств [14], которые фиксируют переток занятых из

²⁸ Производство радио-, теле- и коммуникационного оборудования; производство медицинского, точного и оптического оборудования, производство и ремонт морского и воздушного транспорта, ракетостроение

этой сферы в прочие сектора экономики в условиях дефицита трудовых ресурсов в 2024 г.

Стагнация отраслевой структуры занятости уже в среднесрочной перспективе станет причиной не только напряженности на рынке труда, но и усугубления ценового диспаритета в сфере услуг и реальном секторе.

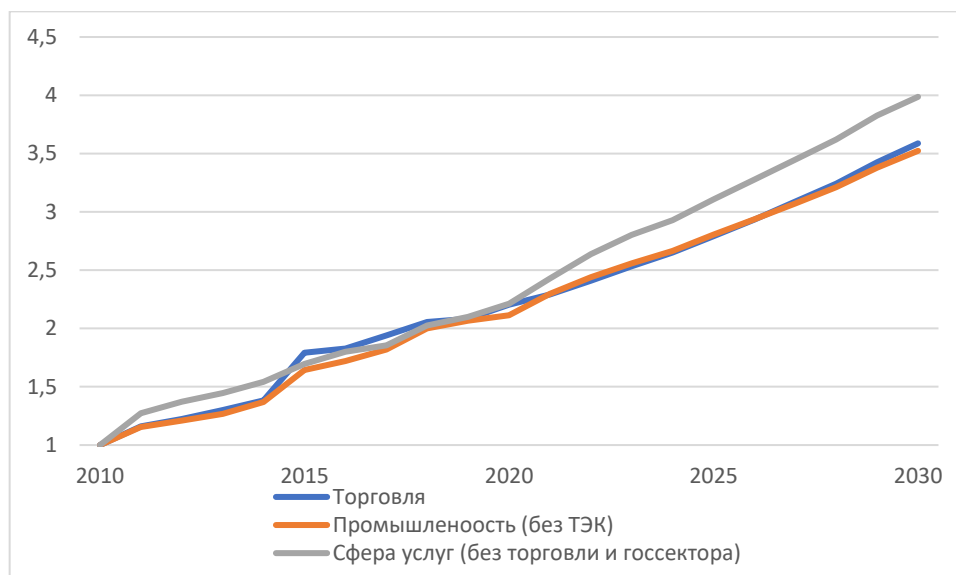

Рисунок 4.8 - Динамика дефляторов (накопленным итогом) в инерционном сценарии (к уровню 2010 г.)

Источник: расчеты автора.

Так, отраслевой дефлятор в торговле будет достигать 5,5% в год на периоде 2024-2030 гг., в целом по услугам – 5% в год для того, чтобы обеспечить приемлемую динамику заработной платы в этом секторе (Рисунок 4.8). В результате, к концу прогнозного периода накопленный (относительно уровня 2024 г.) индекс цен в сфере услуг будет превышать соответствующий показатель для реального сектора (за исключением ТЭК) на 4 п.п.

4.3 Перспективы интенсификации экономического развития при реализации мер экономической политики

Для количественной оценки эффективности мер по устранению перечисленных выше ценовых диспропорций был проведен ряд расчетов на основе межотраслевой модели RIM по двум сценариям:

- инерционный,
- сценарий ограничения роста цен на ряд услуг до уровня среднего по экономике²⁹.

В рамках инерционного сценария среднегодовой темп прироста валового выпуска не превысит 2.3% в среднем в 2025-2030 гг. Структура производства и занятости кардинально не изменится. Уровень производительности труда в сфере услуг будет оставаться ниже среднего по экономике. При этом на всем прогнозном периоде динамика цен на услуги будет по-прежнему превышать динамику цен на товары. Самый высокий рост цен будет наблюдаться в торговле, операциях с недвижимым имуществом и аренде оборудования.

В качестве альтернативного сценария предлагается сценарий ограничения ценовой динамики для трех выше указанных отраслей. В этом сценарии цены не определяются по ценовой модели Леонтьева, а задаются на уровне среднего по экономике. В рамках сценария ограничения ценовой динамики для ряда отраслей (ограничение сверху – средний по экономике индекс цен) удалось получить значимое ускорение динамики выпуска в высоко- и среднетехнологических отраслях промышленности без сокращения выпуска даже в тех отраслях, где вводились ограничения на ценовую динамику

Альтернативный сценарий (обозначенный здесь как “ценовой сценарий”) был разработан в рамках модели RIM с измененными уравнениями для расчета отраслевых дефляторов в трех видах деятельности: торговля, операции с недвижимым имуществом и аренда оборудования. В классической ценовой модели Леонтьева (которая была использована в инерционном сценарии) дефляторы по каждому виду деятельности рассчитываются как функция от соответствующего уровня удельного промежуточного потребления в текущих ценах и доли валовой добавленной стоимости в выпуске в текущих ценах:

$$p_i = \sum a_{ij} * p_j + (va_i / out_i) \quad (8)$$

где $i=1, \dots, 44$ – номер вида экономической деятельности,

²⁹ В материалах пункта 4.3 используются результаты, опубликованные автором в [79].

$$va = \text{wages} + \text{gross profit} + \text{taxes}$$

$$\text{wages} = f(\text{производительность труда}_i, p_i, \text{out}_i)$$

$$\text{gross profit} = f(\text{норма прибыли}_i, \text{out}_i)$$

В сценарии ограничения цен мы применяли уравнение типа (8) для всех видов деятельности, кроме трех, указанных выше. Для выделенных трех видов деятельности динамика цен была ограничена сверху средними по экономике темпами роста цен. Это означает, что в торговле, операциях с недвижимостью и аренде оборудования отраслевые дефляторы не превышали средний тем прироста цен:

$$p_i = f(\text{дефлятор общего выпуска}), i=31,36,37 \quad (9)$$

$$\text{gross profit} = \text{outR}_i * p_i - \text{wages}_j - \text{tax}_j - (\sum a_{ij} * p_j) * \text{outR}_i$$

$i = 31$ Торговля

$i = 36$ Операции с недвижимым имуществом

$i = 37$ Аренда оборудования

В инерционном сценарии цены на услуги будут расти быстрее цен на товары на 0,5-2,3 п.п. в год. Разница между дефлятором в торговле и динамикой цен на товары составит в среднем 0,5 п.п. в год. Ограничения на ценовую динамику во втором сценарии позволяют свести разницу между темпами роста цен на товары и услуги к нулевой. Этот ценовой паритет приведет к ускорению валового выпуска в обрабатывающих секторах (относительно инерционного сценария, Таблица 4.4), прежде всего, в средне- и высокотехнологичных отраслях.

Более того, ускорение выпуска будет фиксироваться и для торговли и бизнес-услуг, так как ограничение ценовой динамики приведет к увеличению промежуточного и конечного потребления в реальном выражении. В структуре выпуска доля реального сектора в сценарии ограничения цен вырастет до 56% от общего уровня, что превышает значение инерционного сценария на 3 п.п.

При существующем ценовом диспаритете перераспределение валового национального дохода между отраслями будет существенно ограничивать возможности наращивания выпуска в реальном секторе. Так, по нашим оценкам, если удастся выровнять ценовую динамику только в сфере услуг (на уровне

среднего по экономике), среднегодовое ускорение выпуска в высокотехнологичном сегменте реального сектора может достигнуть 0,6 п.п. в год в 2024-2030 гг., в среднетехнологичном - +0,8 п.п. в год, в низкотехнологичном - +0,2 п.п. в год, в бизнес-услугах - +0,3 п.п.

Таблица 4.4 - Результаты сценария ограничения ценовой динамики (в сравнении с инерционным сценарием)

	Ускорение динамики валового выпуска, в среднем за год, п.п		Доля выпуска отрасли, % к валовому выпуску	
	2019-2025	2026-2030	2019-2025	2026-2030
Реальный сектор, включая:				
Высокотехнологичные отрасли	+0,6	+0,6	+0,1	+0,1
Среднетехнологичные отрасли	+0,8	+0,3	+0,5	+0,7
Низкотехнологичные отрасли	+0,2	-0,1	-	-
Сфера услуг, включая:				
Торговля, гостиницы и рестораны	+0,1	-	-1,3	-1,4
Бизнес-услуги	+0,3	-0,1	-0,3	-0,2

Источник: расчеты автора.

Таким образом, в российской экономической системе как минимум последние полтора десятилетия законсервирована неэффективная отраслевая структура распределения трудовых ресурсов. И если в 1990-е годы переток значимой части трудовых ресурсов, например, в сферу обращения имел положительный макроэкономический эффект, обеспечивая поддержку доходам населения на фоне сокращения выпуска реального сектора, то в 2010-х гг. обратного движения при восстановлении этого выпуска не произошло. Многогранность проблем, которые объективно возникают при необходимости межотраслевого перетока занятости (структура профессионального образования, вопросы повышения квалификации или переобучения, ограничения в отношении меж- и внутрирегиональной миграции, в том числе связанные с недоступностью приобретения или аренды жилья) могут быть решены только в рамках комплексной экономической политики государства. Без решения проблемы избыточной занятости в ряде видов деятельности сферы услуг, среди структурных ограничений активного экономического роста будет присутствовать не только дефицит трудовых ресурсов,

но также проблема низкой производительности и заработной платы в сфере услуг, сдерживающий рост реальных доходов населения. Более того, вынужденный опережающий темп роста цен на услуги, приводящий к их высокой доле в структуре затрат реального сектора, приведет к ограничениям в росте заработной платы уже в реальном секторе даже при росте производительности.

Выводы по главе 4

Вопрос структурных ограничений экономического роста, рассмотренный в главе 3, носит во многом глобальный характер для российской экономики в силу высокой доли сферы услуг в производстве ВВП, создании и распределении национального дохода, формирования ценовой динамики, структуре факторов производства. Адекватным инструментарием для оценки долгосрочных перспектив ускорения экономической динамики и возможности такого ускорения при снятии ограничений, сформировавшихся в сфере услуг, является межотраслевой инструментарий и производственные функции, с помощью которых были получены следующие выводы:

1. Оценка динамики производительности по видам деятельности, рост которой был обеспечен как напрямую накоплением и обновлением основного капитала, так и увеличением «нематериальной» составляющей роста производительности, подтвердила тезис об избыточной занятости в ряде видов деятельности в сфере услуг, уровень которой не соответствует современной структуре выпуска и характеристикам основного капитала. При этом уровень этой избыточности кардинально различается и сконцентрирован в ограниченном ряде отраслей.

2. Консервация неэффективной структуры занятости приводит не только к напряженности на рынке труда, которая возникает при активизации промышленного производства в парадигме импортозамещения. Не менее важной проблемой становится закрепление тенденции на опережающую ценовую динамику в сфере услуг, которую невозможно переломить без изменения структуры занятости. Стагнация основных структурных макроэкономических пропорций в нематериальном секторе не позволит получить прирост ВВП более 2%

в год даже в условиях снятия неэкономических ограничений и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры.

3. Результаты сценарных расчетов (а именно сравнение инерционного сценария и сценария ограничения ценовой динамики в сфере услуг) явно показали, что трансформация отраслевой структуры занятости, которая может позволить снизить ценовую динамику (прежде всего, в торговле и операциях с недвижимостью) до средних по экономике при структурной перестройке отраслевых затрат на оплату труда, приводит к значимому ускорению экономической динамики, прежде всего в средне- и высокотехнологичных видах деятельности. При этом ускоряющееся расширение промежуточного и конечного спроса со стороны реального сектора позволяет полностью нивелировать отрицательные эффекты для сфер услуг, связанные с изменением межотраслевого перераспределения ресурсов.

4. Для нивелирования описанных структурных ограничений развития российской экономики необходима реализация комплексной государственной программы, которая будет носить долгосрочный характер. Основными мерами этой программы должны стать следующие:

- **Реформирование системы образования:** изменение структуры высшего и среднего специального образования в соответствии с трансформацией отраслевой структурой трудовых ресурсов; расширение системы переквалификации и повышения квалификации (с частичным субсидированием стоимости обучения), которые будут доступны для всех возрастных категорий, а также для работающего населения (в дистанционной или заочной форме); трансформация системы общего образования с возможным увеличением срока обучения и включением новых предметов в обязательную программу; реформирование системы высшего и среднеспециального образования с целью повышения универсальности получаемых знаний и навыков;
- **Активизация государственной политики на рынке труда:** повышение мобильности трудовых ресурсов как в региональной (между регионами и внутри одного региона, в том числе за счет создания системы аренды временного жилья, построенного за счет государственных финансов), так и в

отраслевой плоскости; ускоренное повышение МРОТ для мотивации работодателей в отраслях с избыточной занятостью к повышению производительности на фоне необходимости оптимизации затрат на оплату труда; расширение информационной поддержки населения по поиску более высокооплачиваемых вакансий и возможностям переквалификации/повышения квалификации;

- **«Донастройка» налоговой и тарифной политики в отношении продуктов питания, услуг ЖКХ и топлива:** снижение или обнуление льготной ставки НДС на ряд «социальных» продуктов питания и товаров первой необходимости, ограничение динамики тарифов ЖКХ ниже уровня инфляции с расширением соответствующего субсидирования за счет бюджетных средств, изменение системы акцизов на топливо с целью снижения доли расходов домохозяйств на указанные группы товаров и услуг (в первую очередь, с низким и средним уровнем доходов) с целью расширения возможностей потребления услуг, повышающих качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, рекреация). «Выпадающие» за счет предложенных мер доходы и возросшие расходы бюджета могут быть компенсированы за счет средств, которые федеральный бюджет получит при переходе к прогрессивной шкале НДФЛ.

Заключение

Развитие сферы услуг и трансформация индустриального типа экономического воспроизводства в постиндустриальную экономику стали объективным следствием повышения производительности труда в реальном секторе ведущих мировых экономик во второй половине XX века. Экономическая теория перешла от вопросов целесообразности включения услуг в воспроизводственный контур к разработке концепции постиндустриального общества, в котором экономическое развитие определяется в первую очередь развитием нематериального сектора, определяющего качество и динамику факторов производства, эффективность реального производства через межотраслевые связи. При этом, предпосылка о возможности роста только за счет сферы услуг подвергалась сомнению как из-за разрывов в динамике отраслевой занятости (хотя эту проблему и удалось нивелировать в развитых странах), так и в неравномерном перераспределении национального дохода между видами деятельности, приводящее к «вымыванию» среднего класса и ограничивающим возможности экономического роста. Наша позиция состоит в том, что само по себе расширение сферы услуг не может обеспечить стабильного долговременного экономического роста, однако указанные ограничения развития нематериального сектора необходимо преодолеть, так как демографические сдвиги и рост благосостояния населения (которое, в конце концов, является целью экономического развития) сделают необходимым расширение предложения услуг.

После перехода российской экономики к рыночным принципам функционирования, ее отраслевая структура в короткий срок кардинальным образом изменилась: спад производства сопровождался ростом значимости нематериального сектора, в первую очередь, сферы обращения (торговля, транспорт, в меньшей степени – финансовое посредничество). С одной стороны, это позволило отстроить принципиально новую систему экономических взаимодействий, а также абсорбировать значимую часть трудовых ресурсов, оказавшихся не востребованными при выбраковке неэффективных реальных производств. С другой стороны, структура затрат на услуги, в первую очередь, у реального сектора до середины 2000-х гг. была существенно смещена в сторону

роста трансакционных издержек. Связано это было в том числе в опережающей ценовой динамике в нематериальном секторе, что привело к перераспределению национального дохода в пользу части нематериального сектора.

Возвращение к устойчивым темпам экономического роста, в том числе реального производства в 2000-х гг., сопровождалось снятием ряда структурных ограничений, в частности снижение уровня затрат реального сектора на услуги сферы обращения, которое привело к снижению доли торговли и транспорта в производстве ВВП с одновременным ростом значимости бизнес-услуг, в меньшей степени – персональных услуг. Однако изменение отраслевой структуры выпуска не сопровождалось изменением в распределении факторов производства – трудовых ресурсов и основного капитала.

Таким образом, в российской экономической системе как минимум в последние полтора десятилетия произошла консервация несбалансированной отраслевой структуры распределения производственных ресурсов, в первую очередь - трудовых. По нашим оценкам, произведенным на основе разработанного автором модельного инструментария, избыточная занятость в сфере услуг на данный момент носит масштабный характер (достигая 3,7 млн. чел.) и сконцентрирована преимущественно в пяти видах деятельности (торговля, операции с недвижимым имуществом, связь, гостиницы и рестораны, финансы). Без решения проблемы избыточной занятости в ряде видов деятельности сферы услуг, среди структурных ограничений активного экономического роста будет присутствовать не только дефицит трудовых ресурсов, но также проблема низкой производительности и заработной платы в сфере услуг, сдерживающий рост реальных доходов населения. Более того, вынужденный опережающий темп роста цен на услуги, приводящий к их высокой доле в структуре затрат реального сектора, приведет к ограничениям в росте заработной платы уже в реальном секторе даже при росте производительности.

Многогранность проблем, которые объективно возникают при необходимости межотраслевого перетока занятости (структура профессионального образования, вопросы повышения квалификации или переобучения, ограничения в отношении меж- и внутрирегиональной миграции, в том числе связанные с недоступностью

приобретения или аренды жилья) могут быть решены только в рамках комплексной экономической политики государства. Кроме того, расширение финансирования услуг по повышению качества человеческого капитала при долговременных демографических ограничениях будет возможно преимущественно за счет бюджетных ресурсов, что потребует модификации принципов формирования как доходной, так и расходной части государственного бюджета.

Список литературы

1. Абалкин, Л. А. Андрей Шторх и современность (статья в пионерном полном издании на русском языке главных произведений первого отечественного академика-политэконома) / Л. А. Абалкин // Российский экономический журнал. – 2010. – № 6. – С. 76-80.
2. Аганбегян, А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая - сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста / А.Г. Аганбегян // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 66-79.
3. Айзинова, И.М. Розничная торговля в РФ в системе экономических и социальных координат / И.М. Айзинова // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2019 – №3. – С. 96-110.
4. Алмон, Кл. Искусство экономического моделирования / Кл. Алман. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 648 с. – ISBN: 978-5-317-04152-6.
5. Алмон, Кл. Межотраслевые модели INFORUM: происхождение, развитие и преодоление проблем / Кл. Алмон // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2016. – №2. – С. 3-15.
6. Аткинсон, Э. Б. Лекции по экономической теории государственного сектора. Lectures on Public Economics (1980) / Э.Б. Аткинсон, Дж. Стиглиц. — М.: Аспект Пресс. – 1995. — 832 с.
7. Балаева, А. Сфера услуг в мировой экономике: тенденции развития / А. Балаева, М. Предводителяева // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2007. – №3. – С.23-28.
8. Баранов, А.О. Макроэкономический анализ основных итогов развития России в постсоветский период / А.О. Баранов // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2012. – №6. – С. 23-41.
9. Барр, Ю. Политическая экономия: в 2-х тт. Т.1: Пер. с фр. / Ю. Барр. – М.: Международные отношения. – 1995. – 608 с.
10. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского / Д. Белл. – М.: Academia. – 2004. – 788 с.
11. Белоусов, А. Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса и развитию / А.Р. Белоусов — М.: МАКС-Пресс. – 2006. – 393 с. – ISBN: 5-317-01601-0.
12. Белоусов, Д.Р. Проблема труда: синхронизировать профобразование и спрос на труд: доклад к Конференции по образованию в современной экономике / Д.Р. Белоусов. – Москва. – 2024. – URL: http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2024_05-15LabFore.pdf
13. Бурменко, Т. Д. Сфера услуг: экономика / Т.Д. Бурменко, Н.Н. Даниленко, Т.А. Туренко. – М.: КноРус. – 2007. – 528 с.
14. В нашей стране больше никогда не будет дешевой рабочей силы, статья в издании «Коммерсант», опубликовано 23.09.2024 г., URL: https://www.kommersant.ru/doc/7179927?from=top_main_1

15. Глазьев, С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. — 2012. — № 2 (57). — С. 8-27.
16. Грандберг, З. Неоиндустриальная парадигма и закон вертикальной интеграции. Опубликовано на сайте Экономический портал.com, URL: <http://institutiones.com/general/903-neoindustrialnaya-paradigma-i-zakon-vertikalnoj-integracii.html>
17. Гринберг, Р.С. Экономика мира и России: тренды, шансы, риски / Р.С. Гринберг // ЭВР. — 2017. — №1 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-mira-i-rossii-trendy-shansy-riski>
18. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. — 2008. — №9. — С. 3-27.
19. Гусев, М.С. Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России / М.С. Гусев, А.А. Широков, Д.А. Ползиков, А.А. Янговский // Проблемы прогнозирования. — М.: Наука/Интерпериодика. — 2018. — № 6(171). — С. 28-50.
20. Демидова, Л.С. Сфера услуг в постиндустриальной экономике / Л.С. Демидова // Мировая экономика и международные отношения. — М.: Наука/Интерпериодика. — 1999. — № 2. — С. 24-32.
21. Демидова, Л. С. Сфера услуг: изменение динамики производительности / Л.С. Демидова // Мировая экономика и международные отношения. — М.: Наука/Интерпериодика. — 2006. — №12. — С. 40-52.
22. Демидова, Л.С. Анализ сферы услуг США: факторы ускорения динамики / Л.С. Демидова // Мировая экономика и международные отношения. — М.: Наука/Интерпериодика. — 2005. — №12. — С. 38-49.
23. Дзарасов, Р.С. Теория качественной неоднородности ресурсов и альтернативная экономика / Р.С. Дзарасов // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика. — 2002. — №5. — С. 31-47.
24. Дзарасов, Р.С. Теория качественной неоднородности ресурсов акад. Ю.В. Яременко в свете классической школы политической экономики / Р.С. Дзарасов // Проблемы прогнозирования. — М.: Наука/Интерпериодика. — 2024. — №6. — С. 16-27.
25. Дьяченко, О.В. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия / О.В. Дьяченко, Е.С. Зарубежнов // ЭВР. — 2015. — №3 (45). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-trendy-reindustrializatsii-pervonachalnyy-opyt-i-sovremennye-protivorechiya>
26. Дятел, Е. П. Об экономической теории и истории услуг / Е.П. Дятел, Н.В. Голомолзина // Журнал экономической теории. — 2009. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekonomicheskoy-teorii-i-istorii-uslug>
27. Егорова, Н.Е. Система моделей прогнозирования спроса на продукцию сферы услуг / Н.Е. Егорова, А.С. Мудунов // Аудит и финансовый анализ. — 2001. — №3.

28. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В.Л. Иноземцев. – Москва: Логос. – 2000. – 302 с.
29. Иовчук, С.М. Закономерности, особенности и перспективы участия России в международной торговле услугами / С.М. Иовчук // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2010. – №. 2. – С. 61-73.
30. Капелюшников, Р.И. Причины задержек заработной платы: микроэкономический подход / Р.И. Капелюшников // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2001. – №3. – С. 117-132.
31. Кендрик, Джон У. Тенденции производительности в США. / Перевод с англ. С. А. Батасова; Под ред. и с предисл. Я. Б. Кваша. – Москва: Статистика. – 1967. – 315 с. (Новейшие зарубежные статистические исследования; Кн. 6).
32. Кликич, Л.М. Эволюция сферы услуг: закономерности, особенности, формы государственного регулирования. Автореф. дис. канд. экон. наук. / Л.М. Кликич // Опубликовано на сайте Электронная библиотека диссертаций, URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-sfery-uslug-osobennosti-zakonomernosti-formy-gosudarstvennogo-regulirovaniya?ysclid=lnajd2pfjx570517733>
33. Козак, В. Е. Производительный и непроизводительный труд: (Очерк теории) / В.Е. Козак. – АН УССР. Ин-т экономики. – Киев: Наукова думка. – 1971. – 212 с.
34. Кондратьев, В.Б. Услуга на гранях времени / В.Б. Кондратьев // Креативная экономика. – 2011. – №7. – С. 128-135, URL: <https://rucont.ru/efd/538563>
35. Кондратьев, В.Б. Проблемы повышения эффективности российской экономики / В.Б. Кондратьев, Ю.В. Куренков // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2008. – №12 – С. 34-43.
36. Краснов, Л.В. Россия на мировых рынках интеллектуальных услуг /Л.В. Краснов, В.П. Шуйский, С.С. Алабян, А.В. Комиссаров // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2009. – №1. – С. 44-60.
37. Кронрод, Я.А. Общественный продукт и его структура при социализме / Я.А. Кронрод. – М.: Госполитиздат. – 1958. – 566 с.
38. Кудина, М.В. Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике / М.В. Кудина, М.А. Сухарева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2020. – №5. – С. 59-71. – DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-59.
39. Кудров, В.М. Инновационная глобализация и конкурентоспособность через призму экономик России и США / В. М. Кудров // США. Канада. Экономика - политика - культура: Ежемесячный научный и общественно-политический журнал. – 2003. – № 7. – С. 62-78.
40. Лавлок, К.: Маркетинг услуг. Персонал, технология, стратегия / [пер. с англ. Т. В. Безвенюк и др.]. - 4-е изд. – М. [и др.]: Вильямс. – 2005 (ГПП Печ. Двор). – 997 с.

41. Леонтьев, В. В. Исследование структуры американской экономики / В.В. Леонтьев, Холлис В. Ченери, Пауль Г. Кларк [и др.]; Пер. с англ. А. С. Игнатьева; Под ред. А. А. Конюса. – М.: Госстатиздат. – 1958. – 640 с.
42. Леонтьев, В.В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ / В.В. Леонтьев // Плановое хозяйство. – 1925. – №12. – С. 254-258.
43. Макаров, В.Л. Экономика знаний: уроки для России / В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский, А.Н. Козырев // Концепции. – № 11. – 2003.
44. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Пер. с 13-го англ. Изд / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М: ИНФРА. – 1999. – 974 с.
45. Маркс, К. Сочинения. Издание 2-е. В 50 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат. – 1955-1981. – Т.23, С. 517, Т. 24. – С. 168-170, Т. 26. – С. 139-155.
46. Маршалл, А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. – М.:Прогресс. – 1993. – 414 с. – ISBN 5-01-004200-2.
47. Методологические положения по исчислению выпуска услуг финансовых посредников и распределению по пользователям косвенно измеряемых услуг финансового посредничества. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/meta_26/Main.htm
48. Миндели Л.Э. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний / Л.Э. Миндели, Л.К. Пипия // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2007. №3. – С. 115-136.
49. Михеева, Н.Н. Сервисный сектор в российской экономике: межотраслевой анализ / Н.Н. Михеева // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика. – 2005. – №1. – С. 72-88.
50. Мониторинг экономики образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: www.memo.hse.ru
51. Наймушин, В. Постиндустриальные иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России / В. Наймушин // Экономист. – 2009. – №4. – С. 47-52.
52. Национальное бюро статистики Китая, China Statistical Yearbook 2022. – URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm>
53. Национальные счета России в 1989-1996 годах: Стат. сб. / Госкомстат России. – М. – 1997.
54. Национальные счета России в 1991-1998 годах: Стат. сб. / Госкомстат России – М. – 1999.
55. Национальные счета России. Статистические издания Росстата, за ряд лет, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>
56. Образование в России – 2003, издание Росстата, за ряд лет, URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_33/Main.htm
57. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b02_60/Main.htm

58. Особенности классификации отдельных видов экономической деятельности по ОКВЭД в сравнении с их идентификацией по ОКОНХ. Таблицы соответствия ОКОНХ и ОКВЭД. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b02_60/IssWWW.exe/Stg/d010/i010680r.htm
59. Отчет по форме 1-НОМ, Федеральная налоговая служба РФ, URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
60. Пархименко, В.А. Второй парадокс Леонтьева: экономическая теория или экономическая инженерия? / В.А. Пархименко // Вопросы экономики М.: НП "Редакция журнала "Вопросы экономики". – 2024. – №2. – С. 84-102.
61. Правдин, Д.И. Непроизводственная сфера: эффективность и стимулирование / Д.И. Правдин. – Москва: Мысль. – 1973. – 301 с.
62. Правдин, Д. И. Особенности экономики и управления в непроизводственной сфере народного хозяйства СССР / Акад. нар. хоз-ва при Совете Министров СССР, Каф. экономики отраслей нар. хоз-ва. – Москва: АНХ. – 1983. – 50 с.
63. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива / Р.Пребиш // - М.: ИЛА РАН. – 1992. - 76 с.
64. Прикладное прогнозирование национальной экономики. Учебное пособие / Под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Сутягина. — М.: Экономистъ, 2007. — 896 с. — ISBN: 978-5-98118-212-9.
65. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева; под общ. ред. Б.А. Райзберга. – 6-е изд., перераб. и доп. – Кострома: ИНФРА-М, 2008. – 512 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). – ISBN 978-5-16-003390-7.
66. Рикардо, Д. Начала политической экономии // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. М.: МП «ЭКОНОВ». – 1993. – 475 с. [Ricardo D. The Beginnings of Political Economy. М.: «ECONOV», 1993. 475 p. (In Russ.)].
67. Российская трансформация: 20 лет спустя /под ред. Ж. Сапира – М.: Магистр. – 2013. – 216 с.
68. Российский статистический ежегодник. 1999 г: Стат.сб. // Госкомстат России. – М. – 1999.
69. Российский статистический ежегодник. Статистические издания Росстата, за ряд лет, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>
70. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад / Под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широга. – М.: Артик Принт, 2024. – 264 с. – (Научный доклад ИНП РАН) – ISBN 978-5-6051841-1-9. ISSN 2712-9209. DOI: 10.47711/sr1-2024.
71. Россия в цифрах. 1995: Крат. стат. сб./Госкомстат России. – М. – 1995.
72. Россия в цифрах. 2002: Крат. стат. сб./Госкомстат России. – М. – 2002.
73. Россия в цифрах. Статистические издания Росстата, за ряд лет, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>
74. Россия и страны мира. Статистические издания Росстата, за ряд лет, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241>

75. Росстат. Методологические положения по статистике, выпуск №1, 1996 г., электронная версия. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
76. Росстат. Методологические положения по статистике, выпуск №5, 2006 г., электронная версия. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
77. Росстат. Сборник «Электронные таблицы – Показатели национальных счетов России, за ряд лет, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts/publications>
78. Савчишина, К.Е. Отраслевая структура занятости как фактор ограничения экономического роста / К.Е. Савчишина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2023. – № 3. – С. 145-159.
79. Савчишина, К.Е. Развитие сферы услуг как фактор формирования экономической динамики / К.Е. Савчишина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2024. – № 1. – С. 171-191.
80. Савчишина, К.Е. Роль госсектора в перераспределении национального дохода в 2010-х гг. / К.Е. Савчишина // ЭКО. – 2020. – №7. – С. 100-110.
81. Савчишина, К.Е. Современные проблемы и перспективы развития бюджетной системы России / К.Е. Савчишина // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2017. – №6. – С. 101-114.
82. Савчишина, К.Е. Место и роль сферы услуг в процессе трансформации российской экономики / К.Е. Савчишина, В.С. Сутягин // Научные труды. – 2006. – С. 79-108.
83. Савчишина, К.Е. Сфера услуг в современном воспроизводственном процессе российской экономики / К.Е. Савчишина, В.С. Сутягин // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2009. – №4. – С. 46-61.
84. Савчишина, К.Е. Сфера услуг России в трансформационный период: тенденции и проблемы / К.Е. Савчишина, В.С. Сутягин // Экономика строительства. – 2009. – №2. – С. 2-11.
85. Самуэльсон, Пол. А. Чистая теория государственных расходов // Обзор экономики и статистики. – Том 36. – № 4 (ноябрь 1954). – С. 387-389.
86. Самуэльсон, Пол А. Экономика, том 1. — М.: НПО «АЛГОН» ВНИИСИ. – 1992. – 332 стр.
87. Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения. Научный доклад / Под ред. академика Б.Н. Порфирьева. – М.: Артик Принт. – 2022. – 168 с.
88. Серебряков, Г.Р. Опыт построения динамической межотраслевой равновесной модели российской экономики / Г.Р. Серебряков // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2000. – №2. – С. 1-17.
89. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Предисл. В.С. Афанасьева; пер. с англ. М.: Эксмо. – 2007. – 568 с. [Smith A. Research on the Nature and Cases of the Wealth of Nations. М.: Eksmo, 2007. 568 p. (In Russ.)].
90. Солодков, М. В., Крылов Л.С. Методология исследования производительного труда при капитализме / М.В. Солодков, Л.С. Крылов. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 1974. – 148 с.

91. Социальная политика России: проблемы и решения. Научный доклад / Под ред. чл. – корр. А.А. Широ́ва. – М.: Артик Принт. – 2021. – 112 с.
92. Спасская, О.В. Развитие методов макроэкономического анализа структурных изменений в экономике России. Дис. канд. экон. наук: 08.00.01 (автореферат) / О.В. Спасская. – Москва. – 2006. – 25 с.
93. Стиглиц, Дж.Ю. Экономика государственного сектора // Пер.с англ. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА -М. – 1997. – 720 стр.
94. Стратегия роста. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года, опубликовано 28.02.2017 г. – URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/5.pdf>
95. Суворов, П.А. Сопоставительный анализ таблиц «затраты-выпуск» России и США / П.А. Суворов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс. – 2009. – С. 89-114.
96. Сутягин, В.С. Информационные и методические проблемы анализа и прогнозирования развития сферы услуг России / В.С. Сутягин, К.Е. Савчишина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс. – 2009. – С. 383-397.
97. Сэй Ж.-Б., Трактат по политической экономии. Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии // Сост., вступ. ст. и коммент. М. К. Бункиной и А. М. Семенова. — М.: Дело. – 2000.
98. Таблицы «затраты-выпуск» за 2011 и 2016 годы, Росстат, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
99. Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг за ряд лет, Росстат, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
100. Торговля в России. Статистические издания Росстата, за ряд лет, электронная версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13233>
101. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление // М.: МАКС Пресс. – 2018. – 264 стр.
102. Узяков, М.Н. Трансформация российской экономики и возможности экономического роста / М.Н. Узяков. – М.: Издательство ИСЭПН. – 2000. – 360 с.
103. Узяков, М.Н. О разработке обновленной версии рядов межотраслевых балансов РФ в постоянных и текущих ценах за 1980-2004 гг. / М.Н. Узяков, А.Ю. Маслов, А.Ю. Губанов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс. – 2006. – С. 648-655.
104. Услуга за услугу: сервисизация промышленности требует новой промышленной политики [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Ю. В. Симачёв (рук. авт. кол.), А. А. Федюнина, Л. С. Ружанская и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. — 178 с.
105. Фролов, И. Э. Академик Ю. В. Яременко: мы должны быть равны себе. AlterEconomics, 21(1). – С. 123–140. – URL: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.8>

106. Фролов, И.Э. Концепция экономико-технологического механизма ускоренного развития наукоемкого, высокотехнологичного сектора экономики и ее теоретические основы, опубликовано 03.04.2007 г., электронный версия. – URL: <https://ecfor.ru/publication/kontsepsiya-ekonomiko-tehnologicheskogo-mehanizma-uskorenno-razvitiya-naukoyomkogo-vysokotehnologichnogo-sektora-ekonomiki-i-eyo-teoreticheskie-osnovy/>
107. Хализов, С.Г. Критический анализ концептуальных положений Д. Рикардо / С.Г. Хализов, К.А. Петросян // Концепт. – 2017. – №S13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-kontseptualnyh-polozheniy-d-rikardo>
108. Ханин, Г.И. Оптовая торговля в современной России / Г.И. Ханин, Д.А. Фомин // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика. – 2007. – №5. – С. 42-62.
109. Ханин, Г.И. Розничная торговля России: состояние и перспективы / Г.И. Ханин, Д.А. Фомин // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика. – 2005. – №6. – С. 84-103.
110. Шакуров, И.Г. К вопросу о тенденциях и динамике развития сферы услуг / И.Г. Шакуров // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2007. – №4 (24). – С. 296-300.
111. Широ́в, А.А. Многоуровневые исследования и долгосрочная стратегия развития экономики: монография / А.А. Широ́в. – М.: МАКС Пресс. – 2015. – 264 с.
112. Широ́в, А.А. Межотраслевая макроэкономическая модель RIM – развитие инструментария в современных экономических условиях / А.А. Широ́в, А.А. Янтовский // Проблемы прогнозирования. – М.: Наука/Интерпериодика. – 2017. – №3. – С. 3-18.
113. Широ́в, А.А. Оценка возможных сроков создания ЗСТ между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом / А.А. Широ́в, А.А. Янтовский // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2014. – №2 (23). – С. 6-19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vozmozhnyh-srokov-sozdaniya-zst-mezhdu-evropeyskim-soyuzom-i-evraziyskim-ekonomicheskim-soyuzom?ysclid=m1c7h6kr4j960361627>
114. Шкрабак, Д.Н. Комплексная характеристика понятия «услуга» как начальный этап построения системы стратегического управления профессиональными сервисными организациями / Д.Н. Шкрабак // Проблемы современной экономики. – 2007. – №3 (23). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1550>
115. Шторх, А. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода / А. Шторх. – М.: Издательский дом «Экономическая газета». – 2008. – 1120 с.
116. Экономический словарь. – URL: [Услуги — Экономический словарь \(gufo.me\)](http://gufo.me)

117. Ярёмченко, Ю. В. Экономические беседы / Ю.В. Ярёмченко. — М.: ЦИСН. — 1999 — 344 с.
118. Arrow, Kenneth J. Capital-Labor Substitution and Economic Efficiency / Arrow Kenneth J., Hollis B. Chenery, Bagicha S. Minhas, Solow, Robert M. // Review of Economics and Statistics. — №43. — August 1961. С. 225–250.
119. Barro, Robert J. Economic growth / Robert J. Barro, Xavier Sala-i-Martin — 2nd ed. — 2004. — URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/BarroSalaIMartin2004.pdf>
120. Bart van Ark. The Productivity Gap between Europe and the United States: Trends and Causes / Bart van Ark, M. O'Mahony, M.P.Timmer // Journal of Economic Perspectives. — vol. 22. — №1. — 2008.
121. Baumol, W.J. Macroeconomics of Unbalanced Growth: The Anatomy of Urban Crisis / Baumol W.J.// The American Economic Review. — vol. 7. — №3. — 1967.
122. Becker, G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G.S. Becker. — Chicago and London: The University of Chicago Press. — 1993. — 418 p.
123. Bureau of Economic Analysis, U.S. Department of Commerce, база данных. — URL: www.bea.gov
124. Cass, D. Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation / D. Cass. — Review of Economic Studies. — №32. — July 1965. — С. 233–240.
125. Colin, Clark. Conditions of Economic Progress / Clark Colin. — London: Macmillan and Co. & Co. Ltd Sent Martin's Press. — 1940 — 515 p. — URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.223779>
126. Deutsche Bank AG, DB Research, «Europe's re-industrialisation» EU Monitor. — November 2013.
127. Douglas, Paul H. “The Theory of Wages”. — 1957. — URL: <https://archive.org/details/theoryofwages0000doug/page/n9/mode/2up>
128. Fuchs, Victor R. “The Health Economy”. — 1986. — URL: <https://archive.org/details/healtheconomy00fuch/page/386/mode/2up>
129. Godin, B. Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? / B. Godin // Project on the History and Sociology of S&T Statistics. Working Paper. — No. 24. — 2003. — URL: <http://www.csiic.ca>
130. Grossman, Gene M. Innovation and Growth in the Global Economy / Grossman Gene M., Helpman E. — Cambridge. — MA: MIT Press. — 1991.
131. Houghton, John. A Primer on the Knowledge Economy / Houghton, John, and Sheehan, Peter. — Victoria University: Centre for Strategic Economic Studies. — Melbourne. — 2000.
132. Koopmans, T. C. On the Concept of Optimal Economic Growth / T. Koopmans. — The Econometric Approach to Development Planning. — Amsterdam: North Holland. — 1965.
133. Leontief, W.W. Quantitative input and output relations in the economic systems of the United States/ W.W. Leontief // The review of economic statistics. — 1936. — № 5— С. 105-125.

134. Lerman, R. I. Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training / R.I. Lerman. – IZA Policy Paper. – 2013. – №61-36. – p. 28.
135. Lucas, R. E., Jr. On the Mechanics of Economic Development / R. Lucas // Journal of Monetary Economics. – №22. – July 1988. – P. 3–42.
136. Machlup, F. The Economics of information and Human Capital / F. Machlup. – Princeton. – 1984.
137. McKinsey Global Institute Report, A new future of work: The race to deploy AI and raise skills in Europe and beyond, 2024. – URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-in-europe-and-beyond#/>
138. Mincer, J. Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan / Mincer J., Higuchi Y. // Journal of the Japanese and International Economics. – 1988. – № 2. – P. 97-133.
139. National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA), база данных United Nations Statistics Division. – URL: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/resQuery.asp>
140. National Longitudinal Surveys, база данных U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.nlsinfo.org>
141. OECD Data, база данных Организации экономического сотрудничества и развития. – URL: <http://www.oecd.org>
142. Petty, William, Essays on Mankind and Political Arithmetic/ W. Petty. – 2002. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/5619/5619-h/5619-h.htm>
143. Ramsey, F. A Mathematical Theory of Saving / F. Ramsey // Economic Journal. – №38. – December 1928. – P. 543–559.
144. Robinson, J. The Classification of Inventions / J.Robinson // Review of Economic Studies. – №5. – February 1938. – P. 139–142.
145. Romer, Paul M. Growth Based on Increasing Returns Due to Specialization / Paul. M. Romer // American Economic Review. – №77. – May 1987. – P. 56–62.
146. Savchishina? Ksenia E. The Long-term Forecast of the Russian Economy Using RIM, the Russian Interindustry Model // In Quest of the Craft: Economic Modeling for the 21st Century/ edited by Douglas S/ Meade. – Firenze University Press. – 2015.
147. Schulz, T.W. Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities). – New York: National Bureau of Economic Research. – 1972. – 84 p.
148. Sheshinski, E. Optimal Accumulation with Learning by Doing / E. Sheshinski// In Karl Shell, ed. – Essays on the Theory of Optimal Economic Growth. – Cambridge. – MA: MIT Press. – 1967. – P. 31-52.
149. Solow, Robert M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / M. Solow // Quarterly Journal of Economics. – №70. – February 1956. – P. 65–94.
150. Sorbe, S. Can productivity still grow in service-based economies?: Literature overview and preliminary evidence from OECD countries / S. Sorbe, P. Gal and V. Millot // OECD Economics Department Working Papers. – 2018. – No. 1531. – OECD Publishing. – Paris. – URL: <https://doi.org/10.1787/4458ec7b-en>.
151. Stewart, T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations / T.A. Stewart. – N.Y.-L. Doubleday / Currency. – 1997.

152. Swan, Trevor W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.Swan // Economic Record. – №32. – November 1956. – P. 334–361.
153. Taylor, L. Structuralist macroeconomics: Applicable models for the third world /L. Taylor // New York: Basic Books. – 1983. – P. 25-27.
154. Teece, D. Profiting from technological innovation / D. Teece// Research Policy 15 (6). – 1986. – P. 504-531.
155. Triplett, J.E. Productivity Measurement Issues in Services Industries: “Baumol’s Disease” Has Been Cured / J.E. Triplett, B.P. Bosworth // FRBNY Economic Policy Review. – September 2003.
156. Uzawa, H. Optimal Growth in a Two-Sector Model of Capital Accumulation / H. Uzawa // Review of Economic Studies. – №31. – January 1964. – P. 1–24.
157. WIOD – World Input-Output Database, база данных Groningen Growth and Development Centre. – URL: <https://www.rug.nl/ggdc/valuechain/wiod/?lang=en>
158. Wilson, Daniel J. Quantifying embodied technological change / Daniel J. Wilson, P. Sakellaris // Review of Economic Dynamics. – 2004. – №7. – P. 1-26.
159. World Development Indicators, база данных Всемирного банка. – URL: <http://wdi.worldbank.org/tables>
160. World Trade Organization, WTO Stats, база данных Всемирной торговой Организации. – URL: <http://stat.wto.org>

Приложение. Проблемы информационного обеспечения исследования³⁰

Основой прикладных прогнозно-аналитических исследований (в частности экономико-математического моделирования) является формирование адекватной информационной базы. Поэтому, для целей последующего исследования, необходимо детально разобраться в современной схеме отображения деятельности сферы услуг в существующей системе статистической отчетности.

1.1 Общие принципы построения статистической базы деятельности предприятий сферы услуг в рамках СНС. Переход к принципам рыночной экономики необходимым образом потребовал не только изменения методологии статистического наблюдения, сложившейся системы информации, но и расширения сущности, границ и результатов экономической деятельности. С этой целью с 1992 г. осуществлялся переход на систему национальных счетов (СНС) – систему взаимоувязанных показателей, применяемую для описания и анализа макроэкономических процессов в странах с рыночной экономикой [75].

Границы производства определяются в СНС как вся деятельность национальной экономики по производству товаров и услуг, которая охватывает предприятия, производящие товары и *услуги как рыночные, так и нерыночные* (к последним относятся услуги, реализуемые бесплатно или по ценам, не имеющим экономического значения и не оказывающим значительного влияние на спрос) [75]. В этом СНС принципиально отличается от баланса народного хозяйства (БНХ), разрабатывавшегося в СССР: в БНХ в качестве результата деятельности рассматривались только блага, принимающие материальную форму (продукция реального сектора) и текущие материальные затраты на оказание услуг. Сами по себе услуги не являлись результатом деятельности национальной экономики.

Включение в границы производства услуг повлекло за собой ряд методологических проблем в статистике, связанных с уточнением самого понятия «услуга», разработкой современного классификатора услуг, методики оценки

³⁰ В материалах Приложения используются результаты, опубликованные автором в [96].

вклада каждой отрасли сферы услуг в валовый выпуск, промежуточное потребление и вновь созданную добавленную стоимость. При этом статистические методы, применяемые для реального сектора, не могут быть адекватно использованы для определения показателей сферы услуг.

Современная статистическая база показателей функционирования организаций реального сектора и сферы услуг формируется согласно данным, которые предоставляются компаниями по формам федерального государственного наблюдения. Система показателей включает несколько основных блоков:

- показатели, характеризующие объем производства товаров и услуг. Основным показателем здесь является показатель «оборот». Он представляет стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг собственными силами и проданных товаров несобственного производства. Показатель «выпуск товаров и услуг» рассчитывается на макроуровне как сумма показателей «оборота» по всем видам деятельности, показатель «выпуска услуг» получается суммированием оборота предприятий этого сектора экономики;

- показатели, характеризующие финансовые результаты деятельности предприятий (выручка, прибыль (убыток), кредиторская и дебиторская задолженность);

- показатели, характеризующие использование труда и основного капитала.

Специфичность услуг как особого товара стала причиной необходимости разработки специальных методик расчета показателей деятельности отраслей третичного сектора. Так, выпуск продукции банков состоит из двух частей: оплаты вспомогательных финансовых услуг банков (ведение счетов и т.д.) и косвенно измеряемой стоимости услуг финансового посредничества, исчисляемой как разница между процентами, полученными банками за предоставленные кредиты, и процентами, выплаченными за привлеченные ресурсы (депозиты и др., подробнее см. ниже пункт 1.3). Для страховых организаций выпуск - это разница между страховыми премиями, полученными страховыми организациями, и страховыми возмещениями. В торговле выпуск определяется как сумма торговой наценки.

В рыночной экономике принципиальным является деление услуг на рыночные и нерыночные. Все услуги транспорта и связи трактуются как рыночные услуги. Для расчета объема оказанных рыночных услуг в области образования, здравоохранения, жилищно-коммунальных услуг, персональных и прочих услуг используются показатели полученных доходов от оказания этих услуг.

В жилищном хозяйстве к рыночным услугам отнесены услуги юридических и физических лиц по сдаче жилья в аренду. Их выпуск определен в размере арендной (квартирной) платы с добавлением субсидий. Также к рыночным услугам относятся все услуги по обеспечению проживания в жилищном фонде, не принадлежащем населению. В современной экономической ситуации наблюдается смещение в структуре оплаты расходов на содержание жилого фонда в пользу населения. Расходы, оплачиваемые населением, покрывают все большую часть расходов на содержание жилого фонда, а соответственно расходы государства сокращаются. В соответствии с этим расходы государства на содержание принадлежащего ему жилого фонда (за вычетом льгот и субсидий населению) рассматриваются как субсидии на продукты, а не как расходы на конечное потребление и в состав использованного ВВП не включаются. К нерыночным услугам отнесены услуги по проживанию в собственном жилище, выпуск которых определен в размере текущих затрат на содержание жилья, включая потребление основного капитала. Также сюда отнесены расходы государства на конечное потребление жилищных услуг, которые представляют собой субсидии и льготы, предоставляемые отдельным категориям граждан по оплате этих услуг.

Выпуск нерыночных услуг оценивается *либо с использованием рыночной цены* на аналогичные услуги, реализуемые на рынке, если ее возможно установить, *либо по фактическим текущим затратам на оказание этих услуг* (оплата труда, материальные затраты, оплата услуг, потребленных в процессе производства, другие налоги на производство) *плюс потребление основного капитала*. В частности, по затратам на производство оцениваются услуги государственного управления и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства

(НКООДХ), к которым относятся следующие виды производственной деятельности:

80. Образование

85. здравоохранение и предоставление социальных услуг

91. Деятельность общественных объединений (кроме 91.11 "Деятельность коммерческих и предпринимательских организаций")

92. Деятельность по организации отдыха, развлечений, культуры и спорта (кроме 92.11 "Производство фильмов", 92.12 "Прокат фильмов")

93. Предоставление персональных услуг (кроме 93.01 "Стирка, химическая чистка и окрашивание текстильных и меховых изделий", 93.03 "Организация похорон и предоставление связанных с ними услуг")

55.2 Деятельность прочих мест для временного проживания

70.20.2 Сдача внаем собственного нежилого недвижимого имущества

К нерыночным услугам отрасли «Наука и научное обслуживание» отнесены только фундаментальные исследования, финансируемые из государственного бюджета, остальные услуги этой отрасли трактуются как рыночные, включая те из них, которые приобретаются государством для обеспечения своей деятельности [75].

1.2 Особенности использования классификатора ОКВЭД. Согласно принятой в российской статистике практике, виды деятельности, относящиеся к сфере услуг, определяются по «остаточному признаку»: сначала определяются отрасли, производящие товары (промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство, производство электроэнергии, газа и воды, прочие виды деятельности по производству товаров), а остальные отрасли относятся к оказывающим услуги. Обратимся к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), где представлена их детальная классификация. Ниже приведены, на наш взгляд, наиболее значимые элементы видов услуг из этого перечня, представляющие существенную роль в воспроизводственном процессе отечественной экономики с соответствующими кодами.

Раздел Г: «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования».

50. Торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт.

51. Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами.

52. Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами.

Раздел Н: «Деятельность гостиниц и ресторанов».

Раздел И: «Транспорт и связь».

60.10.11. Деятельность магистрального пассажирского железнодорожного транспорта.

60.10.12. Деятельность магистрального грузового железнодорожного транспорта.

60.21.1. Деятельность автомобильного (автобусного) пассажирского транспорта.

60.24. Деятельность автомобильного грузового транспорта.

60.30.1. Транспортирование по трубопроводам нефти и продуктов нефтепереработки.

60.30.2. Транспортирование по трубопроводам газа и продуктов его переработки.

61.10.1. Деятельность морского пассажирского транспорта.

61.10.2. Деятельность морского грузового транспорта.

61.2. Деятельность внутреннего водного транспорта

62.10.1. Деятельность воздушного пассажирского транспорта.

64. Связь.

Раздел Ж: «Финансовая деятельность».

65. Финансовое посредничество.

66. Страхование.

Раздел К: «Операции с недвижимым имуществом и предоставление услуг».

70.1. Подготовка к продаже, покупка и продажа собственного недвижимого имущества.

70.2. Сдача в наем собственного недвижимого имущества.

70.32.1. Управление эксплуатацией жилого фонда.

70.32.2. Управление эксплуатацией нежилого фонда.

73. Научные исследования и разработки.

74.1. Деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита, консультирования по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием.

74.2. Деятельность в области архитектуры, инженерно-технического проектирования; геологоразведочные и геофизические работы; геофизическая и картографическая деятельность; деятельность в области стандартизации и метрологии; деятельность в области гидрометеорологии и смежных с ней областях.

Раздел Л: «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение».

Раздел М: «Образование».

Раздел Н: «Здравоохранение и предоставление социальных услуг».

Раздел О: «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг»

90. Сбор сточных вод, отходов и аналогичная деятельность.

91. Деятельность общественных объединений.

92. Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта.

93. Предоставление персональных услуг [76].

Настоятельность представления структуры сферы услуг в столь детализированном виде в нашей работе обусловлена целым рядом обстоятельств.

Прежде всего – это необходимость построения достаточно продолжительных динамических рядов анализируемых показателей, используемых как в

исследовании процессов структурных сдвигов, происходящих в сфере услуг, так и для целей эконометрического моделирования.

Помимо этого, как видно из приведенного выше перечня, в один и тот же раздел ОКВЭД включены одновременно разнохарактерные виды деятельности. Ярким примером этого может служить раздел К, куда, наряду с операциями с собственным недвижимым имуществом, включены управление эксплуатацией жилого и нежилого фонда (ранее – жилищное хозяйство), научные исследования и разработки и ряд других специфических видов деятельности. В связи с этим, в процессе прогнозно-аналитических исследований приходится осуществлять определенные перегруппировки отчетных данных. Это тем более актуально при использовании методов экономико-математического моделирования, когда необходимо выделение того или иного круга факторов, определяющих характер динамики интересующих нас параметров. Потребность в подобной перегруппировке возникает и в связи с использованием в исследовании структурных моделей, в частности разрабатываемой в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН модели RIM (Russian Interindustry Model).

Первоочередной проблемой, с которой сталкивается исследователь, обращаясь к публикуемым Росстатом статистическим данным, является отсутствие сопоставимых временных рядов. С 1 января 2003 года для расчета показателей СНС используется Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). Его кардинальное отличие от применяемого ранее Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) заключается прежде всего в том, что «в соответствии с международной практикой в ОКВЭД не учитываются такие классификационные признаки, как форма собственности, организационно-правовая форма и ведомственная подчиненность хозяйствующих субъектов, не делается различий между внутренней и внешней торговлей, рыночными и нерыночными, коммерческими и некоммерческими видами экономической деятельности». В ОКВЭД основным классификационным признаком является вид товара или услуги [76].

Таким образом, с нашим распоряжением находятся временные ряды для 1990-2001 гг. в ОКОНХ и для 2002-2010 гг. в ОКВЭД. Для перехода от одного классификатора к другому Росстат разработал так называемый «Переходный ключ от ОКОНХ к ОКВЭД», который планировалось использовать для создания сопоставимых рядов данных для 1991-2001 гг. с использованием классификации ОКВЭД. Однако эти расчеты не были официально опубликованы. Это вынудило нас провести собственные оценки, для чего был разработан более простой «переходный ключ» (таблица П.1, основанный на официальном варианте), в котором используются все статистические данные, доступные для периода 1990-2001 гг.

Таблица П.1 - Упрощенный переходный ключ от ОКОНХ к ОКВЭД

ОКВЭД	ОКОНХ
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство Рыболовство, рыбоводство	сельское хозяйство
	лесное хозяйство
Добыча полезных ископаемых Обрабатывающие производства Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	промышленность
	прочие виды деятельности по производству товаров
	шоссейное хозяйство
Строительство	строительство
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования Гостиницы и рестораны	торговля (оптовая, включая торговлю продукцией производственно-технического назначения, розничная, внешняя) и общественное питание
	заготовки
Транспорт и связь	Транспорт связь
Финансовая деятельность	финансы, кредит, страхование
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	операции с недвижимым имуществом
	информационно-вычислительное обслуживание
	наука и научное обслуживание
	геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы
	общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка
	организации обслуживающие сельское хозяйство
	жилищное хозяйство
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	управление, включая оборону
Образование	образование
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	коммунальное хозяйство
	непроизводственные виды бытового обслуживания населения
	общественные объединения
	культура и искусство

Апробация указанного ключа на отчетных данных 2002-2004 гг., официально опубликованных как для классификатора ОКОНХ, так и для ОКВЭД, показала, что расхождение показателей ВДС по видам экономической деятельности варьируется в пределах 0.1-7%, что является вполне приемлемым уровнем на данном этапе работы. Исключение составляет лишь раздел О «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» (расхождение около 30%), что объясняется отсутствием прямого соответствия между отраслью «Коммунальное хозяйство» в ОКОНХ и какими либо разделами в ОКВЭД (таблица П.2).

Таблица П.2 - Соответствие классификаторов ОКОНХ и ОКВЭД для отрасли «Коммунальное хозяйство»

ОКОНХ		ОКВЭД
Коммунальное хозяйство	Услуги по внешнему благоустройству (санитарная очистка, уборка и озеленение городов и поселков, эксплуатация городских дорог, мостов и др.)	Раздел О, подраздел 90: «Удаление сточных вод, отходов и аналогичная деятельность»
	Услуги по эксплуатации наружного освещения	Раздел Е: «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»
	Газоснабжение	
	Водоснабжение	
	Теплоснабжение	Раздел Н, подраздел 55.1: «Деятельность гостиниц», подраздел 55.2: «Деятельность прочих мест для временного проживания»
	Услуги гостиниц	
Пожарная охрана	Раздел L, подраздел 75.25.1: «Деятельность государственной противопожарной службы»	

1.3 Особенности исчисления услуг финансового посредничества. Отдельно необходимо остановиться на расчете косвенно измеряемой стоимости услуг финансового посредничества. В широком смысле посредническая деятельность банков и других финансовых учреждений состоит в том, чтобы привлекать и аккумулировать свободные финансовые ресурсы различных институциональных единиц (главным образом, домашних хозяйств и предприятий), которые имеют сбережения, с тем, чтобы передать их во временное пользование на возмездной основе тем институциональным единицам (главным образом нефинансовым корпорациям), которые намерены использовать эти ресурсы для финансирования инвестиций. Посредническая деятельность финансовых учреждений предполагает,

что они не только несут издержки, связанные с передачей ресурсов от одних институциональных единиц другим, но также берут на себя известный риск, принимают на себя финансовые обязательства. Финансовые учреждения не взимают прямой платы за услуги финансового посредничества. Они финансируют свои издержки и обеспечивают прибыль от этой деятельности, устанавливая разные ставки процента для заемщиков и кредиторов. Данную разницу в процентах нельзя непосредственно рассматривать в качестве платежей за услуги, так как в рамках современной концепции СНС доходы от предоставления займов являются доходами от собственности, а не доходами от производственной деятельности. Полученные проценты являются не платежами за предоставление услуг, а представляют собой форму перераспределения доходов [75]. В этой связи в СНС стоимость выпуска услуг финансового посредничества (УФПИК) исчисляется косвенным методом. Общая формула исчисления выпуска УФПИК может быть представлена в общем виде следующим образом:

$$УФПИК = (R_L L - rL) + (rD - R_D D)$$

где L - общая величина ссуд, предоставленных финансовыми посредниками;

D - общая сумма депозитов, принятых финансовыми посредниками;

R_L - процентная ставка по ссудам;

R_D - процентная ставка по депозитам;

r - базисная процентная ставка (ставка "чистого" процента, определяемая по межбанковским кредитным операциям).

Базисная процентная ставка (r) рассчитывается для операций с межбанковскими ссудами между резидентами. Она определяется как средняя взвешенная из процентов по межбанковским ссудам в национальной и иностранной валюте; в качестве весов служат средние остатки межбанковских ссуд за отчетный период, соответственно, в национальной и иностранной валюте [75]:

$$r = \frac{\text{Проценты по межбанковским ссудам}}{\text{Средние остатки межбанковских ссуд}} .$$

До 2003 г. использовался упрощенный метод расчета объема оказываемых УФПИК, при котором объем использования этих услуг полностью относился к промежуточному потреблению условной отрасли, выпуск которой принимался равным нулю. Величина ВВП при этом несколько занижалась, так как часть услуг финансового посредничества должна была относиться к конечному потреблению. В 2010 г. Росстат совместно со специалистами Банка России пересмотрел оценки общей величины УФПИК, сделанные ранее, и осуществил их перераспределение между промежуточным и конечным использованием в 2002-2010 гг. (в текущих ценах, а также индексы физического объема и дефляторов в 2003-2009 гг.).

Несмотря на проведенное совершенствование методологии построения статистической базы показателей функционирования финансовых посредников, ее современное состояние все еще остается неудовлетворительным, так как не дает корректной оценки масштабов деятельности данного сектора (особенно в период его наиболее бурного развития – 1992-2000 гг.). Проиллюстрировать это можно на примере расчетов, опубликованных в работе [92] (таблица П.3).

Таблица П.3 - Основные показатели деятельности кредитных учреждений в 1994-2003 гг. (в текущих ценах, трлн. руб.).

Показатель	1994	1995	1996	2000	2003
Полученные проценты (1)	57.8	109.2	87.4	168.5	375.4
Уплаченные проценты (2)	46.0	97.1	91.5	136.1	180.0
УФПИК (3)=(1-2)	11.8	12.1	-4.1	32.3	195.4
Выпуск банков (4)	15.6	20.1	6.5	74.3	266.6
Промежуточное потребление (5)	3.1	4.6	6.5	29.3	64.9
Валовая добавленная стоимость (6)=(4)-(5)	12.5	15.5	0.05	45.0	201.7
Доходы по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке (7)	6.2	41.0	95.7	53.6	104.6
Расходы по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке (8)	4.1	16.8	24.5	5.7	21.9
Сальдо по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке (9)=(7)-(8)	2.1	24.2	71.2	47.9	82.7
Выпуск банков с учетом сальдо по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке (10)=(4)+(9)	17.7	44.3	77.7	122.2	349.3
ВДС с учетом сальдо по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке (11)=(6)+(9)	14.6	39.9	71.25	92.9	284.4
Доля сальдо операций по операциям с ценными бумагами и на валютном рынке в скорректированной ВДС, % (9)/(11)	14.4	60.7	100	51.6	29.1
Доля УФПИК в ВДС, % (3)/(11)	85.6	39.3	0	48.4	70.9

Источник: Спасская О.В. [92]

Данные таблицы П.3 указывают на то, что показатель косвенно измеряемых услуг финансового посредничества (УФПИК) с 1995 г. значительно меньше, чем

доходы банков по операциям с ценными бумагами (в том числе государственными) и на валютном рынке. В условиях гиперинфляции, сужения сектора реального производства, значительного дефицита государственного бюджета и, соответственно, высоких ставок дохода по ценным бумагам, значительного обесценения национальной валюты, наиболее прибыльными и безрисковыми операциями для финансовых организаций (основную часть которых составляют банки) являлись именно спекулятивные операции купли-продажи валюты и ценных бумаг, а не кредитование населения и предприятий. Аналогичная ситуация была характерна и для кризиса 2008-2009 гг., когда большая часть финансовой помощи государства на поддержание ликвидности банковской системы была этой системой использована не на расширение объемов кредитования экономики, а на приобретение и перепродажу валюты в период девальвации рубля (4 квартал 2008 года – 1 квартал 2009 г.).

В современной системе российской статистики объем выручки банковского сектора и биржевой торговли от продажи акций и валютных операций не попадает в выпуск сектора финансовых посредников, а учитывается в счете перераспределения доходов. В результате, статистический эквивалент прибыльного и быстро развивающегося сектора в отраслевой структуре ВДС остается весьма небольшой величиной. Результаты приведенных в [92] расчетов привели к значительному увеличению объема выпуска кредитных учреждений по сравнению с официально публикуемыми данными и позволяют более адекватно охарактеризовать значимость банковского сектора в экономической структуре страны. Однако, как отмечено в [92], «...применяемые в СНС методы учета объема продукции финансового сектора не позволяют (даже с учетом сделанных корректировок) выявить действительные масштабы воздействия сектора финансовых посредников на экономику страны».